

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИМЕНИ Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Е.М. Харитонова

«МЯГКАЯ СИЛА» ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Москва
ИМЭМО РАН
2018

УДК 327.8(410)
ББК 66.4(4Вел)
Харитон 207

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор политических наук И.С. Семененко
кандидат исторических наук Н.В. Юдин

Харитон 207

Харитонов Е.М. «Мягкая сила» Великобритании. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 139 с.
ISBN 978-5-9535-0542-0
DOI:10.20542/978-5-9535-0542-0

В монографии рассматриваются основные параметры и особенности «мягкой силы» как относительно самостоятельного, концептуально и институционально оформленного направления внешней политики Великобритании. Выявляются причины увеличения роли «мягкой силы» в международных отношениях и во внешней политике государств в условиях трансформации миропорядка. Проанализированы современное состояние и принципы функционирования институционального механизма политики «мягкой силы» Великобритании, а также целевые аудитории этой политики, факторы ее успеха и ограничения. Выявлены основные формы и механизмы использования «мягкой силы» Великобританией в приоритетных областях внешней политики.

Kharitonova E.M. The soft power of the United Kingdom. – Moscow, IMEMO, 2018. – 139 p.
ISBN 978-5-9535-0542-0
DOI:10.20542/978-5-9535-0542-0

The author examines key parameters and features of the UK soft power regarding it as a relatively independent and structured foreign policy area, with a distinct conceptual and institutional design. The work focuses on the reasons behind increasing attention to soft power in international relations theory and its growing role in the states' foreign policy in the transforming world. The author determines characteristics of the soft power ratings and indexes and highlights the factors allowing the United Kingdom to maintain high positions in such ratings; identifies the specific features of the UK soft power politics and its place in the country's foreign policy; describes its current state and principles of implementation, its major target audiences, factors of success and limitations; highlights key forms and mechanisms of soft power deployment in priority areas.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте: <https://www.imemo.ru>

ISBN978-5-9535-0542-0

© Харитонов Е.М., 2018
© ИМЭМО РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	8
Проблемы концептуализации понятия «мягкая сила».....	8
Особенности восприятия концепции «мягкой силы» научно-экспертным сообществом	18
Аналитические подходы к измерению и оценке эффективности «мягкой силы».....	24
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	44
Значение «мягкой силы» в британской внешней политике.....	44
Роль государственных институтов в реализации политики «мягкой силы».....	54
Целевые аудитории британской «мягкой силы».....	63
Инициатива <i>Cool Britannia</i> и программа <i>GREAT Britain</i>	69
Подходы британских экспертов к оценке и измерению «мягкой силы».....	79
ГЛАВА 3. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	84
Английский язык.....	84
Образование.....	92
Наука и инновации.....	98
Культура.....	105
Международное развитие.....	109
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	125

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа над материалом для представляемой вниманию читателя монографии началась в 2014 году. Одним из мотивов, побудивших автора исследовать опыт и подходы Великобритании к использованию «мягкой силы», было стремление выделить успешные модели и практики, которые позволяют Соединенному Королевству оказывать влияние на международную жизнь, участвовать в формировании глобальной повестки дня, сохранять и повышать привлекательность зарубежных целевых аудиторий. Великобритания, по мнению многих экспертов и согласно данным различных международных рейтинговым исследований, является одним из лидеров эффективного использования «мягкой силы» в силу своего уникального исторического опыта и специфики современной внешней политики. Исследование теоретических и прикладных аспектов использования «мягкой силы» Великобритании значимо для анализа и прогнозирования внешнеполитической деятельности страны и ее влияния на международной арене. Предполагалось, что выявление эффективно работающих механизмов и инструментов «мягкой силы» позволит взять часть из них на вооружение для достижения целей российской внешней политики и «мягкой силы».

За время работы над темой настоящей монографии в международной жизни произошли значительные изменения. Для Великобритании переломным моментом стал референдум о выходе страны из Европейского союза (ЕС), проведенный в 2016 году. До сих пор неясно, каким будет формат взаимодействия Британии и ЕС после реализации принятого на референдуме решения, и как оно повлияет на «мягкую силу» страны. Чем дальше идут переговоры между Великобританией и ЕС, тем более пессимистичными становятся прогнозы экспертов, и тем больше накаляются отношения между ведущими британскими политическими партиями и усиливаются внутрипартийные разногласия. Раздаются призывы провести повторный референдум и пересмотреть принятое решение. Возникает ощущение, что тема выхода из ЕС в настоящее время затмевает все остальные политические проблемы, и до тех пор, пока не будет какой-то определенности по этому вопросу, многие направления политики как бы поставлены «на паузу», несмотря на все усилия правящей консервативной партии придерживаться сценария *'business as usual'*.

Одновременно за последнее время заметно ухудшились отношения между Россией и западными странами и возможности для использования «мягкой силы» нашей страной остаются ограниченными.

Тем не менее, актуальность исследуемой темы за прошедшие несколько лет нисколько не уменьшилась. Стремительная трансформация международного порядка, все большее влияние незападных участников мировой политики, прежде всего, Китая, кризисные явления в политике многих западных стран, да и само решение о выходе Британии из ЕС заставляют по-новому посмотреть на невоенные и неэкономические факторы силы, осмыслить нематериальные составляющие внешней политики государств. В настоящей монографии исследуется период внешней политики Великобритании, предшествующий референдуму о выходе из ЕС – с 1997 по 2016 год. В этот период формировались новые и получили современный вид существующие механизмы и инструменты политики «мягкой силы», и именно они будут определять такую политику в новых условиях.

Великобритания на протяжении длительного времени активно использовала инструменты «мягкой силы» во внешней политике. Даже на бытовом уровне ее «мягкое», культурное, информационное и образовательное влияние хорошо ощущается. Страна обладает уникальным историческим наследием и по-прежнему стремится эффективно его использовать для увеличения своего влияния, благосостояния и безопасности. Физическая

территория страны сегодня несоизмерима по размерам с Британской империей, но символическое, культурное, образовательное и политико-психологическое постимперское пространство сегодня продолжает оставаться огромным. В монографии «мягкая сила» рассматривается как способ освоения и расширения транснациональных политических пространств. На примере Великобритании можно увидеть, как оно реализуется на практике в условиях современного взаимозависимого мира.

Первая глава монографии посвящена рассмотрению концепции «мягкой силы» и ее места в науке о международных отношениях и во внешнеполитической практике государства. Термин «мягкая сила» был предложен американским политологом Джозефом Наем в начале 1990х годов. Однако, сам автор термина утверждает, что то, что он называет «мягкой силой», а именно «сила, основанная на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики, способность добиваться, чтобы другие хотели того же, чего хочешь ты», существовала на всем протяжении человеческой истории. При этом он противопоставляет «мягкую силу» «жесткой», то есть военной и экономической. Джозеф Най был далеко не первым, кто обратил внимание на невоенные и неэкономические факторы силы. Многие теоретики и в 30-е годы XX века, и после говорили о некоторой нематериальной составляющей силы. Писали о культурном и информационном влиянии, культурном империализме, «власти над мнением», возможности влиять на повестку дня, на желания и предпочтения людей, на их мысли и потребности. Ученые стремились выделить ту нематериальную составляющую национальной мощи, которая дает возможность лидировать в международных отношениях, привлекать на свою сторону представителей элит и рядовых граждан других государств, обеспечивать конкурентные преимущества в политике и экономике. Термин «мягкая сила» в этом контексте представляется удачной метафорой, в которой нашла выражение идея о влиянии, не обусловленном только военными или экономическими факторами. Отдельно в данной главе рассматриваются подходы к измерению эффективности «мягкой силы», в том числе, соответствующие рейтинги и индексы.

Концепцию «мягкой силы» часто критикуют и даже есть те, кто полностью ее отвергают. Однако сама популярность термина доказывает, что практические политики и исследователи в современном мире уделяют все больше внимания нематериальным факторам силы и влияния, даже если имеющиеся определения и концепции не полностью удовлетворяют критиков.

Во второй главе монографии рассматриваются государственные и связанные с государством структуры, которые участвуют в распространении «мягкой силы» Великобритании. Анализируется место «мягкой силы» во внешней политике страны, работа ключевых министерств и ведомств, а также отдельных подотчетных правительству и парламенту структур, в первую очередь, Британского совета. Эволюция подходов к реализации политики «мягкой силы» особенно заметна при рассмотрении целевых аудиторий такой политики, а также при анализе коммуникационных инициатив правительств лейбористов и консерваторов: инициативы *Cool Britannia* и программы *GREAT Britain*.

Третья глава посвящена выбранным автором пяти ключевым направлениям британской политики «мягкой силы». Это английский язык, образование, наука, культура и международное развитие. Можно отметить, что если в нашей стране образование и культура воспринимаются, скорее, как «статьи расходов» для государственного бюджета, то в Британии ситуация принципиально иная. Так, например, только доходы от экспорта образования оцениваются примерно в 20 млрд. фунтов стерлингов ежегодно. Инструменты «мягкой силы» используются не только для увеличения влияния, но и для повышения национального благосостояния.

В то же время, если говорить об оценке «мягкой силы» с точки зрения успешности внешней политики и влияния на национальную безопасность, здесь ситуация заметно сложнее. Например, практически не видно критики со стороны оппозиции относительно поддержки программ распространения английского языка, образования или культуры, однако постоянно раздается критика по поводу чрезмерных трат и низкой эффективности программ содействия международному развитию. Здесь встает вопрос о пределах использования «мягкой силы», а также заметнее влияние «жесткой силы» и последствий ее использования, в том числе, наследия Т. Блэра и его иракской кампании.

В Заключении подводятся итоги исследования, обобщаются выводы каждой из глав, дается оценка политики «мягкой силы» Великобритании.

Накопленный страной опыт по распространению «мягкой силы», подходы к выбору целевых аудиторий такой политики, принципы функционирования институтов и механизмов «мягкой силы», безусловно, заслуживают внимания. Как бы ни развивалась ситуация в связи с выходом страны из ЕС, британская «мягкая сила» будет по-прежнему влиять на внешнюю политику страны и на представления о ней в мире.

Автор выражает искреннюю признательность за поддержку в работе над монографией своим коллегам из Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) и в особенности научному руководителю диссертации на соискание степени кандидата политических наук, доктору политических наук Ирине Львовне Прохоренко, а также рецензентам – члену-корреспондента РАН Ирине Станиславовне Семененко и кандидату исторических наук, доценту кафедры международных организаций и мировых политических процессов Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова Николаю Вадимовичу Юдину.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Проблемы концептуализации понятия «мягкая сила»

Термин «мягкая сила» (*soft power*) был предложен американским политологом Джозефом Наем-мл. в конце прошлого столетия. В статье с одноименным названием, опубликованной в журнале *Foreign Policy* в 1990 г.¹, он рассуждает о новой конфигурации мирового порядка после окончания «холодной войны». Продолжая идеи взаимозависимости, разработанные совместно с Робертом Кеохейном², он говорит об изменении распределения силы в мировой политике и о том значении, которое приобрели негосударственные акторы, прежде всего – транснациональные корпорации. В этом трансформирующемся мире возрастает роль информационных технологий и коммуникации, и успех государства зависит не только от военной или экономической мощи, но и от способности быть привлекательным, добиваясь того, чтобы «другие хотели того же, чего хочешь ты». В дальнейших работах³ Дж. Най развивает свои идеи, однако понятие «мягкая сила» – то есть сила, основанная на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики, – остается центральным в его концепции и противопоставляется силе «жесткой», базирующейся на принуждении или подкупе. Позднее он также добавляет термин «умная сила» (*smart power*) для обозначения сочетания «мягкой» и «жесткой» силы⁴.

Концепция «мягкой силы» привлекла большое внимание исследователей и практических политиков и к настоящему времени стала общеупотребительной во многих странах мира. На совещании с послами и постоянными представителями России в июле 2012 г. Президент России В.В. Путин подчеркнул, что «традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы», есть над чем подумать»⁵. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ в феврале 2013 г., впервые (по сравнению с соответствующими Концепциями 2000 и 2008 г.) говорится о необходимости работы для

¹ Nye, J. *Soft Power*. // *Foreign Policy*. – 1990. – No 80. – P. 153-171.

² Keohane R.O., Nye J.S. Jr. *Power & Interdependence* (4th Edition). – Pearson, 2011. – 368 p.

³ См., напр.: Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. – New York: Basic Books, 1990. – 336 p.; Nye J. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone*. – New York: Oxford University Press, 2002; Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004; Nye J. *The Future of Power*. – New York: Public Affairs, 2010; Nye J. *The Information Revolution and American Soft Power* // *Asia Pacific Review*. Spring, 2002; Nye J. *The Velvet Hegemon*, // *Foreign Policy*. 05.2003; Nye J. *Soft Power and American Foreign Policy*. // *Political Science Quarterly*, 2004. – V. 119. – No 2. – P. 255-270; Nye J. *Smart Power: In Search of the Balance between Hard and Soft Power*. // *Democracy: A Journal of Ideas*. – No 2, 2006; Nye J. *Notes for a Soft Power Research Agenda/Power in World Politics*. / eds. Berenskoetter F., Williams M. J. – London: Routledge, 2007; Nye J. *The Place of Soft Power in State-Based Conflict Management/Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World*. / Eds. Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. – Washington: United States Institute of Peace Press, 2007. – P. 389-400; Nye J. *Culture, Soft Power, and 'Americanization'/Cultural Politics in a Global Age; Uncertainty, Solidarity and Innovation*. / eds. Held D., Moore H. – London: Oneworld Publications, 2007; Nye J. *A Smarter Superpower*. // *Foreign Policy*, 18.04.2007; Nye J. *Think Again: Soft Power* // *Foreign Policy*. 23.02.2006; Nye J. *Smart Power and the 'War on Terror'* // *Asia-Pacific Review*. – V. 15. – No 1. – P. 1-8, 05.2008; Nye J. *Get Smart: Combining Hard and Soft Power* // *Foreign Affairs*, 07.08.2009; Nye J. *The War on Soft Power*. // *Foreign Policy*, 12.04.2011.

⁴ Nye J. *Smart power*. *New Perspectives Quarterly*, 2009. – Vol. 26. – No 2. – P. 7-9.

⁵ Совещание послов и постоянных представителей России. 9 июля 2012 года. Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс] Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>.

наращивания «мягкой силы» страны⁶. Палата лордов Великобритании в парламентскую сессию 2013–2014 гг. создала специальный Комитет по «мягкой силе» и влиянию страны, который провел общественные слушания и подготовил доклад с рекомендациями правительству в этом плане⁷. Профессор Фуданьского университета (Китай) Су Чангхе указывает на то, что в последнее десятилетие у него на родине «мягкая сила» – одна из наиболее часто обсуждаемых и используемых политических и социальных категорий⁸.

Концепция «умной силы», сочетающей «мягкий» и «жесткий» подходы, также вызвала большой интерес. Кандидат в президенты США от Демократической партии Хиллари Клинтон во многом способствовала популяризации этого термина⁹ и регулярно использует словосочетание «умная сила» в публичных выступлениях¹⁰. Можно с уверенностью утверждать, что концепции «мягкой» и включающей ее «умной» силы сегодня прочно обосновались как в научной литературе, так и в политической риторике.

Российские исследователи обсуждают различные варианты перевода английского выражения *soft power* на русский язык. Сложность заключается не только в метафоричности самого термина, но и в расхождении смыслов близких по значению слов в разных языках. Английское слово *power* переводят на русский как «власть», «мощь», «могущество», в некоторых случаях ему может соответствовать и понятие «влияние». Помимо этого, термин употребляется в значении «держава» (например, *great power* – «великая держава»). В то же время русскому слову «сила» в английском языке соответствует не только *power*, но и *force*, а также *strength*, с собственным смысловым наполнением и коннотациями. В немецком языке, на котором были написаны многие значимые работы, касающиеся политической силы/власти, например, принадлежащие выдающемуся социологу Макс Веберу, используется слово *die Macht* (сила, мощь, власть), близкое к английскому *power*. Кроме того, М. Вебер также употребляет понятие *die Herrschaft* (господство), предполагающее иерархию отношений¹¹. Между тем, в знаменитом диалоге из «Фауста» Гете, который в русском переводе Б. Пастернака звучит как «Я – часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо», в немецком оригинале использовано слово *die Kraft* (сила, мощность, энергия, мощь).

В отечественной научной литературе самыми распространенными являются понятия «власть» и «сила». Применительно к международным отношениям более предпочтительным традиционным вариантом перевода английского *power* стал термин «сила»: можно говорить о силе, которой обладают государства и другие участники международных отношений, а не о власти. В отличие от «власти», «сила» не обязательно предполагает иерархию («власть кого-то над кем-то»). «Сила» так же, как и английское *power*, является в русском языке весьма широким и емким понятием.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. МИД РФ, 2013. Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> (accessed 09.12.2014).

⁷ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.I.: Stationery Office, 2014. – 105 p.

⁸ Changhe S., Soft Power. // Oxford Handbook of Modern Diplomacy. / eds.: Cooper A.F., Heine J., Ramesh Thakur R. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 556.

⁹ Etheridge E. How 'Soft Power' Got 'Smart'. // New York Times, 14.01.2009. [Electronic resource]. Available at: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart> (accessed 27.01.2015).

¹⁰ Sherfinski D. Hillary Clinton: 'Smart Power' Includes 'Showing Respect, Even for One's Enemies'. // The Washington Times, 3.12.2014. Available at: <http://www.washingtontimes.com/news/2014/dec/3/hillary-clinton-smart-show-respect-even-enemies> (accessed 27.01.2015).

¹¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. // Гл. ред. В.С. Степин / Ин-т философии РАН; 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. Интернет-версия издания: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.

Учитывая, что в англоязычной литературе концепции и определения силы в международных отношениях часто опирались на теории и дефиниции политической власти, в данной главе термины «сила» и «власть» используются в качестве равноправных переводов английского слова *power* в зависимости от контекста, в котором употребляется это понятие. Английское слово *soft* также имеет множество вариантов перевода на русский, например, «мягкий», «нежный», «гибкий», а также «слабый», «негромкий» и так далее.

Таким образом, поиск аналога рассматриваемого словосочетания в русском языке представляется непростой задачей. В отечественной литературе предлагались такие варианты перевода, как «гибкая сила», «мягкая власть» и другие¹², однако сегодня наиболее употребительным стало словосочетание «мягкая сила», которое и используется в монографии. Как российские, так и зарубежные исследователи отмечают обманчивость данной метафоры, как бы подразумевающей незначительность и невесомость «мягкой силы» по сравнению с «жесткой»¹³.

Содержание концепции «мягкой силы» также оказывается непростым для осмысления. Идею Дж. Най можно рассматривать и как попытку развития теории международных отношений и как политическую программу, направленную на усиление влияния в мире родной страны автора. В своих книгах и статьях политолог не только предлагает новый взгляд на глобальные процессы, но и дает рекомендации для решения практических внешнеполитических задач. Дж. Най утверждает, что сочетание силы «жесткой» и «мягкой» позволило Западу победить СССР в «холодной войне», и предлагает использовать этот опыт для решения новых внешнеполитических задач¹⁴. Например, он уверен, что привлекательность американских ценностей, культуры и внешней политики способна помочь США в борьбе с терроризмом. По его словам, молодые люди, воспринявшие американские или в более широком смысле западные ценности, не станут на сторону террористических организаций, и задача Соединенных Штатов состоит в том, чтобы привлечь население стран Ближнего Востока на свою сторону с помощью «мягкой силы»¹⁵.

Популярность концепции в среде правящих элит, причем не только в западных странах, свидетельствует о том, что она представляется ответом на многие актуальные сегодня вопросы и вызовы. Показательно, что, хотя идея «мягкой силы» была предложена Дж. Наем еще в 1990-х гг., рост ее популярности приходится уже на 2000-е и на 2010-е годы. Неудовлетворительные результаты применения «жесткой силы», прежде всего, на Ближнем Востоке, растущие угрозы терроризма и экстремизма, а также, особенно к концу 2000-х – началу 2010-х гг., все более негативное отношение общества западных стран к военным операциям за рубежом, заставляет политиков обращаться к тематике «мягкой» и «умной силы» в поиске невоенных путей решения стоящих перед ними внешнеполитических задач.

С другой стороны, в теоретическом плане концепция «мягкой силы» представляется многим исследователям недостаточно строгой с научной точки зрения. Дж. Най критикуют за отсутствие четкого определения «мягкой силы»: в своих книгах и статьях он определяет

¹² См., напр.: Панова, Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике. Диссертация на соискание научной степени кандидата наук. – М.: МГИМО(У) МИД России, 2012; Фоминых, А. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – № 1. – С. 76-85.

¹³ См., напр.: Русакова О. Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии. // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 10. – Екатеринбург, 2010. – С. 173-192.

¹⁴ Nye J. Think again: soft power. // Foreign policy 23.02.2006. Available at: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power>.

¹⁵ Nye J. The Velvet Hegemon. // Foreign Policy. 05.2003. – P. 74-75.

«мягкую силу» по-разному и эти определения не всегда совпадают¹⁶. В ответ на критику автор утверждает, что его концепция развивается, к тому же была многими истолкована неправильно¹⁷. Значительные сложности связаны с самой идеей «силы». Многие авторы обращались к изучению категории силы в международных отношениях, однако и сегодня не существует общепринятого ее определения. Ведь еще основатель школы политического реализма Ганс Моргентау утверждал, что концепция политической силы представляет собой одну из наиболее сложных и противоречивых проблем политической науки¹⁸. Видный исследователь-международник, также опирающийся на традицию реализма, Роберт Гилпин считает, что эта категория – одна из самых проблематичных как в науке о международных отношениях, так и в целом в политической науке¹⁹.

Философы и ученые обращались к понятиям «сила», «власть», «могущество» и «влияние» с античных времен. Еще в V в. до н. э. греческий историк Фукидид говорил о силе (прежде всего, военной) как о главном факторе в международных делах²⁰. В XVI в. флорентийский мыслитель Никколо Макиавелли в своем труде «Государь» писал о способах приобретения и удержания власти, полагая, что власть государя должна покоиться на крепкой основе: хорошем войске и хороших законах²¹. Столетие спустя английский философ Томас Гоббс рассуждал о могуществе человека (*power of man*) как о «наличных средствах достигнутом в будущем некоего видного блага»²².

В XIX-XX вв. силу и власть (*power*) изучали представители различных научных дисциплин, в том числе социологи и политологи: значительное внимание этим темам уделяли М. Вебер, М. Фуко, Т. Парсонс, Э. Гидденс, Х. Арндт, П. Бурдьё, представители Чикагской школы политической науки Ч. Мерриам и Д. Лассуэлл и многие другие²³. Несмотря на то, что изучение силы началось с древнейших времен, по словам американского политолога Роберта Даля, за несколько десятилетий XX в. было предпринято больше попыток систематического рассмотрения этой концепции, чем за предыдущее тысячелетие²⁴.

Употребление понятия «сила» как основополагающего в теории международных отношений принято связывать со школой политического реализма. В качестве участников международных отношений реалисты рассматривают исключительно государства, а сила представляется определяющим фактором и основой взаимоотношений между ними. Последователи данной школы рассматривают силу как возможность государств

¹⁶ Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – V. 4. – No 2. – P. 148.

¹⁷ Nye J. Think again: soft power. // Foreign policy 23.02.2006. Available at: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power>.

¹⁸ Morgentau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York: Knopf, 1985. – P. 31.

¹⁹ Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 13.

²⁰ Фукидид. История. – М.: Академический проект, 2012. – 557 с.

²¹ Макиавелли Н. Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1982.

²² Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 2001.

²³ См., напр.: Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. – University of California Press, 1978. – 1470 p.; Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. М.: Праксис, 2002. – 384 с.; Lasswell H.D., Kaplan A.K. Power and Society. – New Haven: Yale University Press, 1950; Бурдьё П. Социология социального пространства / Серия: Gallicinium. Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007 г. – 288 с.; Parsons T. Power and the Social System // Power / ed.: Lukes S. – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 96–143; Merriam C.E. Political Power. Its Composition and Incidence. – New York and London: McGraw-Hill, 1939; Arendt H. On Violence. – New York: Harcourt Brace & Co., 1970. – 120 p.; Arendt H. The Human Condition (1958)., Chicago: University of Chicago Press, 1998, 325 p.; Habermas J., McCarthy T. Hannah Arendt's Communications Concept of Power. Social Research. – 1977. – V. 44. – No 1. – P. 3–24.

²⁴ Dahl R. Stinebrickner B. Modern Political Analysis. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 2003. – 184 p.

использовать имеющиеся в наличии материальные ресурсы, чтобы добиться от других действий, которые они не совершили бы в ином случае²⁵.

Однако упоминавшийся выше основоположник школы политического реализма Г. Моргентау говорил отнюдь не только о материальных ресурсах, определяющих силу государств. В качестве основных элементов, на которых базируется национальная сила/мощь, он выделял географическое положение, природные ресурсы, промышленный потенциал, военную подготовленность, численность населения, национальный характер, национальную мораль и качество дипломатии²⁶. Кроме того, говоря об империализме, Г. Моргентау упоминает, помимо военного и экономического, также «культурный империализм», который направлен не на завоевание территории или контроль над экономической жизнью, а на завоевание и контроль над умами людей²⁷.

В своих рассуждениях Г. Моргентау был не одинок. В 1939 г., еще до публикации знаменитой работы Г. Моргентау, из печати вышла значимая для становления науки о международных отношениях работа видного британского исследователя Эдварда Карра. Тревожный межвоенный период и приход нацистов к власти в Германии не могли не повлиять на представления ученого о власти и силе. Э. Карр в своих рассуждениях о национальной силе в международных отношениях выделяет три ее разновидности: экономическую, военную и «власть над мнением». Третья разновидность рассматривалась им, в первую очередь, в контексте пропаганды, которая играла ключевую роль в этот период времени²⁸.

Таким образом, если на протяжении многих веков под силой государств подразумевалась, в первую очередь, военная мощь, то в XX в. все большее внимание начинает уделяться невоенным факторам силы и таким явлениям, как экономическая, культурная или информационная сила²⁹. Такие представления о природе силы очень близки к концепции «мягкой силы», предложенной Дж. Наем несколькими десятилетиями позже.

Сила как ресурс и сила как отношение

Говоря о понимании силы Г. Моргентау и его последователями, исследователь Принстонского университета Дэвид Болдуин отмечает, что реалисты и неореалисты (например, Кеннет Уолтц и Джон Дж. Миршаймер) в первую очередь концентрировались на понимании силы как потенциальной возможности или даже как ресурса, то есть некоторого набора характеристик, присущих государствам. Представители этих школ рассуждают о возможности добавления к уже имеющимся ресурсам тех или иных элементов национальной силы для достижения превосходства, а их теории «баланса сил» основываются на перераспределении имеющейся в наличии силы между великими державами³⁰. Например, Р. Гилпин исходит из определения силы как «военных, экономических и технологических возможностей государств»³¹.

Во второй половине XX в. возник новый взгляд на силу: как на отношение или определенную зависимость между субъектами. Представители различных наук (философы,

²⁵ Barnett M., Duvall R. Power in International Politics // International Organization. – 2005. – V. 59. – No 1. – P. 39-40.

²⁶ Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York: Knopf, 1985. – 688 p.

²⁷ Ibid. P. 74.

²⁸ Carr E.H. Propaganda in International Politics. – Oxford: Clarendon Press, 1939; Carr, E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. – London: Macmillan, 1946.

²⁹ Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 1. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm>.

³⁰ Baldwin D. Power and International Relations // Handbook of International Relations. / Eds.: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A.. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2013. – P. 273-297.

³¹ Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 13.

социологи, психологи и политологи) стремились осмыслить силу и власть как фактор, определяющий поведение участников таких отношений или зависимости. Один из влиятельных теоретиков политологии Р. Даль определит термин «*power*» как способность субъекта А добиться от субъекта Б действий, которые он не совершил бы без воздействия со стороны А³². От этого определения в своих размышлениях на тему силы отталкиваются многие исследователи-международники, в том числе, и Дж. Най. То есть применительно к международным отношениям сила может пониматься как ресурс государства, но вместе с тем она существует только в контексте отношений между участниками, ассиметричных по своей сути. Из такого определения следует, что сила является не абсолютной, а относительной категорией³³: ее можно представить в качестве функции от ресурса («ресурсной базы»), которым располагает субъект³⁴.

Д. Болдуин называет переход от представления о силе как о ресурсе к релятивистскому подходу «революцией» в изучении этой темы. Он также отмечает, что при изучении силы как отношения между субъектами, невозможно говорить о силе государства вообще: возникает необходимость определения, к чему приложена (или может быть приложена) сила, т.е. объект (или охват, пределы, границы) ее воздействия и сферу применения (*scope and domain*). Другие измерения силы, в том числе, вес, стоимость, средства также играют роль, однако границы действия и сфера применения оказываются минимальными необходимыми параметрами. Если сила – это возможность субъекта А добиться от субъекта Б действий, которые он не совершил бы без воздействия со стороны А, то для описания и измерения силы должны быть определены эти основные переменные. То есть А не просто обладает абстрактной силой, а именно силой по отношению к субъекту Б и силой добиться от него не чего угодно, а неких определенных действий.

Таким образом, одним из первых вопросов, связанных с пониманием силы в международных отношениях, является восприятие ее в качестве ресурса или в качестве отношения между субъектами. Российский исследователь Н.В. Юдин при изучении проблематики «мягкой силы» рассматривает эти два возможных подхода к определению силы и обозначает их как ресурсо-ориентированный (атрибутивный) и контексто-ориентированный (поведенческий). По его мнению, контексто-ориентированный все же наделен бóльшим эпистемологическим потенциалом³⁵.

Как можно заметить, Дж. Най в своем определении «мягкой силы» отталкивается от понимания силы, как возможности одного участника международных отношений добиться изменения поведения другого. Он говорит о «привлекательности» как об отношении между рассматриваемыми субъектом и объектом применения «мягкой силы», считая национальную культуру, ценности и внешнюю политику ресурсами, на которых основывается привлекательность. Однако, как отмечает британский исследователь Э. Локк, в своих работах Дж. Най фокусируется на «агенте» – то есть субъекте применения «мягкой силы» и сознательно не рассматривает подробно второго участника данного отношения – то есть «объект» ее применения. По мнению Э. Локка, Дж. Най часто тяготеет к пониманию силы как имеющегося в наличии ресурса, хотя сам и предупреждает об ограниченности такого понимания³⁶.

³² Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. – 1957. – No 2. – P. 201–215.

³³ Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. – М., 2006. – С. 15.

³⁴ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – М.: Прогресс-традиция, 2014. – С. 560.

³⁵ Юдин Н.А. Системное прочтение феномена мягкой силы. // Международные процессы. 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 96-105. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.7.

³⁶ Lock, E. Soft Power and Strategy: Developing a 'Strategic' Concept of Power. / Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. – London: Routledge, 2010. – P. 32-50.

Сила как потенциальная возможность и сила как результат

В большинстве определений сила описывается как способность или возможность добиться желаемого поведения тех или иных акторов. Однако очень сложно или невозможно предсказать, достаточна ли имеющаяся в наличии сила для достижения необходимых результатов. Даже если речь идет исключительно о военной мощи государства, такие количественные параметры, как численность армии или наличие современных средств вооружения не обязательно определяют результат применения силы. Большие и хорошо вооруженные, по сравнению с противником, армии не раз терпели поражение. Могущественные государства и империи переставали существовать под натиском противостоящих им сил. Таким образом, представления о потенциальной силе государства или о силе как ресурсе не оправдывались с точки зрения контроля над результатами.

Опыт, полученный США во время войны во Вьетнаме, еще раз продемонстрировал, что превосходства с точки зрения ресурсов не трансформируется автоматически в военные победы. Вероятно, под влиянием вьетнамских событий некоторые американские исследователи и предложили новый взгляд на силу, понимая ее как контроль над результатами³⁷. В статье, опубликованной в 1976 г. американский исследователь Дж. Харт предлагает пересмотреть существующий подход к рассуждениям о силе и ее измерении. Он говорит о том, что можно понимать силу по-разному: 1) как контроль над ресурсами, 2) как контроль над акторами и 3) как контроль над событиями и результатами. Исследователь утверждает, что третий вариант является наилучшим, так как он позволяет, в частности, учесть взаимозависимость участников международных отношений и возможность коллективных действий³⁸.

К похожим выводам приходит американский теоретик международных отношений Клаус Норр, полагая, что сила во внешнем мире может рассматриваться как обладание способностями, которые позволяют субъекту выступать с достоверными угрозами, но может трактоваться и как фактическая реализация воздействия на поведение стороны, которой угрожают. В первом случае сила – это качество, которым обладают сильные государства и которое можно аккумулировать; здесь сила – это возможность. Во втором случае сила – это результат, это уже оказанное воздействие. При первом подходе сила – это нечто такое, что государство может надеяться использовать в разнообразных будущих ситуациях. Во втором случае она возникает и формируется только в условиях конкретной ситуации. По словам К. Норра, сегодня большинство теоретиков понимает под силой реализованное воздействие, в то время как неспециалисты сводят ее к тем возможностям, которые позволяют выступать с угрозами³⁹.

Сторонники и критики концепции «мягкой силы» также обращают внимание на вопросы, связанные с конечными результатами ее применения. В связи с этим возникли различные рейтинги «мягкой силы»⁴⁰. Цель таких рейтингов – измерить и сравнить «мягкую силу» государств и определить, какое из государств сильнее в этом отношении.

В Великобритании политический истеблишмент проводит разграничение между ресурсами «мягкой силы», накопленными страной за длительный исторический период, и конечными результатами ее применения.

³⁷ Power in World Politics / eds.: Berenskoetter F., Williams M.J. – New York: Routledge, 2007. – p. 18-20.

³⁸ Hart J. Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations.// International Organization. – 1976. – Vol. 30. – No 2. – P. 289-305.

³⁹ Knorr K. The Power of Nations. – New York, 1975. – P. 9. Цит. по Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 1. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm>.

⁴⁰ См. подр. далее..

Двумерная и трехмерная концепции власти (силы)

В 60-70-х гг. XX в. вышли также значимые работы о политической власти (*power*): статьи о «двух лицах власти» авторов Питера Бахраха и Мортона Баратца⁴¹ и книга Стивена Льюкса «Власть: радикальный взгляд», ставшая впоследствии классической работой на эту тему. Хотя данные работы не относятся напрямую к тематике международных отношений, идеи о П. Бахраха и М. Баратца о «двух лицах» власти и развитие этих идей С. Льюксом в форме «трех измерений» также перекликаются с темами «мягкой» и «жесткой» силы. Сам Дж. Най также опирается на концепцию П. Бахраха и М. Баратца⁴². Кроме того, работа С. Льюкса продолжает идею о «гегемонии» (*egemonia*), которую развивал в своих «Тюремных тетрадах» итальянский теоретик-марксист Антонио Грамши⁴³.

Расширяя определение, данное Р. Далем, П. Бахрах и М. Баратц говорят о том, что не всегда власть/сила заключается в изменении действий субъекта Б: она также может представлять собой контроль над повесткой дня. В этом случае проявление силы состоит не в совершении неких действий, а в их отсутствии – в частности, невозможности для субъекта Б поднимать вопросы, противоречащие интересам субъекта А. Таким образом, авторы возражают против узкого бихевиористского подхода к пониманию силы.

С. Льюкс соглашается с данным утверждением и говорит о значительном преимуществе взгляда Бахраха и Баратца: подобный подход позволяет учесть возможность формирования политической повестки дня, исключения из нее нежелательных вопросов, а также сохранения «статус-кво». Однако, по его мнению, и такое рассмотрение темы политической власти является слишком узким: ведь помимо ситуации потенциального конфликта, когда А заставляет Б сделать что-то, что тот не хотел бы делать, или контролирует спектр вопросов, которые может поднять Б, существует и третье измерение – «власть, основанная на согласии». Автор говорит о том, что власть может проявляться также в направлении и формировании самих желаний субъекта Б, влиянии на его мысли и потребности⁴⁴. Это третье измерение власти или могущества отчасти напоминает сюжет «Дивного нового мира» О. Хаксли⁴⁵ (сам автор «Радикального взгляда» также вспоминает об этой знаменитой антиутопии), однако является важным для понимания более широкого контекста использования силы или могущества. Применительно к международным отношениям вопросы, касающиеся не только изменения поведения, но и контроля над повесткой дня, а также формирования желаний и предпочтений представителей политических элит и рядовых граждан, оказываются не менее актуальными, чем с точки зрения политической власти внутри государства. Концепция «мягкой силы» Дж. Най действительно напоминает «третье измерение власти» С. Льюкса: здесь также речь идет о формировании предпочтений и желаний, основанных на привлекательных идеях и ценностях как неких образцах для подражания. Кроме того, Дж. Най говорит и о возможности контроля над повесткой дня в международных отношениях и ее формирования, что перекликается со «вторым лицом» или измерением власти.

Таким образом, концепция «мягкой силы» Дж. Най во многом опирается на научные достижения в различных гуманитарных дисциплинах, исследования философов, социологов, политологов и специалистов-международников, посвященные силе и власти и, в

⁴¹ Peter Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power. // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56. – No 4. – P. 947-952.

⁴² См., напр.: Nye J. The Place of Soft Power in State-Based Conflict Management // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. / eds.: Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. – Washington. – P. 389-400.

⁴³ Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради. (Quaderni del Carcere), Available at: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GRAMSHI_Antonio/_Gramshi_A..html.

⁴⁴ Lukes S. Power: A Radical View. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 200 p.

⁴⁵ Хаксли О. О дивный новый мир. – СПб.: Амфора, 1999. – 541 с.

особенности, силе в международных отношениях. В практическом, прикладном, плане идеи Дж. Наи находят свое выражение в действиях и стратегиях государств, направленных на увеличение «мягкой силы», и в этом отношении приближаются к тематике, разрабатываемой специалистами и практиками в области маркетинга, рекламы и связей с общественностью.

В 1990-х гг. и начале 2000-х гг. специалистов-международников и экспертов государственных учреждений и ведомств все более интересуют работы, посвященные маркетингу мест (или территориальному маркетингу)⁴⁶ и национальному брендингу⁴⁷. Эти концепции также ориентированы на практическое применение: прежде всего, их авторы говорят о коммерческой составляющей «образа страны», подобно добавленной стоимости, возникающей у товаров и услуг, производимых в государстве, сумевшем создать сильный страновой бренд. При этом с одной стороны, подчеркиваются конструктивистская природа образа страны и возможность создания, изменения и улучшения странового бренда: многочисленные консалтинговые агентства и сами авторы таких концепций предлагают правительствам и государственным структурам по всему миру услуги по управлению национальными брендами. С другой стороны, авторы признают, что при работе по усилению странового бренда следует опираться на уже существующие в мире представления о государстве, а также отмечают взаимосвязь и взаимовлияние между национальным брендом и национально-государственной идентичностью граждан страны⁴⁸.

Концепции маркетинга мест (в том числе, странового маркетинга) и «национального брендинга» остаются востребованными и сегодня, кроме того, можно говорить об определенном сближении между ними и концепцией «мягкой силы». Так, ежегодно публикуются международные рейтинги, характеризующие «мягкую силу» государств и привлекательность их брендов, при этом многие используемые для составления такого ранжирования показатели пересекаются⁴⁹. Государственные структуры стран мира прилагают усилия, направленные на улучшение образа страны за рубежом, повышение «мягкой силы» и усиление «странового бренда». В частности, в качестве мероприятий, увеличивающих «мягкую силу» государств и способствующих усилению брендов стран могут рассматриваться различные спортивные мероприятия (например, Олимпийские игры), международные конференции и форумы и т.п.

Концепцию и практику распространения «мягкой силы» также можно рассматривать и через призму еще одного теоретического направления в исследовании международных отношений: в парадигме пространственного подхода. Это перспективное направление исследований разрабатывается, в том числе, отечественными специалистами, в первую очередь – сотрудниками Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН)⁵⁰.

«Мягкая сила» может быть рассмотрена как один из способов выстраивания транснациональных политических пространств, где в качестве «силового поля», к которому тяготеют самые различные участники международных отношений, выступает упомянутая Дж. Наем привлекательность, а в формировании этого поля участвуют и государственные, и негосударственные акторы. Использование пространственного подхода при изучении

⁴⁶ См., напр.: Kotler, P. Haider, D.H. & Rein, I. Marketing Places. – New York: Free Press, 1993.

⁴⁷ См., напр.: Anholt, S. Competitive Identity, the New Brand Management for Nations, Cities, and Regions. – New York: Palgrave Macmillan, 2007.

⁴⁸ Dinnie K. Nation Branding: Concepts, Issues, Practice. – New York: Routledge, 2015. – 306 p.

⁴⁹ Харитонов Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки. // Мировая экономика и международные отношения, 2015. – № 6. – С. 48-58.

⁵⁰ См., напр.: Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2011. – 376 с.

«мягкой силы» позволяет избежать ряда ограничений и снять многие вопросы. Так, зачастую, говоря о политике «мягкой силы», мы рассматриваем исключительно деятельность государственных структур, но в то же время понимаем, что негосударственные акторы играют, как минимум, не меньшую роль в увеличении «мягкой силы». Концентрируясь на формальных институтах, участвующих в реализации такой политики, мы оставляем без внимания символы и неформальные практики взаимодействия. Пространственный подход позволяет преодолеть такие ограничения и рассматривать «мягкую силу» как совокупность процессов, происходящих на всех уровнях: от индивидуальных инициатив и коммуникации на межличностном уровне и до государственных и даже наднациональных программ и стратегий; от конкретных институтов и механизмов и до значимых с точки зрения «мягкой силы» смыслов, ценностей, идей и символов.

Изучение «мягкой силы» в качестве одного из способов построения и расширения транснациональных политических пространств позволяет по-новому осмыслить происходящие трансформации мирового порядка. Если в прошлом государства увеличивали свою физическую территорию военным путем, завоевывая и подчиняя другие страны, то в современном мире такой подход считается неприемлемым или, по крайней мере, недостаточным. В то же время, увеличение влияния и достижение лидерства несиловыми способами, включение в общее политическое пространство новых коллективных субъектов различного уровня, «участники которых в целом разделяют общие базовые ориентиры и установки, имеют сходные интересы, придерживаются сложившихся или установленных правил и норм»⁵¹ в большей мере соответствует характеру современных международных отношений и позволяет опираться не на военные, а на информационные, культурные и образовательные возможности, которые играют все большую роль. Это не означает, что силовые столкновения, связанные с борьбой за физическую территорию, ушли в прошлое. Однако по мере развития общества территория становится лишь одним из факторов жизнедеятельности и ее значение все больше определяется наличием и уровнем развития иных факторов (экономики в целом и ее отраслей, науки и культуры, инфраструктуры и коммуникаций и так далее)⁵².

Исследования политического пространства во многом опираются на работы выдающегося французского социолога П. Бурдьё, посвященные пространству социальному. В связи с темой «мягкой силы» весьма примечательны работы П. Бурдьё о силе/власти (франц. *pouvoir* – аналог англ. *power*). В опубликованном в 1977 г. эссе о символической власти (*pouvoir symbolique*) он пишет: «Символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир — это власть квазимагическая, которая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), но лишь при условии, что эта власть признана, т. е. не воспринимается как произвол»⁵³.

Как можно заметить, при таком постмодернистском взгляде на власть автор противопоставляет физической и экономической силе власть над мнением, позволяющую утверждать и изменять видение мира. Французский социолог также говорит о существовании разных видов капитала (культурного, экономического, а также символического капитала –

⁵¹ Прохоренко И.Л. Испания в Европейском союзе: взаимовлияние национального и транснационального политических пространств. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – М.: ИМЭМО, 2016. – 50 с.

⁵² Косолапов Н.А. От территории к пространствам: политико-исторический экскурс.// Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2011. – С. 28.

⁵³ Бурдьё П. Социология социального пространства. / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007 г. – С. 95.

обычно называемого престижем, репутацией, именем), каждый из которых соответствует определенному «субполю» социального пространства и определяет позицию каждого агента в этих субполях и в социальном пространстве в целом⁵⁴. П. Бурдьё отмечает, что символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным: «Объективные властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти. В эту символическую борьбу за производство здравого смысла, точнее, за монополию легитимной номинации, агенты вовлекают символический капитал, полученный ими в ходе предшествующей борьбы и иногда гарантированный юридически»⁵⁵.

Рассматривая концепцию «мягкой силы» с таких постмодернистских (или постнеклассических) позиций, можно увидеть, что и сам Дж. Най и в целом западные эксперты и аналитики участвуют в «номинировании» (по терминологии П. Бурдьё) и формировании политического пространства на национальном, транснациональном и наднациональном уровнях. Как отмечает Н.А. Косолапов, политология – это одна из наиболее идеологически «нагруженных» наук, выполняющая не только исследовательские, но также легитимизирующие и апологетические функции по отношению к существующему порядку вещей⁵⁶. Описывая сформировавшееся к концу XX в. лидерство США и Запада, Дж. Най одновременно формирует повестку дня для своей страны и систему координат для других участников международных отношений. Тот факт, что данная концепция была, хотя и не сразу, принята и взята на вооружение экспертным сообществом и политическими элитами, одновременно подтверждает статус американской науки о международных отношениях, что само по себе является проявлением все той же «мягкой силы». В неменьшей степени этот феномен (или своеобразное «обратное влияние») проявляется в многочисленных рейтингах «мягкой силы», «брендов» и «репутаций» стран, речь о которых пойдет ниже: как и в случае с рейтингами образования, «восприятия коррупции» и множеством других, они закрепляют существующее лидерство западных стран, опираясь на критерии и систему координат, созданные исходя из уже имеющихся преимуществ. (Вероятно, если бы «тон» в международных отношениях задавали страны незападной культуры, они могли бы предложить иные критерии).

Особенности восприятия концепции «мягкой силы» научно-экспертным сообществом

Несмотря на широкое распространение концепции «мягкой силы», многие исследователи и практические политики, в том числе американские, весьма критично относятся как к самой концепции, так и к взглядам Дж. Найа на роль США в международных отношениях.

В первую очередь, исследователи подвергают сомнению утверждение Дж. Найа о том, что привлекательность национальной культуры, внешней политики, идей и ценностей конкретной страны действительно имеет значение с точки зрения достижения государством внешнеполитических целей.

Известный британский публицист, автор книги «Миф об американской исключительности» Годфри Ходжсон пишет о том, что идея о том, что любовь иностранцев

⁵⁴ Бурдьё П. Социология социального пространства. / Пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007 г. – С. 10.

⁵⁵ Там же. – С. 80.

⁵⁶ Косолапов Н.А. Политические пространства глобального мира: становление, функции, эволюция. // Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2011. – С. 53.

к МакДональдсу или баскетболу выгодна США, нуждается в исследовании⁵⁷. Другой известный автор Найал Фергюсон полагает, что проблема с «мягкой силой» заключается именно в том, что она «мягкая», и утверждает, что тот факт, что дети в исламских государствах любят Кока-Колу, БигМаки, фильмы с участием актера Тома Круза и диски певицы Бритни Спирс, не влечет за собой автоматически любви к Соединенным Штатам⁵⁸. Близкой точки зрения придерживался и С. Хантингтон, считавший, что «существует мало свидетельств (или их не существует вовсе) того, что появление всеобъемлющей глобальной связи приводит к значительному сближению точек зрения и убеждений»⁵⁹.

Российский исследователь А.В. Фененко приводит еще один пример: сюжет, описанный Л.Н. Толстым в «Войне и мире», когда французская «мягкая сила» и тот факт, что русские аристократы разговаривают преимущественно на французском, не помешали России начать освободительную войну с наполеоновской Францией⁶⁰.

Многие критикуют Дж. Ная за расплывчатость определения и недостаточную научную строгость его работ. Российский ученый-международник Э.Я. Баталов отмечает непоследовательность Дж. Ная в его определении «мягкой силы»⁶¹. Специалист лондонского Брунелевского Университета Инь Фань утверждает, что, несмотря на популярность концепции «мягкой силы», это понятие связано со значительной неразберихой⁶². С ним соглашается российский исследователь П.Б. Паршин, который также рассматривает понятие «мягкая сила» в ряду родственных категорий, таких как национальный маркетинг и страновой брендинг, имидж государства, и соотносит его с такими коммуникативными технологиями, как публичная дипломатия, пропаганда и информационная война⁶³.

Действительно, «мягкая сила» оказывается достаточно широким понятием: весьма сложно очертить его четкие границы и отделить от других терминов с близким значением. Деятельность для увеличения «мягкой силы» может включать в себя научные и культурные программы, продвижение национального языка как средства межнационального общения, содействие международному развитию, образовательные инициативы, спортивные мероприятия, работу СМИ, продвижение ценностей и принципов страны, участие государства в международных организациях и объединениях и так далее. К ней также можно отнесли действия, предпринимаемые для повышения привлекательности страны дипломатами, политиками, представителями бизнеса и неправительственными организациями, артистами, писателями, учеными и даже рядовыми гражданами, в том числе, туристами.

Более того, Дж. Най отмечает, что ресурсы «жесткой силы» также могут в каких-то ситуациях играть важную роль для повышения силы «мягкой». Например, он считает, что

⁵⁷ Hodgson G. Politics, democracy and social affairs. Book review. // International Affairs. 2004. – V. 80. – No 5. – P. 999-1000.

⁵⁸ Ferguson N. Power. // Foreign Policy. – 2003. – No 134. – P. 18-22, 24.

⁵⁹ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon and Schuster. 2007. – 368 p.

⁶⁰ Фененко А. Реальность и мифы «мягкой силы». Сайт Российского совета по международным делам. 27.01.2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167 (дата обращения 27.01.2016).

⁶¹ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – М.: Прогресс-традиция, 2014. – с. 561.

⁶² Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – V. 4. – No 2. – P. 148.

⁶³ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2013. – 40 с. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm.

американские военные смогли улучшить отношение к США в Индонезии, когда оказали помощь пострадавшим от цунами⁶⁴.

Экономические факторы, которые автор концепции относит к «жесткой силе», тем не менее могут работать и на увеличение силы «мягкой». В частности, влияние Европейского Союза и его привлекательность для жителей стран Восточной Европы, а также на постсоветском пространстве в значительной степени связывалось и связывается с успешностью экономик и моделей социального обеспечения стран ЕС.

Действия национальных компаний на зарубежных рынках вносят вклад в увеличение или, наоборот, уменьшение «мягкой силы» стран самыми разнообразными способами: от продвижения организационной культуры и идентичности, образа жизни сотрудников вне работы и национальных ценностей и до программ корпоративной социальной ответственности (КСО). Один из ярких примеров – успех бренда ИКЕА, который подчеркивает принадлежность к Швеции и верность национальным традициям⁶⁵, приверженность принципам экологичности, а также поддерживает ряд благотворительных и социальных программ. Таким образом, границы понятия «мягкая сила» размываются все больше, и она представляется многомерной и по-настоящему всеобъемлющей, а значит, все более трудно описываемой, так как включает слишком большое количество разнообразных и комплексных параметров.

Хотя Дж. Най подчеркивает, что возможность использования армии или экономического потенциала для увеличения «мягкой силы» не говорит о том, что под «мягкой силой» может подразумеваться все, что угодно, а лишь свидетельствует о разнообразии ресурсов, которые могут применяться для увеличения «мягкой силы», это не упрощает задачу осмысления предложенной им концепции и ее практического использования. Мнение многих критиков концепции выразил в своей посвященной «мягкой силе» статье 2005 г. профессор университета Вирджинии (США) Брентли Уомак. «Если она включает все, начиная от Бритни Спирс и до общественного мнения в мире касательно оккупации Ирака, является ли эта концепция значимой и последовательной?»⁶⁶ – так он формулирует свой риторический вопрос.

Н.В. Юдин же считает, что не существует специфических «ресурсов мягкой силы» или «ресурсов жесткой силы» – то есть и «жесткая» и «мягкая» сила могут задействовать любой тип ресурсов или их сочетание⁶⁷.

Широта и многозначность идеи «мягкой силы», а также тот факт, что ее автор – американский политолог, не скрывающий заинтересованности в усилении влияния своей страны, способствовали неоднозначному восприятию этой концепции в мире и со стороны лиц, принимающих политические решения.

С одной стороны, «мягкая сила» может быть воспринята как инструмент создания или улучшения имиджа (внешнего образа) страны – то есть, по большому счету, как синоним «маркетинга» или «брендинга» стран, деятельности в области рекламы и связей с общественностью, однако в более расширенном значении, позволяющем учесть особенности государства, по сравнению с коммерческими компаниями. В таком толковании «мягкая сила» представляется политикам и экспертам удобным термином для осмысления

⁶⁴ Nye J. Get Smart. // Foreign Affairs. – 2009. – No July/August 2009. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65163/joseph-s-nye-jr/get-smart> (accessed 03.03.2015).

⁶⁵ Сегодня штаб-квартира компании ИКЕА базируется в Нидерландах, однако продолжает строить маркетинговую стратегию исходя из своих шведских корней.

⁶⁶ Womack B. Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power. // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. – 2005. – Vol. 3 – No 11. – P. 3. Available at: <http://japanfocus.org/-Brantly-Womack/1975/article.pdf> (Accessed 21.01.2016).

⁶⁷ Юдин Н.А. Системное прочтение феномена мягкой силы. // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 102.

деятельности по улучшению имиджа страны, не сводящейся к стандартному набору инструментов из практики бизнес-структур. Можно наблюдать определенную мировую «моду»: популярность тех или иных подходов, в разные моменты времени или одновременно, то усиливается, то уменьшается. Так, внимание политиков и исследователей фокусируется на темах культурной дипломатии, общественной (публичной) дипломатии, брендинга стран, связей с общественностью, «диалоговой пропаганде»/стратегической коммуникации⁶⁸ и так далее. Концепция «мягкой силы», использующая предыдущие инструменты, но не исчерпываемая ими^{69,70}, оказалась востребованной, в том числе в связи с пониманием ограниченности инструментов, применяемых бизнесом, для внешней политики и определенным разочарованием в них.

Одним из ярких примеров такого разочарования был опыт США, когда после 11 сентября 2001 г. администрацией Дж. Буша была предпринята попытка улучшить образ страны в арабском мире. Для этого на работу в качестве заместителя госсекретаря по публичной дипломатии и связям с общественностью была приглашена Шарлот Бирс, которая прежде занимала руководящие посты в крупнейших коммерческих рекламных и маркетинговых агентствах, в частности возглавляла одну из наиболее известных международных компаний в сфере коммуникаций *Ogilvy&Mather*. Комментируя данное назначение, Колин Пауэлл, на тот момент Госсекретарь США, сказал, что благодаря Ш. Бирс «он купил рис марки *Uncle Ben's*»⁷¹, то есть, по сути, утверждал, что страну можно рекламировать точно так же, как и торговую марку. Однако выпущенные под руководством Ш. Бирс рекламные ролики для арабских стран подверглись критике, а после 17 месяцев работы она ушла в отставку. Оказалось, что технологии, доказавшие успешность при продвижении коммерческих брендов на целевую аудиторию, не подходят для такой сложной и комплексной работы, как улучшение имиджа государства, тем более, когда это государство ведет войну⁷².

Похожее разочарование было связано с попыткой бывшего премьер-министра Великобритании Т. Блэра улучшить имидж страны с помощью инициативы *Cool Britannia* («классная», «крутая» Британия)⁷³. Идея «мягкой силы», которая не сводится к рекламным кампаниям и узкому позиционированию, а использует разнообразные механизмы и инструменты, а также учитывает и дополняет «жесткую силу», представляется многим политикам и исследователям более подходящей для изучения и практического использования во внешней политике.

В то же время «мягкая сила» – это прежде всего сила, то есть нечто, направленное на подчинение других своей воле («способность заставить других хотеть того же, чего хочешь ты»). В этом отношении «мягкая сила» встает уже в другой смысловой ряд: наряду с гегемонией, культурным империализмом, информационными войнами, пропагандой и другими терминами с явно негативными коннотациями.

⁶⁸ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде». // Международные процессы. – 2015. – Т.13. – № 3 (42). – С. 121-133.

⁶⁹ Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. – Vol. 616. Public Diplomacy in a Changing World. – P. 94-109. Available at: <http://www.jstor.org/stable/25097996> (Accessed: 06.07.2015).

⁷⁰ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, – V. 616, Public Diplomacy in a Changing World. 03.2008. – P. 55-77.

⁷¹ From Uncle Ben's to Uncle Sam. // *The Economist*. 21.02.2002. Available at: <http://www.economist.com/node/998594>. (Accessed: 01.02.2016).

⁷² Snow N. Rethinking Public Diplomacy // *Routledge handbook of public diplomacy*. / eds: Snow N, Taylor P. – New York: Routledge, 2009. – P. 7-8.

⁷³ См. подр. далее, в Главе 2.

Концепция «мягкой силы», возникшая в русле американской политической мысли и сопряженная с текущей внешней политикой США, вместе с ростом популярности неизбежно вызывала отрицательную реакцию. В России термин «мягкая сила» встречается в сочетании с такими определениями как «манипулятивная», «противоправная», «деструктивная»⁷⁴, связывается с давлением на другие государства и разжиганием «цветных революций». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации в декабре 2015 г., термин «мягкая сила» не используется, однако «внешняя культурная и информационная экспансия» обозначена в качестве угрозы национальной безопасности России в области культуры.

Анализируя существующий политический дискурс, исследователь британского Королевского колледжа Ю.Л. Киселева обращает внимание⁷⁵ на близость идей Дж. Ная не только концепции «культурной гегемонии» А. Грамши, но и знаменитой идее о «конце истории» американского автора Ф. Фукуямы⁷⁶. Восприятие американских культуры и ценностей как безусловно привлекательных и приемлемых для всего мира и их распространение для достижения и упрочения позиции лидера оказывается весьма схожим с представлениями о предстоящем победном шествии демократии по западному образцу, возникшими примерно в то же время, что и концепция «мягкой силы». Американские политологи рассматривают силу с позиции США и Запада в целом, то есть с позиции лидера, задавая тем самым дискурс, которому неизбежно приходится следовать другим участникам международных отношений. Именно это, по мнению Ю. Л. Киселевой, объясняет двойственное отношение российских политических деятелей к данной концепции. С одной стороны, «мягкая сила» представляется средством для упрочения позиций страны на международной арене, но одновременно с самого начала задает определенные рамки и стандарты, соответствующие, прежде всего, западным ценностям, нормам и идеалам как единственно возможным⁷⁷. Таким образом, концепция «мягкой силы» выступает в качестве самовыполняющегося предсказания, создавая ту реальность, которую она описывает.

Г. Ходжсон в своей рецензии на опубликованную в 2003 г. книгу Дж. Ная говорит о дилемме, возникающей в связи с представлениями о том, что историческая миссия США заключается в распространении демократии. По его словам, «если американская гегемония – это демократия, отсюда следует, что необходимо проконсультироваться с другими относительно своих планов и намерений»⁷⁸.

Исследователи Британской академии – Национальной академии Великобритании для общественных и гуманитарных наук – в своем докладе 2014 г. предупреждают о рисках, связанных с концепцией «мягкой силы». Они уверены, что внешний имидж не должен быть важнее собственно содержания внешней политики, которая влияет на жизни людей, и предупреждают о конкуренции в области «мягкой силы» и неизбежности некоторой «игры с нулевой суммой», так как и другие участники международных отношений будут стремиться распространять собственную «мягкую силу». В итоге авторы доклада предостерегают об

⁷⁴ См., напр.: Лукьянов Ф. А. Парадоксы российский «мягкой силы» // *Revue internationale et stratégique*. Вызовы перед Россией. (Специальный выпуск журнала). – Париж, 2014. Режим доступа: http://obsfr.ru/fileadmin/templates/html/images/140128_Loukianov.pdf (дата обращения 03.03.2015).

⁷⁵ Kiseleva Y.L. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power. // *Politics*, 2015. – Vol. 35. – No 3-4. – P. 316-329. doi: 10.1111/1467-9256.12100.

⁷⁶ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. – New York: Free Press, 1992. – 418 p.

⁷⁷ Kiseleva Y.L. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power. // *Politics*, 2015. – Vol. 35. – No 3-4. – P. 316-329. doi: 10.1111/1467-9256.12100.

⁷⁸ Hodgson G. Politics, democracy and social affairs. Book review. // *International Affairs*. – 2004. – Vol. 80. – No 5. – P. 999-1000.

опасности отрыва от реальности, увлечения идеализмом, преувеличения собственной важности и высокомерия по отношению к другим⁷⁹.

Как было отмечено выше, в своих работах Дж. Най уделяет не слишком много стране или странам, на которые оказывается воздействие и поведение которых должно поменяться в результате использования «мягкой силы». Сосредоточившись на имеющихся у США, Великобритании или других государствах ресурсах «мягкой силы», а также инструментах и механизмах, позволяющих продвигать американские, британские или иные ценности или культуру за рубежом, автор не стремится при этом детально изучать особенности тех обществ, на которые предполагается воздействовать, используя «мягкую силу». Его рассуждения о существовании даже в традиционных государствах некоторой прослойки людей, для которой западные или американские ценности являются привлекательными, представляются достаточно общими. Хотя невозможно рассмотреть особенности каждой из различных культур, на которую может быть направлено воздействие «мягкой силы», именно эта позиция «сверху», с точки зрения страны – мирового лидера, пытающейся увеличить свою «мягкую силу», и без учета мнения реципиента такой политики, может оказаться наиболее уязвимой стороной соответствующей стратегии.

Более того, общество, на которое направлена «мягкая сила» другой страны, может быть неоднородным, а значит, как отмечает сам Дж. Най, привлекательное для одних может оказаться непривлекательным и даже отталкивающим для других. Соответственно, возникает вопрос о том, не может ли «мягкая сила» усилить уже существующие линии размежевания (кливажи) и, несмотря на «мягкость», способствовать усилению конфликтного потенциала общества? Здесь можно вспомнить известный пример из повести А.С. Пушкина «Барышня-крестянка», когда отношения двух соседей-помещиков испортились из-за англomanии одного из них и неприятия «английских порядков» другим⁸⁰. Мы можем наблюдать, что далеко и не такие безобидные конфликты в определенной степени связаны с разногласиями по поводу выбора ориентиров развития – то есть, в международном измерении, с действием «мягкой силы» соперничающих глобальных игроков. Так, сегодняшний политический кризис на Украине с самого начала (с 2013-2014 гг.) сопровождается жаркой полемикой относительно привлекательности европейских ценностей, моделей поведения, образа жизни и внешней политики в противовес российским.

Наконец, применять концепцию «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности очень непросто. США являют собой наиболее показательный пример использования внешней политики, основанной на внешнеполитической экспертизе и предполагающей активное моделирование благоприятной внешней реальности, и лидируют в данном отношении⁸¹. В то же время и в других странах, в том числе и в России, стремятся применять предлагаемую Дж. Наем концепцию, проанализировать факторы, приводящие к успеху или неудаче при ее применении, и с помощью «мягкой силы» улучшить среду международных отношений для своего государства.

Однако усилия России в этой области подвергаются критике со стороны отечественных и зарубежных экспертов. Российские специалисты, например, А.В. Картунов, указывают на складывающееся иногда впечатление, «что в использовании “мягкой силы” мы идем не вперед, а назад – к проверенным и хорошо знакомым, но архаичным и подчас

⁷⁹ British Academy. The art of attraction. Soft Power and the UK's role in the world. – London. 2014. – 57 p. Available at: <http://www.britac.ac.uk/sites/default/files/The%20Art%20of%20Attraction%20Full%20Report.pdf> (accessed 16.08.2015).

⁸⁰ Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. – М.: Эксмо. 2014. – 128 с.

⁸¹ Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды. // Международные процессы. – 2012. – № 10-3. – с. 58–72.

откровенно контрпродуктивным моделям советских времен»⁸². Как иронично отмечает П.Б. Паршин, единственное, в чем сходятся высказывающиеся о «мягкой силе» в России – от руководителей государства до разнообразных по идейной ориентации блоггеров – это признание того, что с «мягкой силой» дела у страны обстоят неважно, а дальше начинаются разногласия⁸³.

Западные же исследователи, в том числе, сам Дж. Най, часто указывают на то, что в России (а также в Китае) неправильно понимают идею «мягкой силы»⁸⁴. В докладе влиятельного британского аналитического центра Чэтэм-Хаус говорится о том, что в России взяли на вооружение словосочетание «мягкая сила», но полностью исказили его значение. В частности, авторы доклада считают, что Россия использует пророссийские меньшинства для дестабилизации обстановки в других странах и опирается в своей «мягкой силе» не на привлекательность, а на подкуп или существующую зависимость от нее. Авторы заключают, что «российское понимание ‘мягкой силы’ несовместимо с западным»⁸⁵.

Аналитические подходы к измерению и оценке эффективности «мягкой силы»

Практическая направленность предложенной Дж. Наем концепции неизбежно влечет за собой интерес к вопросам измерения и оценки эффективности «мягкой силы» государства.

Чтобы обосновать необходимость финансирования той или иной программы, связанной с использованием «мягкой силы», нужно оценить, насколько эта деятельность плодотворна, то есть насколько результаты соотносятся с поставленными целями и затратами. От этих оценок зависит планирование дальнейшей политики, открытие/закрытие тех или иных проектов, объем выделяемых на них финансовых и ресурсов. В первую очередь министерства иностранных дел, дипломатические и торговые представительства за рубежом, различные агентства (например, по развитию и международному сотрудничеству) неизбежно сталкиваются с необходимостью оценки эффективности своей работы и деятельности подотчетных им организаций и партнеров.

В частности, в докладе о результатах деятельности за 2014 г. Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества) в качестве основной задачи на тот период времени указано повышение эффективности государственного управления в области международного сотрудничества⁸⁶. А эта организация – ключевой российский игрок в области применения «мягкой силы». Двумя годами ранее в своем выступлении в Общественной палате К.И. Косачев (на тот момент возглавлявший Агентство) оценил финансирование Россотрудничества как недостаточное

⁸² Кортунов А.В. Семь шагов за горизонт кризиса. / Российский совет по международным делам. 2.02.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5177 (дата обращения: 04.02.2015).

⁸³ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2013. – 40 с. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm.

⁸⁴ Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power. // Foreign Policy, 29.04.2013. Available at: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>.

⁸⁵ Giles K., Hanson P., Lyne R., Nixey J., Sherr J., Wood A., The Russian Challenge. Chatham House Report. – London. 06.2015. – P. 42. [Electronic resource]. Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWood.pdf.

⁸⁶ Россотрудничество. Доклад о результатах деятельности Россотрудничества за 2014 год. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rs.gov.ru/sites/default/files/scan_doklad_2014_k_1.10.10236.pdf (дата обращения 07.01.2015).

для эффективной работы на данном направлении⁸⁷. Понятно, что связь между отдачей от этой работы и объемом финансирования заставляет сотрудников и руководителей организаций искать пути более или менее объективного измерения эффективности собственной деятельности и доказывать ее необходимость.

С другой стороны, при нынешних проблемах с финансированием социально значимых программ, а также (что особенно актуально сегодня для многих европейских стран и не только для них) при растущем внешнем государственном долге рядовые избиратели зачастую сомневаются в разумности и оправданности расходов на повышение роли «мягкой силы». Так, в выпущенной в ноябре 2014 г. публикации Комитета по содействию развитию ОЭСР, обобщающей опыт информирования общественности о программах содействия развитию, отмечается, что согласно опросам в странах-участницах ОЭСР граждане все более скептически оценивают эффективность программ международного развития⁸⁸. Поэтому лица, принимающие внешнеполитические решения, сталкиваются с растущей потребностью в информировании населения о результативности такой работы, которая является важной составляющей «мягкой силы» государства.

Оценка эффективности также напрямую связана с возможностью прогнозирования: она позволяет предположить, какое влияние «мягкая сила» окажет на экономику, внешнюю и внутреннюю политику государства, использующего этот внешнеполитический инструмент, а также каковы будут его роль и влияние в мировой политике в определенный промежуток времени.

Оценка эффективности «мягкой силы» является весьма сложной задачей. Сам автор концепции «мягкой силы» Дж. Най отмечал, что, в отличие от военной силы или экономических мер, которые позволяют в случае успешной реализации добиваться определенных результатов в некий период времени, «мягкая сила» более сложна в использовании. Ведь многие ключевые ресурсы «мягкой силы» находятся вне контроля государства, а эффект от ее использования в значительной степени зависит от готовности аудитории воспринять предлагаемые ей культуру или ценности. Более того, Най указывал, что действия, предпринимаемые с помощью «жесткой силы», могут существенно повлиять на восприятие страны и свести к нулю все достижения силы «мягкой»⁸⁹.

Похожей точки зрения относительно оценки эффективности придерживается и британский политолог, директор аналитического центра Европейский совет по международным отношениям Марк Леонард. Он полагает, что изменения, происходящие со временем в общественном мнении, можно измерить, однако нет никакой возможности точно определить, какой именно фактор или комбинация факторов могли сыграть роль в инициировании этих изменений⁹⁰.

Ряд авторов обращают также внимание на продолжительность времени, необходимого для появления эффекта от применения «мягкой силы». Дж. Най пишет о том, что зачастую ресурсы «мягкой силы» работают косвенным образом, создавая среду для реализации той или иной политики, и иногда требуются годы, чтобы добиться желаемых результатов⁹¹. Другие считают отложенный эффект одним из существенных препятствий для измерения и

⁸⁷ Пчельников Л. России нужна мягкая сила. // Российская газета, 01.11.2012. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (дата обращения: 22.09.2014).

⁸⁸ OECD. Engaging with the Public. 12 Lessons from DAC Peer Reviews and the Network of DAC Development Communicators. OECD. – 2014. – P. 13. Available at: <http://www.oecd.org/dac/peer-reviews/12%20Lessons%20Engaging%20with%20the%20public.pdf> (accessed 25.11.2014).

⁸⁹ Nye J. When Hard Power Undermines Soft Power. // New Perspectives Quarterly. – 2004. – Vol. 21 – No 3. – P. 13–15.

⁹⁰ Leonard M. British Public Diplomacy in the Age of Schisms. – London: Foreign Policy Centre, 2005. – P. 90.

⁹¹ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1990. – P. 99.

контроля «мягкой силы» и ссылаются на мнение большинства специалистов, что время, требуемое на успешный (ре)брендинг страны, составляет около 20 лет⁹². Между тем российский теоретик международных отношений М.А. Хрусталеv, характеризуя внешнеполитические цели с точки зрения временной иерархии, относит к долгосрочным те, достижение которых требует от 5 до 10 лет, а цели со сроками реализации более 10 лет, то есть за рамками обозримого будущего, называет перспективными⁹³. Таким образом, по аналогии с (ре)брендингом, время реализации целей политики «мягкой силы» может лежать вне обозримого периода и тем более – за пределами сроков властных полномочий политических лидеров в демократических обществах.

Учитывая это, один из комитетов палаты лордов Великобритании счел нужным высказать свои рекомендации правительству по использованию «мягкой силы». В них, в частности, подчеркнута необходимость доносить до британской общественности информацию о работе кабинета в этом направлении и объяснять ей, что часть действий и расходов, связанных с применением «мягкой силы», может приносить ощутимые и измеряемые результаты только через определенное время, что для выполнения поставленных задач требуются терпение и упорство⁹⁴.

В западных странах активно используют различные шкалы эффективности «мягкой силы», однако эксперты и представители различных ветвей власти, вовлеченные в процесс оценки эффективности государственной политики «мягкой силы», указывают на недостатки подобных шкал. Так, в материалах конференции американского «мозгового центра» *RAND Corporation*, посвященной проблеме измерения силы государства (в том числе и «мягкой силы»), отмечается, что есть большое искушение измерить легче всего поддающееся измерению и оставить за скобками более абстрактные, но гораздо более важные факторы⁹⁵. Как подчеркивала еще в 1984 г. И.Л. Шейдина, попытки найти количественные мерки для сопоставления силы разных государств будут продолжать предприниматься, но должны вызывать к себе крайне осторожное отношение и восприниматься как прием анализа, а не как истина в последней инстанции⁹⁶.

Несмотря на значительные сложности и противоречия, измерение и оценка эффективности «мягкой силы» остается актуальной задачей, и подходы к ее решению обсуждаются и совершенствуются. Один из широко внедряемых в сегодняшнюю практику подходов – сравнительный. Появляется все больше международных рейтингов и исследований, которые соотносят между собой различные страны по параметрам, характеризующим их «мягкую силу», а также сопоставляют государства по отдельным направлениям, непосредственно относящимся к «мягкой силе», – таким, как культурное и научное влияние, привлекательность для туристов и/или иммигрантов, притягательность бренда страны и пр. Компаративный подход позволяет судить об успешности внешнеполитической деятельности государств в более широком контексте и изучать опыт наиболее влиятельных с точки зрения «мягкой силы» государств. Исследования, проводящиеся регулярно, также дают возможность отслеживать динамику изменения

⁹² Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2013. – 40 с. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm.

⁹³ Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. – М.: НОФМО, 2008. – 232 с.

⁹⁴ *Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14*. S.l.: Stationery Office, 2014. – 105 p.

⁹⁵ Treverton G.F., Jones S.G. Measuring National Power. / Conference Proceedings. – Santa Monica: RAND Corporation, 2005. – P. 24. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (accessed 14.12.2014).

⁹⁶ Шейдина И.Л. Указ.соч. – С. 55.

позиций страны в сравнении с другими государствами как главными субъектами международных отношений и делать выводы о результативности проводимой ими внешней политики.

При этом необходимо отметить и недостатки таких рейтингов. Прежде всего, их составителям приходится искать параметры сравнения, позволяющие адекватно сопоставлять между собой государства, имеющие разный экономический потенциал, различные степени политического влияния в мире, обладающие самобытной историей и культурой, другими специфическими чертами.

Среди подобных разработок-сопоставлений, регулярно выпускаемых различными аналитическими центрами, можно отметить как рейтинги, напрямую позиционируемые в качестве рейтингов «мягкой силы», так и другие исследования, которые, хотя и не имеют в своих названиях термина «мягкая сила», тем не менее характеризуют факторы, непосредственно к «мягкой силе» относящиеся. В том числе репутацию страны, ее влияние (присутствие) в мире или в каком-то его регионе, государстве, позиции там с точки зрения привлекательности культуры, образования, привлечения иностранных инвестиций и другие важные показатели.

Для оценки значимости и степени объективности того или иного рейтинга важно также представлять, какого рода организации выступают в качестве разработчиков и заказчиков, какими мотивами они руководствуются и каковы источники их финансирования. Сама постановка вопроса о проведении сравнительных исследований и сопоставлении различных стран мира по ряду параметров подразумевает, что такие исследования проводят аналитические центры или «фабрики мысли» (*think tanks*), действующие в ведущих державах мира или даже имеющие транснациональный характер. В складывающейся сегодня глобальной системе «мозговых центров» ведущую роль играют западные (прежде всего американские) аналитические центры⁹⁷. Это утверждение верно и по отношению к аналитическим центрам, составляющим многочисленные рейтинги стран по различным параметрам, относящимся к «мягкой силе». Поэтому при изучении подобных рейтингов необходимо учитывать, что их составители рассматривают сопоставляемые страны с позиций западной политической культуры и западных ценностей, уделяя внимание, например, таким параметрам, как толерантность или политические свободы, и оставляя за скобками другие показатели, которые могут быть значимыми для незападных культур и цивилизаций.

Можно выделить две основные группы аналитических центров, участвующих в разработке и публикации рейтингов «мягкой силы», репутации стран мира, брендов стран и прочее. К первой относятся аналитические центры в общепринятом понимании этого слова, как независимые, так и государственные. Они занимаются политическими исследованиями, в том числе по заказу государственных органов и международных организаций. Это, например, пользующийся господдержкой испанский Королевский институт Элькано (*Real Instituto Elcano*) и британская некоммерческая организация Институт управления (*Institute for government*). Другая группа – коммерческие компании, работающие в сферах брендинга, маркетинга и социологических исследований. Рост интереса к брендингу государств и «мягкой силе» привел к тому, что организации, до этого предоставлявшие услуги бизнесу, теперь рассматривают в качестве потенциальных клиентов и правительства различных стран, выполняя для них работы в сфере связей с общественностью, маркетинга или брендинга.

Компании и консалтинговые группы, составляющие рейтинги брендов или репутации стран, тем самым заявляют о себе как об экспертах в этой области и предоставляют услуги по улучшению репутации или разработке маркетинговой стратегии. Так, автор концепции

⁹⁷ Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики. Указ. соч.

национального (странового) брендинга англичанин Саймон Анхольт выпускает обзор брендов стран совместно с германской компанией GfK и одновременно предоставляет услуги специалиста по вопросам странового брендинга правительственным структурам более чем 40 стран⁹⁸. Среди клиентов базирующегося в Мадриде агентства *Bloom Consulting*, публикующего собственный рейтинг брендов стран, – государственные туристические и инвестиционные департаменты и агентства Германии, Испании, Польши, Швеции, Австрии и других стран⁹⁹. Принимая во внимание коммерческие интересы компаний, создающих рейтинги государств, можно предположить, что предлагаемые ими исследования имеют высокую степень субъективности, так как их содержание может использоваться в целях развития бизнеса.

В то же время, учитывая многочисленность существующих рейтингов, правительственные чиновники для демонстрации успешности своей работы могут подобрать то исследование, которое более благоприятно для страны, и умолчать о менее благоприятных для себя.

В последнее время, с повышением интереса к тематике «мягкой силы», брендинга государств и другим смежным направлениям, появляется все больше регулярно проводимых и публикуемых рейтингов и исследований, каждое из которых обладает своими достоинствами и недостатками. Их разнообразие позволяет в какой-то мере преодолевать слабые стороны, связанные с субъективностью, и получать относительно разностороннее и комплексное видение ситуации.

При анализе исследований, рейтингов и методик измерения, а также оценок эффективности «мягкой силы» можно отметить, что выбор разными исследователями предмета измерения и критериев оценки не всегда одинаков. Если опросы общественного мнения направлены на количественную и качественную оценку узнаваемости и восприятия (в том числе привлекательности) государства в мире, то другие исследования ставят перед собой задачу оценки и измерения ресурсов государства или, по терминологии части исследователей, активов «мягкой силы». Иными словами, ресурсов, потенциала, которым обладает государство для увеличения своего влияния и повышения своей привлекательности. При этом указанный потенциал (такой, как эффективная система управления, богатое культурное и историческое наследие, достижения в спорте или экологическая политика) совсем не обязательно сам по себе трансформируется в конечный эффект – увеличение влияния и/или повышение привлекательности. То есть не всегда вызывает благоприятное изменение представлений и/или поведения у определенной группы населения другого государства. Так, эксперты Института исследования быстроразвивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (Россия) отмечают, что успехи страны в бизнесе, защите окружающей среды или поддержании верховенства права необходимо донести до общественности, иначе они не будут способствовать укреплению «мягкой силы»¹⁰⁰. Такая разница в подходах характерна для рассуждений о любой силе государства и актуализируется при попытке ее измерить, будь то «мягкая», «жесткая», «умная» или их сочетание.

К примеру, в материалах конференции *RAND Corporation*, опубликованных в 2005 г. и посвященных проблеме измерения силы государства, в том числе «мягкой силы», в первую очередь ставится вопрос о предмете измерения. Рассматриваются три уровня силы:

⁹⁸ About Simon Anholt. [Electronic resource]. Available at: <http://www.simonanholt.com/Explained/explained-about-simon-anholt.aspx> (accessed 20.11.2014).

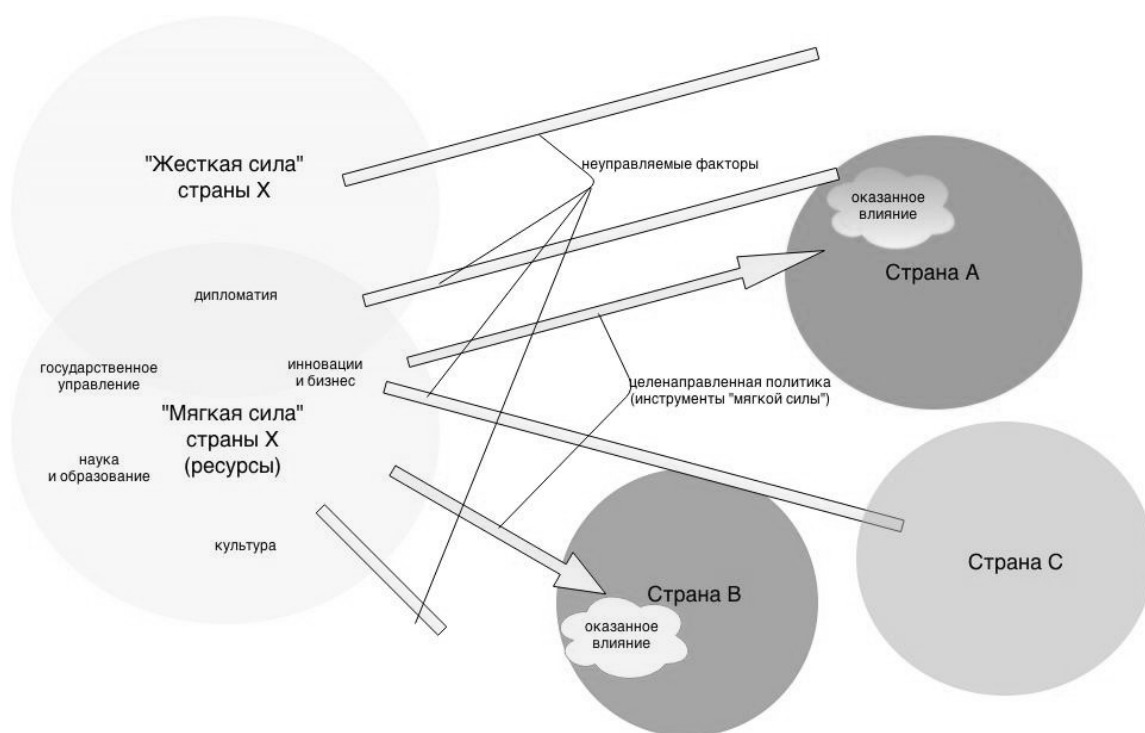
⁹⁹ Bloom Consulting. [Electronic resource]. Available at: <http://www.bloom-consulting.com> (accessed 20.11.2014).

¹⁰⁰ Майкл Б., Хартвелл К., Нуреев Б. «Мягкая сила» – палка о двух концах? // BRICS Business Magazine. – № 5.

- «сила, имеющаяся в наличии» (*power-in-being*, по аналогии с *forces-in-being*/боеготовые силы) – то есть ресурсы, или возможности, государства;
- инструменты, в которые преобразуются (конвертируются) через государственные институты имеющиеся ресурсы;
- итоговая сила, то есть какое из государств оказывается сильнее в определенных обстоятельствах¹⁰¹.

Таким образом, применительно к измерению «мягкой силы», а также для изучения рейтингов и сопоставления их между собой необходимо учитывать, что, в то время как объект исследования («мягкая сила» государства или государств) может быть общим, в качестве предмета исследования и измерения могут выступать разные уровни или параметры «мягкой силы» (см. Схему 1). Важно понимать, что именно является предметом измерения и основой для сравнения в каждом случае и, в частности, разграничивать количественную и качественную оценку ресурсов «мягкой силы», которыми обладает государство, с одной стороны, и понимание степени их реального влияния в мире – с другой. При этом инструменты «мягкой силы», используемые различными акторами, призваны трансформировать наличный потенциал в реальное влияние. Они (инструменты) могут также являться предметом оценки с точки зрения своей результативности, соответствия полученных результатов заданным целям и экономической эффективности, то есть соотношения расходов на использование определенных инструментов и достигнутых с их помощью результатов.

Схема 1. Ресурсы, инструменты и влияние, как предмет оценки (измерения) «мягкой силы»

¹⁰¹ Trevorton G.F., Jones S.G. Measuring National Power. / Conference Proceedings. – Santa Monica: RAND Corporation, 2005. – P. IX. Available at: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (accessed 14.12.2014).

Исходя из данной дифференциации, можно попробовать классифицировать предпринимаемые попытки измерить «мягкую силу» государства или оценить эффективность ее применения по принадлежности форм их реализации к одной или нескольким из следующих трех групп.

1. Рейтинги и исследования, изучающие потенциал «мягкой силы» как совокупность существующих и меняющихся со временем (в том числе в результате целенаправленных усилий органов власти) имиджевых характеристик государства.

Последние потенциально/теоретически могут являться привлекательными для граждан или отдельных целевых групп населения других стран. Сравнительный подход позволяет сопоставить потенциал различных стран между собой, в том числе по отдельным категориям (например, в области культуры или государственного управления), а также отметить сильные и слабые стороны конкретного государства для выбора наиболее перспективных с точки зрения «мягкой силы» направлений приложения усилий.

2. Прикладные исследования, анализирующие применяемые государством или негосударственными акторами инструменты «мягкой силы» – программы и мероприятия, призванные использовать наличный потенциал «мягкой силы» и оказывать влияние на целевые группы населения других стран для улучшения их отношения к субъекту воздействия. В зависимости от поставленной задачи такие исследования могут быть направлены на количественную или качественную оценку используемых инструментов – в частности, на изучение экономической целесообразности их применения, эффективности использования с точки зрения масштаба аудитории или оценки ее реакции на те или иные программы. Сравнительный подход может позволить сопоставить между собой различные инструменты, используемые одним государством, а также изучить сходные инструменты, к которым прибегают различные страны.

3. Исследования, призванные дать оценку эффекта или влияния «мягкой силы» на объект воздействия: количественная и качественная оценка изменений, происходящие в странах, на которые направлена «мягкая сила». В данном случае может оцениваться изменение восприятия и поведения определенных групп населения по отношению к субъекту воздействия. Указанное изменение фиксируется социологическими опросами, материалами статистики по динамике количества иностранных туристов или объема прямых иностранных инвестиций, подсчетом и оценкой публикаций в средствах массовой информации и т.п. При этом необходимо учитывать, что перемены в общественном мнении и поведении населения могут происходить под влиянием самых различных, иногда независимых между собой факторов, поэтому достаточно сложно выделить факторы, связанные с воздействием «мягкой силы».

Разделение рейтингов, относящихся к «мягкой силе», на эти три группы достаточно условно. Один и тот же рейтинг может включать показатели, характеризующие потенциал «мягкой силы» наряду с экспертными оценками, относящимися, скорее, к конечным результатам ее воздействия.

С прикладной точки зрения прогнозирование и оценка эффективности конкретных инструментов «мягкой силы» наиболее интересны для анализа и планирования текущей внешней политики. При этом такая оценка неразрывно связана с измерением существующего потенциала и реального влияния «мягкой силы». Можно предположить, что успешность применения того или иного инструмента непосредственно связана со следующими факторами:

1) правильным выбором ее «актива», или «ресурса», – то есть обладающего наибольшей перспективностью направления для приложения «мягкой силы»;

2) потенциальной конечной эффективностью применения «мягкой силы» – готовностью аудиторий воспринять (принять в позитивном ключе) воздействие на избранном направлении и изменить в итоге свое отношение и поведение;

3) собственной результативностью инструмента, то есть его адекватностью выбранному направлению, выбранной аудитории, и экономической отдачей и т.п.

Перечислим некоторые наиболее известные из исследований и рейтингов, относящихся к «мягкой силе», влиянию и репутации государства в мире, и попытаемся сопоставить их результаты для таких стран, как Россия, США и Великобритания.

Индекс «мягкой силы» (*Soft Power Index*) – исследование, разработанное британской некоммерческой организацией *Институт управления в партнерстве с британским журналом Monocle*¹⁰². Рейтинг публикуется ежегодно с 2010 г. Помимо самого рейтинга, эксперты Института публикуют ежегодный обзор «Новые лидеры мнений» (*The new persuaders*), раскрывающий методику исследования и поясняющий результаты рейтинга. В качестве цели исследования заявлено сравнение потенциала «мягкой силы» государств. Для этого авторы анализируют около 50 различных показателей, которые сгруппированы по пяти категориям: государственное управление, культура, дипломатия, образование и бизнес/инновации (см. Схему 2).

Категория «Культура» включает в себя такие показатели, как влияние музыкальной индустрии страны в мире, число иностранных туристов, успехи в спорте. Составляющая «Государственное управление» учитывает общественные институты, политические ценности, показатели результативности политики, а также показатели человеческого развития, насилия в обществе, индивидуальные свободы.

К категории «Дипломатия» относятся такие показатели, как количество дипломатических миссий и представительств за рубежом, членство в международных организациях, объем помощи другим странам. В то время как Дж. Най включает образование в категорию «Культура», авторы индекса приняли решение о выделении его в отдельную категорию, которая формируется с помощью таких показателей, как относительное качество университетов, количество иностранных студентов, участие в международных программах обмена студентами.

Категория «Бизнес/Инновации» задумана таким образом, чтобы не пересекаться с «жесткой силой» в ее экономическом измерении. Авторы фокусируют внимание на тех экономических факторах, которые непосредственно влияют на восприятие страны в мире и являются значимыми с точки зрения ее «мягкой силы». В качестве примера приводится расширение Европейского Союза на восток, опирающееся, в том числе на привлекательность экономической модели единой Европы для бывших стран Восточного блока. В перечень показателей данной категории входят инновации, коррупция, конкурентоспособность¹⁰³.

При сборе данных для индекса используются многочисленные источники и, в первую очередь, существующие международные рейтинги, такие как Индекс человеческого развития ООН (*UN Human Development Index*), рейтинги различных неправительственных организаций и СМИ: Индекс свободы прессы организации *Freedom House*, рейтинги спортивных организаций, в том числе Международной федерации футбола (*FIFA*) и Международного Олимпийского комитета, университетов и исследовательской активности, Индекс восприятия коррупции *Transparency International* и многие другие. Таким образом, «Индекс

¹⁰² McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (accessed 17.09.2014).

¹⁰³ Ibid. – P 8.

мягкой силы» во многом является компиляцией других, уже существующих рейтингов и неизбежно наследует присущие им слабости и неточности.

Схема 2. Составляющие «Индекса мягкой силы»

Составляющие «мягкой силы»

Источник: McClory J.¹⁰⁴

Помимо указанных показателей, в сумме составляющих 70% совокупного рейтинга страны, также используется методика экспертной оценки: ряд субъективных параметров оценивается приглашенными экспертами. Их независимые оценки формируют остальные 30% рейтинга (оценка национальной кухни, авиакомпаний и другие) (см. Схему 3).

Как было отмечено выше, перечисленные параметры и показатели во многом основаны на ценностях, присущих западной культуре, поэтому неудивительно, что верхние строчки «Индекса мягкой силы» занимают страны Запада. В рейтинге 2012 г. первое место заняла Великобритания, за ней идут США и Германия. Россия занимает 28-е место, не попадая в первую десятку ни по одному показателю¹⁰⁵. Результаты 2010 и 2011 гг. отличаются незначительно: в 2011 г. первые три места занимали США, Великобритания и Франция (Германия – на 4-ом месте)¹⁰⁶, а в 2010 г. Франция делила первые два места с Великобританией, в то время, как США располагались на 3-м месте, а Германия – на 4-ом¹⁰⁷.

Своего рода продолжением «Индекса мягкой силы» стал рейтинг *The Soft power 30*. Этот рейтинг был впервые опубликован международной консалтинговой компанией *Portland*

¹⁰⁴ McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power. – Op. cit... – P. 7.

¹⁰⁵ См.: McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power. – Op. cit. – P. 11, 12.

¹⁰⁶ McClory J. The New Persuaders II. A 2011 Global Ranking of Soft Power. – P. 15. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20New%20PersuadersII_0.pdf (accessed 15.10.2015).

¹⁰⁷ McClory J. The New Persuaders. A 2010 Global Ranking of Soft Power. – P. 5. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf (accessed 15.10.2015).

в июле 2015 года. Автор исследования, Дж. МакКлори, с 2010 г. руководил созданием «Индекса мягкой силы», а в 2015 г. продолжил эту работу в сотрудничестве с компанией *Portland*. Рейтинг *The Soft Power 30* также использует данные, полученные с помощью исследования общественного мнения. Однако результаты опросов, в которых участвовали 7500 человек в 20 странах мира, в меньшей степени влияют на общий результат, чем другие показатели. По словам авторов рейтинга, предпочтение «объективным данным» объясняется стремлением оценить, прежде всего, ресурсы или «активы» мягкой силы, которыми обладает та или иная страна.

Схема 3. Субъективные параметры «Индекса мягкой силы»

Субъективные параметры

Источник: McClory J.¹⁰⁸

Согласно этому рейтингу, в 2015 г. Великобритания являлась мировым лидером с точки зрения «мягкой силы», за ней следовали Германия и США. Китай занял 30-е место в данном рейтинге, Россия же не попала в первую тридцатку¹⁰⁹. В 2016 г. Великобритания уступила первое место США, места с третьего по пятое заняли, соответственно, Германия, Канада и Франция. Россия неожиданно для многих наблюдателей попала в список тридцати лидеров, заняв 27 место¹¹⁰.

Индекс «мягкой силы» для стран с быстроразвивающимися рынками, составляемый международной аудиторской компании «Эрнст энд Янг» (Ernst&Young) совместно с Московским институтом исследования быстроразвивающихся рынков

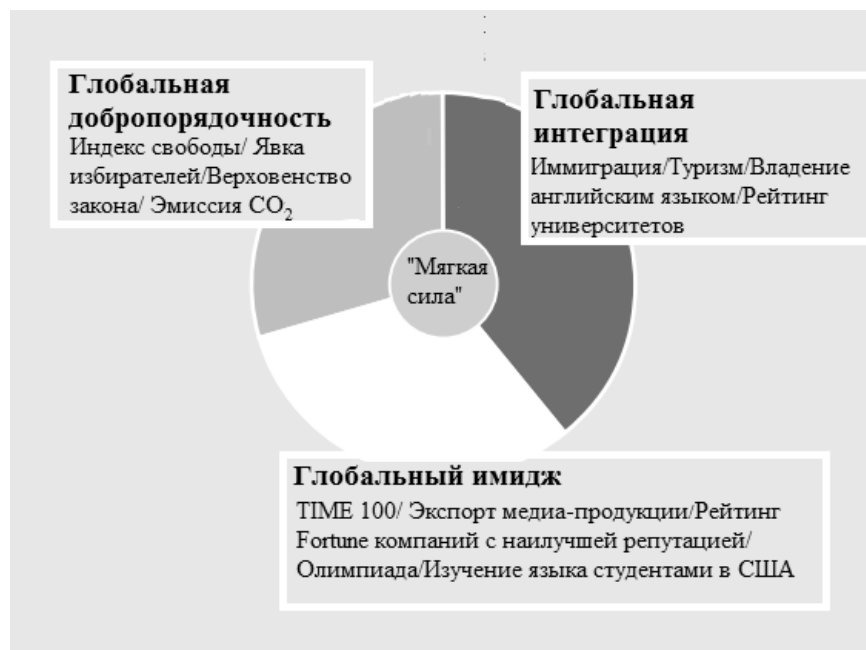
¹⁰⁸ См.: McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power. – Op. cit.. – P 9.

¹⁰⁹ McClory, J. The Soft Power 30. Portland, 2015. Available at: http://softpower30.portland-communications.com/pdfs/the_soft_power_30.pdf.

¹¹⁰ McClory, J. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2016. Portland, 2016. h Available at: http://softpower30.portland-communications.com/wp-content/themes/softpower/pdfs/the_soft_power_30.pdf.

бизнес-школы СКОЛКОВО¹¹¹. Это рейтинговое исследование представлено как регулярное; выпущено первое его издание, охватывающее период с 2005 по 2010 гг., ведется подготовка следующих изданий рейтинга с использованием измененной и доработанной методики¹¹². Индекс рассчитывается по 13 параметрам, распределенным по трем собирательным категориям: глобальная добропорядочность (*global integrity*), глобальная интеграция и глобальный имидж (см. Схему 4).

Схема 4: Составляющие «Индекса мягкой силы для стран с быстроразвивающимися рынками»

Источник: Rapid-growth markets soft power index¹¹³.

Для ранжирования используется ряд источников: рейтинг наиболее влиятельных людей по версии британского журнала «Тайм» (*Time*), индекс верховенства закона Всемирного банка, международные рейтинги университетов и другие (см. Рис. 4). Данный Индекс оценивает страны с быстроразвивающимися рынками (всего 20 стран), а также сопоставляет государства «Группы семи» (G7) с семью странами-лидерами из двадцати включенных в первый список. На первом месте среди стран с быстроразвивающимися рынками в рейтинге, выпущенном в 2012 г., оказался Китай, второе занимает Индия, третье – Россия. В комбинированном рейтинге быстроразвивающихся стран и стран «Группы семи» первые три места занимают, соответственно, США, Франция и Германия, Великобритания оказалась на 4-ом месте, Россия – на 10-ом¹¹⁴.

¹¹¹ Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012. Ernst and Young, 2012. Available at: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (accessed 26.10.2014).

¹¹² Майкл Б., Хартвелл К., Нуреев Б. «Мягкая сила» – палка о двух концах? Указ. соч.

¹¹³ См.: Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012. Ernst and Young 2012. Available at: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf (accessed 26.10.2014). – Р. 7.

¹¹⁴ См.: Там же. – С. 14.

Индекс глобального присутствия (Global Presence Index), публикуемый ежегодно с 2010 г. Королевским институтом Элькано¹¹⁵. Для целей Индекса на основе анализа различных показателей исчисляется военное, экономическое и «мягкое» присутствие. Итоговое ранжирование составляется по совокупности всех трех видов присутствия, а вес каждого из показателей определяется на основе опроса экспертов-международников, работающих в разных странах мира.

Таблица 1. Индикаторы, описание и источники рейтинга «мягкого» присутствия Королевского института Элькано

"Мягкое" присутствие

Индикатор	Описание	Источник
Миграция	Оценка количества иммигрантов из-за рубежа в стране в середине года	Отдел ООН по народонаселению
Туризм	Число прибытий иностранных туристов	Всемирная туристская организация (ЮНВТО) - база данных статистики
Спорт	Сумма баллов в рейтинге ФИФА и медалей, заработанных на летних Олимпийских играх	ФИФА и МОК
Культура	Экспорт аудио-визуальной продукции (кинематографической продукции, телевизионных и радио-программ, музыкальных записей)	Международная статистика ВТО и собственная оценка
Информатизация	Интернет-трафик (Мбит/с)	Международный союз электросвязи
Технология	Патенты, ориентированные на зарубежные страны: число связанных патентных заявок в одной или нескольких зарубежных странах, направленных на защиту одного и того же изобретения	Статистика Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)
Наука	Число статей, опубликованных в разных отраслях науки.	База научных публикаций Web of Knowledge компании Thomson Reuters
Образование	Количество иностранных студентов, получающих высшее образование в стране	Институт статистики ЮНЕСКО, Электронная библиотека ОЭСР, собственная оценка
Содействие развитию	Совокупный объем оказываемой помощи (ODA) или аналогичные показатели	Статистика по объему оказываемой помощи ОЭСР, отчет за 2010 год Комитета по содействию развитию ОЭСР (DAC, для стран-членов комитета), официальные источники государств и собственная оценка

Источник: Elcano Global Presence Report 2014¹¹⁶.

Эксперты Института проводят различие между терминами «присутствие», «сила» и «влияние», отмечая при этом, что изучение присутствия и сравнение данных такого исследования с оценкой реального влияния может позволить определить, соответствует ли влияние стран имеющимися у них возможностям (присутствию). Таким образом, можно предположить, что «мягкое» присутствие государства в мире, наряду с существующими внутренними «активами» (ресурсами) «мягкой силы» создает условия для влияния и

¹¹⁵ См.: Elcano Global Presence Report 2014. Real Instituto Elcano, Madrid, 2014. Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/7dad550043bde17c8f43bff8d447ad6c/Global_Presence_2014.pdf (accessed 13.12.2014).

¹¹⁶ См.: Elcano Global Presence Report 2014. – Op. cit. – P.58.

достижения внешнеполитических целей. То есть присутствие можно отнести как к результатам использования «мягкой силы», так и к ее ресурсам.

Первые места в Индексе глобального присутствия Института Элькано и в 2012, и в 2013 гг. занимали США (со значительным отрывом), Германия и Великобритания, за ними шли Китай, Франция и на 6-ом месте – Россия. Наша страна, сохранив за собой в 2013 г. то же место, что и в 2012 г., тем не менее увеличила в 2013 г. свой показатель больше, чем любая другая страна, в первую очередь, за счет экономического присутствия, а также, в небольшой степени, – за счет присутствия «мягкого»¹¹⁷. Ранжирование по «мягкому» присутствию дает незначительные отличия от общего рейтинга: первые три строки занимают, соответственно, США, Великобритания и Германия, а Россия оказалась на 7-ом месте, пропустив вперед Францию, Японию и Китай¹¹⁸. Также исследователи предлагают и другой подход к сравнению, объединив все страны Европейского Союза в качестве отдельного участника рейтинга. В этом случае Евросоюз занимает первую строку в таблице, за ним следуют США, Китай и Россия. Интересно, что хотя присутствие многих стран ЕС в 2013 г. снизилось, по сравнению с 2012 г., показатель Евросоюза как отдельного участника рейтинга, напротив, вырос, что авторы исследования, в частности, связывают с укреплением евро¹¹⁹.

Особенностью индекса 2016 г. стало то, что Китай переместился на второе место после США. Германия и Великобритания заняли, соответственно, третье и четвертое места, а Россия, хотя и потеряла несколько баллов в рейтинге, все же оказалась на пятом месте¹²⁰.

Индекс национальных брендов Анхольта-GfK (Anholt-GfK Roper Nation Brands Index). Издается совместно упоминавшимися выше компанией GfK, специализирующейся на маркетинговых исследованиях, и С. Анхольтом. По данным опросов в 20 основных развитых и развивающихся странах мира, в которых ежегодно интервьюируются около 20 тыс. человек старше 18 лет, ранжируются 50 государств мира. Оценка ведется по шести направлениям: люди, государственное управление, экспорт, туризм, культура и наследие, инвестиции и иммиграция¹²¹. В каждой из этих категорий есть перечень задаваемых вопросов. Примечательно, что 8 из 20 стран, чьи жители принимают участие в опросе, – это страны Северной Америки и Западной Европы, в то время как регион «Африка/Ближний Восток» представлен всего двумя странами: Египтом и ЮАР. Таким образом, условия, заданные при составлении рейтинга заранее сформулированы так, что страны, близкие к западноевропейской культуре неизменно окажутся на более высоких позициях. Интересно также, что Шотландия включена в список из 50 стран отдельно от Великобритании и оценивается, в том числе жителями Великобритании, дающими ей более высокие оценки в сравнении с жителями других стран¹²². В рейтингах 2012 и 2013 гг. первые

¹¹⁷ См.: Elcano Global Presence Report 2014. – Op. cit.. – P.26, 28.

¹¹⁸ См.: Ibid. – P. 39.

¹¹⁹ См.: Ibid. – P. 43-46.

¹²⁰ Elcano Global Presence Report 2016. Real Institute Elcano. Available at: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/22da46004ca35c14a512efb6e29671b7/Global_Presence_2016.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=22da46004ca35c14a512efb6e29671b7.

¹²¹ Anholt-GfK Roper Nation Brands Index Methodology Outline 2009. Available at: <http://www.simonanholt.com/Publications/publications-other-articles.aspx> (accessed 20.10.14).

¹²² См.: Kulikauskaite E., van Rijswijk W. The Anholt – GfK Roper Nation Brands Index: 2012 Report for Scotland/Scottish Government Strategic Research, 2012. Available at: <http://www.scotland.gov.uk/Resource/0040/00409519.pdf> (дата обращения 22.10.14).

три места занимали США, Германия и Великобритания, Россия же оказалась на 22-ом месте¹²³.

Рейтинг брендов стран консалтингового агентства Future Brand (Future brand Country Brand Index, CBI). Исследование строится на опросах отдельных категорий граждан (тех, кто часто путешествует по делам и в качестве туриста, а также особой группы опрашиваемых – «лидеров мнений») и использует по большей части маркетинговый подход, ориентируясь на узнаваемость бренда страны, ассоциации с ним, готовность порекомендовать другим и так далее (всего семь параметров). В рейтинге 2012-2013 гг. первые три места заняли Швейцария, Канада и Япония. Великобритании досталось 11-е место, Россия оказалась на 83-ом¹²⁴. В рейтинге 2014-2015 г. на первое место вышла Япония, второе и третье место авторы рейтинга отдали, соответственно, Швейцарии и Германии, Великобритании досталось 12-е место, России – 31-е¹²⁵. В рейтинг 2014-2015 гг. также был включен новый параметр, отражающий отношение к товарам и услугам, произведенным в стране (*country of origin*), кроме того, агентство **Future brand** запустило отдельный рейтинг «Made in»¹²⁶, оценивающий, каким образом страна происхождения влияет на привлекательность товаров. Также новинкой в рейтинге 2014-2015 гг. является рейтинг Топ-20 городов мира, куда попали Лондон и Москва (соответственно, 2-е и 5-е места)¹²⁷.

Рейтинг репутаций стран (CountryRepTrack), публикуемый ежегодно с 2010 г. консалтинговым агентством Reputation Institute¹²⁸. Рейтинг базируется на опросах общественного мнения населения в странах «Группы восьми». Его составители разделяют эмоциональные и рациональные факторы, влияющие на отношение к стране: к первым относятся чувства, уважение, восхищение и доверие, ко вторым – оценки экономики, управления и среды.

Первые места в исследовании 2014 г. заняли Швейцария, Канада и Швеция, Великобритания оказалась на 15-м месте, Россия попала в самый конец списка, на 52-е место из 55 в категорию «страны с плохой репутацией». Авторы сравнивают результаты исследования с другими рейтингами и отмечают, что составленный ими рейтинг репутаций стран во многом совпадает с рейтингом наиболее счастливых стран ООН¹²⁹, рейтингом наиболее безопасных стран мира по версии Института экономики и мира¹³⁰ и рейтингом восприятия коррупции *Transparency International*¹³¹, однако расходится с рейтингами по ключевым показателям для экономики, такими как рейтинг стран по численности населения,

¹²³ US Voted TOP Country For Attracting Talent And Investment – But With A Reducing Lead/ Press release. Gfk 2013. [Electronic resource]. Available at: <http://www.gfk.com/news-and-events/press-room/press-releases/pages/nation-brand-index-2013-latest-findings.aspx> (accessed 23.10.2014).

¹²⁴ Country Brand Index 2012-13. Future brand. – P. 106 Available at: http://www.futurebrand.com/images/uploads/studies/cbi/CBI_2012-Final.pdf (accessed 23.10.2014).

¹²⁵ См.: Country brand index 2014-2015. Future brand, 2014. P. 14-19.

¹²⁶ См.: Made In. The value of Country of Origin for future brands. Future brand, 2014. Available at: http://www.futurebrand.com/images/uploads/studies/cbi/MADE_IN_Final_HR.pdf (accessed 23.10.2014).

¹²⁷ См.: Country brand index 2014-2015. Op. cit. – P. 27.

¹²⁸ What Country Has the Best Reputation in the World in 2014? Reputation Institute. [Electronic resource] Available at: <http://www.reputationinstitute.com/thought-leadership/country-reprtrak> (accessed 24.11.2014).

¹²⁹ World Happiness Report 2013. SDSN-United Nations. 2013. [Electronic resource]. Available at: http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2014/02/WorldHappinessReport2013_online.pdf (accessed: 16.12.2014).

¹³⁰ Global Peace Index 2013. Institute for Economics & Peace. 2013. Available at: http://www.visionofhumanity.org/pdf/gpi/2013_Global_Peace_Index_Report.pdf (accessed 16.12.2014).

¹³¹ Corruption Perceptions Index 2013. Transparency International. [Electronic resource]. Available at: <http://www.transparency.org/cpi2013/results> (accessed 16.12.2014).

размеру ВВП, объему прямых иностранных инвестиций, размеру экспорта и масштабу иностранного туризма¹³².

Встречаются также рейтинги, посвященные отдельным, значимым для «мягкой силы» направлениям: инвестиционной привлекательности, образованию, простоте ведения бизнеса и т.п. Так, специалист-международник, академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России А.В. Торкунов обращает внимание на значимость рейтингов университетов мира для оценки эффективности «мягкой силы» страны¹³³. Другим рейтингом, на который часто ссылаются российские политические деятели и СМИ¹³⁴, является регулярно публикуемый Всемирным банком доклад «Осуществляя бизнес» (*Doing Business*). Еще одним примером может служить исследование финансовой ТНК «Банковская корпорация Гонконга и Шанхая» (*The Hong Kong and Shanghai Banking Corporation Limited, HSBC*) со штаб-квартирой в Лондоне, посвященное «лучшим странам для переезда по работе» – *HSBC The Expat Explorer survey*¹³⁵. Другой пример – исследование компании «Эрнст энд Янг», оценивающее привлекательность отдельных стран для иностранных инвестиций¹³⁶. Привлекательность страны для инвесторов, студентов, туристов или для высококвалифицированных сотрудников и другие параметры непосредственно относятся к «мягкой силе» государства, однако многочисленность таких исследований и рейтингов и разный уровень их проведения (от опросов аудиторий сайтов и журналов до серьезных научных исследований) не позволяет учесть все эти исследования по отдельности.

Наконец, существует ежегодно публикуемый рейтинг ведущих аналитических центров, составляемый Пенсильванским университетом при поддержке ООН в рамках исследовательской программы «Аналитические центры и гражданское общество» (*The Global Go to Think Tank Index*)¹³⁷, может служить значимым индикатором влияния стран в научной сфере. Высокие позиции российских научно-исследовательских центров в данном рейтинге – в частности, тот факт, что ИМЭМО РАН неизменно попадает в число 50 глобальных лидеров (в 2015 г. и в 2016 г. Институт занял 32-е место в едином интегральном рейтинге), – свидетельствуют о значительном потенциале России в этой области.

Часть таких рейтингов используется при составлении упомянутых выше комплексных индексов. Другие могут приниматься во внимание при исследовании отдельных направлений в рамках оценки эффективности «мягкой силы» государства.

Несмотря на различную степень объективности и расхождения между различными рейтингами, они представляются полезными для оценки «мягкой силы» государства и эффективности государственной политики в этой области. На рейтинги ориентируются лица, принимающие решения, руководители внешнеполитических министерств и ведомств,

¹³² См.: 2014 Country RepTrak. The World's Most Reputable Countries. Reputation Institute, 2014. [Electronic resource]. Available at: <http://reputationinstitute.com/frames/events/CountryRepTrakWebinar2014.pdf> (accessed 25.11.2014), Р 18-21.

¹³³ См.: Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. – 2012. – №4 (25). – С.85-93.

¹³⁴ См., например: Путин назвал место России в Doing business результатом работы кабинета. // РБК. Бизнес. 29.10.2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5450e033cbb20f09d20ce5f3> (дата обращения 09.12.2014).

¹³⁵ См.: HSBC The Expat Explorer survey. HSBC. 2014. Available at: https://expatexplorer.hsbc.com/?WT.mc_id=HBIB_2014_10_PS_TW_EE_066#/pages/about (accessed 16.12.2014).

¹³⁶ См.: Ernst and Young Attractiveness Surveys, Ernst and Young, 2014. [Electronic resource]. Available at: <http://www.ey.com/GL/en/Issues/Business-environment/Ernst---Young-attractiveness-surveys> (accessed 23.10.2014).

¹³⁷ McGann J. 2014 Global Go to Think Tank Index Report. Think Tanks and Civil Societies Program. 2015. [Electronic resource]. Available at: http://repository.upenn.edu/think_tanks/8/ (accessed 03.02.2015); Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова в международном рейтинге исследовательских центров Пенсильванского университета. Available at: http://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2017/260117_ThinkTanks.pdf.

различных правительственных агентств. Так, например, на совещании руководителей представительств и представителей Россотрудничества за рубежом была представлена презентация директора Института международных организаций и международного сотрудничества Высшей школы экономики М.В. Ларионовой с обзором ряда существующих международных рейтингов и места России в них¹³⁸. В докладе Комитета палаты лордов Великобритании, посвященном «мягкой силе», отдельное внимание уделено рейтингам (в первую очередь. «Индексу мягкой силы» журнала *Monocle* и «Индексу национальных брендов Анхольта-GFK») и позициям в них Великобритании¹³⁹.

При сравнении результатов различных стран в перечисленных рейтингах можно увидеть значительные различия между позициями государств. В Таблице 2 показано положение России, Великобритании и США в основных рейтингах, относящихся к «мягкой силе». Отставание России от двух других выбранных для сравнения стран наиболее заметно в исследованиях, основанных на опросах общественного мнения и характеризующих конечный эффект использования «мягкой силы». Так, например, в Индексе глобального присутствия Королевского института Элъкана Россия занимает 6-е место, а в Рейтинге репутации стран, публикуемом организацией *Reputation Institute*, – 52-е из 55 (табл.).

Вероятно, помимо неизбежного различия оценок, связанного с выбором тех или иных индикаторов и их веса, одной из причин такого расхождения может являться отмеченная выше разница между измерением потенциала «мягкой силы» и конечного эффекта ее применения. Какие-то из стран, обладая сравнительно небольшим потенциалом, могут достигать результатов, превышающих ожидания. В то же время другие страны (в том числе, вероятно, и Россия), обладая высоким потенциалом «мягкой силы» – богатой культурой, историческим наследием, значительными возможностями в области образования и науки, языком межнационального общения и так далее, – недостаточно эффективно используют свои возможности. При этом необходимо иметь в виду, что результаты рейтингов отображают в первую очередь западный взгляд на Россию, стереотипы восприятия ее в качестве чуждого «иночного», которые усугубляет нынешняя геополитическая ситуация. Между тем внутреннее разнообразие России – этническое, конфессиональное, культурное, природное, превращающее ее в «своего рода слепок с мозаичного и многоликого современного мира», – может служить неисчерпаемым источником социального творчества¹⁴⁰.

Что касается США и Великобритании, то стабильно высокие позиции в самых различных рейтингах, относящихся к «мягкой силе», могут свидетельствовать о более высокой, по сравнению с Россией, эффективности использования наличных ресурсов. В этом отношении опыт этих государств в реализации своего потенциала «мягкой силы» представляется интересным для изучения, в том числе с точки зрения измерения и оценки эффективности используемых инструментов.

Итак, можно отметить, что существует запрос на измерение и оценку эффективности «мягкой силы» как со стороны исследователей, так и от лиц, принимающих решения в сфере внешней политики. В связи с этим начиная с 2010 г. регулярно публикуется ряд рейтингов, предлагающих подходы к измерению и оценке «мягкой силы» государств и отдельных,

¹³⁸ См.: Ларионова, М.В. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики. Презентация к докладу на совещании руководителей представительств и представителей Россотрудничества за рубежом, Москва, 7 июля 2014. – С. 4. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2014/07/08/1311908969/Презентация_мягкая_сила_итог.pdf (дата обращения 24.10.14).

¹³⁹ См.: *Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14*. S.I.: Stationery Office, 2014. – P. 49.

¹⁴⁰ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы). // *Полис. Политические исследования*. – 2006. – № 6. – С. 110-124.

относящихся к ней параметров. Однако при анализе и сопоставлении рейтингов необходимо учитывать присущую им субъективность: в первую очередь западоцентричный взгляд на мир, а также стоящие за многими из таких исследований коммерческие интересы публикующих их организаций.

Предмет оценки таких рейтингов не всегда совпадает: если одни из них позиционируют себя как попытку измерить потенциал «мягкой силы» государства, то другие стремятся оценить конечный эффект «мягкой силы»: репутацию, привлекательность или влияние государств в мире. При сопоставлении результатов таких рейтингов для отдельных стран можно увидеть, что даже значительные ресурсы «мягкой силы» не гарантируют высоких позиций с точки зрения конечного эффекта.

Многочисленность рейтингов дает широкие возможности для оценки позиции государства и выстраивания стратегии увеличения «мягкой силы». Однако влияние множества других факторов, в том числе «жесткой силы», а также субъективность большинства рейтингов значительно искажают данные и затрудняют оценку. Поэтому рейтинги могут использоваться для оценки общей ситуации в области «мягкой силы», а также долгосрочного прогнозирования общих тенденций, но малопригодны для кратко- и среднесрочной оценки реализуемых программ и проектов.

Термин «мягкая сила» возник в русле американской внешнеполитической мысли, а определение, предложенное автором концепции Дж. Наем, базируется на определении термина «power», который может переводиться на русский язык как «сила», «власть», «влияние». Идеи о «мягкой силе» в международных отношениях тесно связаны с представлениями о власти в политической науке в целом и отталкиваются от них. С этим сопряжены определенные расхождения в трактовке данного понятия российскими и зарубежными исследователями и политиками. В русском переводе слово «сила» воспринимается прежде всего в связи с военной мощью государства, подразумевающей принуждение, в то время как английское понятие «power» в данном словосочетании оказывается ближе по смысловому наполнению к слову «влияние». Ученые исследовали власть/силу с различных позиций: как обладание определенными возможностями или как отношение или зависимость между субъектами. Кроме того, изучались такие явления как «власть над мнением» и власть, основанная на согласии, власть как возможность определять повестку дня – что можно рассматривать как аналог «мягкой силы» применительно к внутренней политике.

Хотя невоенные формы власти/силы не являются недавним изобретением, на протяжении всего XX в. и в начале XXI в. их значение непрерывно возрастало. Это связано с увеличением влияния средств массовой информации и коммуникации, ростом грамотности и повышением уровня образования населения, развитием массовой культуры, растущей ролью негосударственных акторов, а к концу XX – началу XXI вв. – с новыми информационными технологиями и появлением сети Интернет. Растущее значение «мягкой силы» неразрывно связано с процессом глобализации.

В новых условиях конкуренция и сотрудничество между государствами все больше распространяется не только на физическое пространство (например, вопросы о территориях и границах, использование недр и морских акваторий и т.п.), но и на политико-психологическое пространство, затрагивая такие сферы как культура (в том числе, язык), наука и образование, идеи и символы, представления об устройстве мира и другие. Усиливается конкуренция за человеческий капитал: в условиях глобализации

привлекательность национальных ценностей, культуры, образа жизни непосредственно влияет на благосостояние государства и его граждан. «Мягкая сила» не только увеличивает влияние государства на других участников международных отношений, но и позволяет привлекать наиболее талантливых студентов, ученых и других специалистов, увеличивать доходы от туризма, экспорта товаров и услуг.

Все это не означает, что значение военной силы или экономики уменьшается. Однако, прежде всего, в лидирующих в военном и экономическом отношении странах политики и эксперты уделяют все большее внимание факторам «мягкой силы». Ведущие державы используют «мягкую силу», опираясь на государственные институты, но также привлекая к увеличению национальной «мягкой силы» широкий спектр организаций и частных лиц, в том числе бизнес, образовательные и культурные учреждения, известных деятелей культуры, науки и искусства, неправительственные организации. В Великобритании реализации политики «мягкой силы» придается большое значение, и она рассматривается как способ увеличить влияние страны, повысить благосостояние и безопасность ее граждан.

«Мягкая сила» базируется на определенных ресурсах, накопленных государством (например, языке, культурных достижениях, образовании и науке и т.п.). Однако сами по себе ресурсы еще не означают достижения практических результатов: для их использования необходим соответствующий инструментарий, направленный на конкретные аудитории.

Концепция «мягкой силы» появилась на переломном моменте истории, в начале 1990-х годов. Эксперты стремились осмыслить то, что воспринималось как победа западных стран над СССР в «холодной войне». Завершение «холодной войны» не было военной победой. Было очевидно, что свою роль в развитии событий сыграли инструменты «мягкой силы», в том числе, привлекательность образа жизни в западных странах и культурное влияние. Не случайно эта категория появилась именно в 1990-е гг., когда на первое место вышла не перекройка физических границ, а новая организация глобального мира, регулирование организационных, политических, экономических и прочих пространств.

Попытки измерить «мягкую силу» государств регулярно предпринимаются различными организациями. По мнению экспертов и это подтверждают результаты международных рейтингов «мягкой силы», одной из наиболее успешных стран с точки зрения формирования благоприятной внешней среды и привлекательности является Великобритания. По выражению бывшего премьер-министра Дэвида Кэмерона, страна является «сверхдержавой с точки зрения 'мягкой силы'» (*soft power superpower*)¹⁴¹. Высокие позиции Соединенного Королевства в подобных рейтингах связаны с рядом факторов. Во-первых, сами рейтинги, выпускаемые в основном западными организациями, используют критерии, приоритетные («выгодные») для Великобритании и других западных стран, что в свою очередь, также можно считать одним из проявлений «мягкой силы». Таким образом, создается своеобразный самовоспроизводящийся цикл, и странам незападной культуры, заинтересованным в повышении своих позиций в таких рейтингах, приходится подстраиваться под заданные параметры и критерии. Во-вторых, Великобритания на протяжении длительного периода времени накапливала ресурсы «мягкой силы» и сегодня эффективно использует преимущества, связанные с распространением английского языка, влиянием британских СМИ, репутацией британского образования и другими активами. Наконец, в-третьих, Великобритания обладает широкими возможностями по распространению «мягкой силы» благодаря развитой системе соответствующих институтов

¹⁴¹ Riley-Smith B. David Cameron: take pride in shared roots. // The Telegraph. 08.02.2014 [Electronic resource]. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/scotland/10625976/David-Cameron-take-pride-in-shared-roots.html>.

и механизмов. Более подробно ресурсы и инструменты «мягкой силы» Великобритании описываются во второй и в третьей главе данной работы.

Таблица 2. Позиции России, США и Великобритании в международных рейтингах “мягкой силы”, репутации и национальных брендов

Рейтинг	Методология оценки	Предмет оценки	Число стран в рейтинге	Позиция России	Позиция США	Позиция Великобритании
Индекс «мягкой силы» журнала <i>Monocle</i> и Института управления / <i>Soft Power Index</i> (2012 г.)	Комбинация показателей различных источников и рейтингов, а также экспертные оценки	Потенциал «мягкой силы»	40	28	2	1
Индекс «мягкой силы» для стран с быстроразвивающимися рынками СКОЛКОВО и <i>Ernst&Young</i> (2012 г.) ¹	Комбинация показателей различных источников и рейтингов	Потенциал «мягкой силы»	20/14	3/10	1	4
Рейтинг глобального присутствия Королевского института Элькано (2013 г.)	Комбинация показателей различных источников и рейтингов	Присутствие (потенциал и конечный эффект «мягкой силы»)	60	6	1	3
Индекс национальных брендов Анхольта- <i>GfK</i> (2013 г.)	Опросы общественного мнения	Национальный бренд (конечный эффект)	50	22	1	3
Рейтинг брендов стран <i>Future brand</i> (2012–2013 гг.)	Опросы общественного мнения	Национальный бренд (конечный эффект)	118	83	8	11
Рейтинг репутации стран <i>CountryRepTrack</i> организации <i>Reputation Institute</i> (2014 г.)	Опросы общественного мнения	Репутация (конечный эффект)	55	52	21	15

¹ В данном Индексе, помимо ранжирования 20 стран с быстроразвивающимися рынками, предлагается комбинированный рейтинг этих стран и государств Группы семи (G7) (по 7 от каждой категории). Позиции США и Великобритании определены по комбинированному рейтингу. Позиции России указаны по обоим рейтингам: первая цифра – место в рейтинге стран с быстроразвивающимися рынками, вторая – место в комбинированном рейтинге.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Значение «мягкой силы» в британской внешней политике

Концепция «мягкой силы» оказалась востребованной не только в родной стране автора термина Дж. Ная, но и во многих других государствах мира. Великобритания не является исключением. Сегодня термин «мягкая сила» широко используется британскими политическими деятелями, употребляется в официальных документах правительства, парламента, в научном и экспертном сообществе и в СМИ. Так, в опубликованной в 2015 г. Национальной стратегии безопасности и Стратегическом обзоре обороны и безопасности (*National Security Strategy* и *Strategic Defence and Security Review*) «мягкой силе» уделено большое внимание: необходимость усиливать британское влияние с помощью «мягкой силы» обозначена в качестве одного из важнейших приоритетов стратегии национальной безопасности¹⁴².

О востребованности концепции «мягкой силы» свидетельствует и работа упомянутого выше Комитета по «мягкой силе» и влиянию Великобритании Палаты лордов¹⁴³. Британская академия – национальная академия Великобритании для общественных и гуманитарных наук – в 2014 г. опубликовала доклад «Искусство привлекать. Мягкая сила и роль Великобритании в мире»¹⁴⁴, а Британский совет в 2013 г. подготовил отчет «Влияние и привлекательность»¹⁴⁵, также посвященный британской «мягкой силе».

Рассматривая историю международных отношений и сложившийся к началу XXI в. миропорядок, ведущие отечественные специалисты говорят о роли несиловых способов его утверждения в мире, а именно «распространения в различных странах и регионах современных западных стандартов экономической и политической жизни, образцов и моделей поведения, представлений о путях и средствах обеспечения национальной и международной безопасности, а в более широком смысле – о категориях блага, вреда и опасности – для последующего их там культивирования и закрепления»¹⁴⁶. Если незападным державам, в том числе, России и Китаю, неизбежно приходится подстраиваться под лидеров и одновременно искать собственное особое место в заданной системе координат для увеличения собственной «мягкой силы», то Великобритания, напротив, принадлежит к числу создателей такой системы.

Внешняя политика Британской империи и Соединенного Королевства, с одной стороны, играла существенную роль в становлении сегодняшнего мирового порядка, с другой – стремилась отвечать вызовам времени и учитывать растущую роль невоенных факторов силы. «Мягкая сила», основанная на привлекательности культуры, национальных ценностей и внешней политики государства, способствует экономическому росту, а также позволяет государству формировать тренды и задавать векторы развития в мире, влиять на

¹⁴² HM Government. *National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review*. 2015. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf.

¹⁴³ *Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14*. S.l.: Stationery Office, 2014. – 105 p.

¹⁴⁴ The British Academy. *The Art of Attraction*. 2014. Available at: www.britac.ac.uk/intl/softpower.cfm.

¹⁴⁵ British Council. *Influence and Attraction: Culture and the race for soft power in the 21st century*. London, British Council, 2013. 42 p. Available at: www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/influence-and-attraction-report.pdf.

¹⁴⁶ Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Т. 3. – М.: Изд-во НОФМО, 2004. – 2087 с.

международную повестку дня, обеспечивая тем самым национальную безопасность и благополучие.

Вопросы, касающиеся национальной, постимперской и других идентичностей, образа страны за рубежом, роли страны в мире, сохранения и распространения влияния и увеличения «мягкой силы» постоянно присутствуют в британском властном, научном и общественном дискурсе: на эти темы рассуждают политики, ученые и журналисты, регулярно публикуются книги и статьи. Как отметил в своей речи, обращенной к выпускникам Дипломатической академии Форин-офиса в феврале 2016 г. принц Уильям, герцог Кембриджский, «многие столетия Британия была нацией, «смотрящей вовне»» (*outward-looking nation*), за пределы британских островов. По его словам, осознание предназначения и любознательность до сих пор продолжают оставаться движущими силами для экономики, культурного и образовательного экспорта, вооруженных сил и дипломатической службы государства¹⁴⁷.

Колониальное прошлое имеет огромное значение с точки зрения становления британской «мягкой силы» и во многом объясняет интерес британских политиков и экспертов к этой концепции. Британская империя, «над которой не заходило солнце», взаимодействовала с многочисленными народами по всему миру и устанавливала свои порядки, создавала по подобию своих колониальные административные структуры, распространяла свои нормы и принципы организации различных общественных и государственных институтов, приобщала людей за пределами страны к своей культуре и языку. Однако в течение XX в. произошли огромные изменения, и самая крупная империя мира прекратила существование. Тем не менее имперское наследие и сегодня продолжает влиять на внешнюю политику Великобритании и международные отношения. Яркое свидетельство такого влияния – глобальное распространение английского языка и его превращение в язык международного общения.

После распада Британской империи политики и ученые, и не только британские, постоянно обращались к вопросам о роли страны в мире. Российские и зарубежные исследователи подробно рассматривали вопросы, связанные с ролью Британии в международных отношениях, ее внешней политикой, взаимоотношениями с США, ЕС, странами британского Содружества¹⁴⁸. Ученые и публицисты по-разному оценивали трансформацию Великобритании в течение XX в.: и как историю успеха, и как процесс постепенного упадка и потери влияния, и как попытки в новых условиях реконфигурировать бывшее пространство империи теперь уже на принципах постимперской идентичности.

Как еще в 1990 г. отметил британский историк Дэвид Рейнольдс, вопрос о роли Соединенного Королевства в мире связан не только с внешней политикой самой страны, но и с концепцией силы и трансформацией представлений о ней в XX в.¹⁴⁹ Эксперты, которые говорят об упадке Британии, указывают на потерю ею влияния и роли в мире, по сравнению с XIX в. и первой половиной XX века. Так, в 1870 г. Великобритания обладала флотом военных кораблей, превосходящим по размеру военные флоты всех остальных стран мира,

¹⁴⁷ Rayner G., Duke of Cambridge boosts EU 'In' campaign by praising UK's 'outward looking' history. The Telegraph 16.02.2016. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/prince-william/12159781/Duke-of-Cambridge-boosts-EU-In-campaign-by-praising-UKs-outward-looking-history.html>.

¹⁴⁸ См., напр: Sanders D. Losing an Empire, Finding a Role: British Foreign Policy since 1945. 1990; Mangold P. Success and Failure in British Foreign Policy: Evaluating the Record, 1900-2000. – London: Palgrave Macmillan, 2001. – 254 p.; Young, J.W. Britain and the World in the Twentieth Century. – New York: Arnold, 1997. – 250 p.; Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. – М.: Международные отношения, 2016. – 840 с.; 45. Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под. ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. – М.: Весь мир, 2014. – 480 с.

¹⁴⁹ Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. – London: Longman, 2000. – 378 p.

взятые вместе¹⁵⁰, сегодня же страна уступает по этому параметру многим другим государствам, хотя и остается одной из крупнейших военных держав мира и первой в Европе в этом отношении.

Те же, кто считает развитие страны во второй половине XX – начале XXI вв. в целом историей успеха, указывают на то, что в современном мире все большее значение имеют новые формы власти и влияния, и что, несмотря на потерю колоний, Великобритания остается одним из лидеров в экономике, культуре, образовании и науке. Концепция «мягкой силы» и британские достижения в этой области оказываются полезными для тех экспертов и политических деятелей, которые стремятся привести аргументы в пользу второй точки зрения и преодолеть стереотипы, касающиеся «упадка» страны после распада империи.

В рамках пространственного подхода можно говорить о том, что прежнее политическое пространство Британской империи, основанное на «жестких» связях: экономическом и военном доминировании, иерархичных отношениях метрополия-колонии, претерпело значительные изменения. Тем не менее это пространство во многом сохранило свои очертания, но теперь уже оно связано «мягкими» формами взаимодействия: общностью языка, формами общественного устройства, символами (например, флаг Великобритании все еще присутствует на флагах нескольких стран Содружества), институтом монархии, культурными и образовательными программами, финансированием проектов по содействию развитию и так далее. Великобритания смогла успешно перестроить свою политику и использовать «мягкую силу» там, где ранее обходилась силой «жесткой». Как будет показано ниже, многие ключевые институты и механизмы современной британской «мягкой силы» создавались для того, чтобы в соответствии с требованиями времени перестроить отношения с различными частями бывшей империи, в новых исторических и политических условиях наладить коммуникацию между ними – и лишь затем их работа распространилась на более широкий круг стран.

Изучение внешнеполитической деятельности Великобритании с помощью концепции «мягкой силы» позволяет взглянуть на положение страны в мире и ее внешнеполитическую стратегию с нового ракурса и учесть не только военную или экономическую мощь, но и возможности страны влиять на других участников международных отношений с помощью привлекательности национальной культуры, ценностей и моделей поведения. С другой стороны, изучение через призму «мягкой силы» позволяет лучше понять мотивы и действия британских экспертов и политиков, взявших данную концепцию на вооружение. Наконец, успех Великобритании в этой сфере проявляется не только в международных рейтингах, но и отмечен многими российскими учеными и политиками. На опыт Британского совета часто ссылаются в России при разговоре о способах увеличения «мягкой силы» нашей страны и развитии соответствующих институтов и механизмов. В связи с этим изучение опыта Соединенного Королевства в данной области, безусловно, представляет интерес для планирования и реализации российских инициатив.

«Мягкая сила» Великобритании может рассматриваться двояко:

- как политика (или, в более широком смысле – деятельность самых различных акторов, не только государственных), позволяющая достичь измеряемых результатов, экономических и внешнеполитических целей. Для реализации такой политики Великобритания финансирует многочисленные программы и проекты государственных и негосударственных организаций, создает коммуникационные кампании, привлекает к различным видам деятельности известных людей, поддерживает инициативы в области образования, туризма, спорта, общественной дипломатии, культуры, информационной и коммуникационной деятельности и т.п.

¹⁵⁰ См.: Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century.. Op. cit. – P. 12.

- как долгосрочная стратегическая «рамка», охватывающая широкий спектр вопросов, включающих в себя представления о миссии Великобритании в мире и ценностях, которые она продвигает, весь спектр символов, идей и смыслов, связанных с понятием «британскость» и «британский» (как внутри страны, так и за рубежом), определенный образ жизни и так далее – то есть то, что отличает Соединенное Королевство от других участников международных отношений и что далеко не всегда может быть четко описано, оценено и измерено, но что является определяющей средой для формирования соответствующей политики.

Именно второй уровень является ключевым для британской «мягкой силы», направленной на обеспечение постоянных национальных интересов, гарантирует преемственность такой политики, несмотря на меняющиеся приоритеты, международную среду и стремительное развитие коммуникационных и информационных технологий. Подобная долгосрочная стратегическая «рамка» создает возможности для того, чтобы деятельность многочисленных государственных и негосударственных акторов: бизнеса, неправительственных организаций, учреждений культуры и образования, СМИ, британских городов, университетов и т.п. даже без пристального контроля и строгого руководства со стороны правительства, также вносила вклад в увеличение британской «мягкой силы» в мире.

Лидерские позиции Великобритании в рейтингах «мягкой силы», «брендов государств» и др. объясняются не только наличием определенных преимуществ перед другими странами, но главным образом тем, как именно страна использует существующие ресурсы для формирования благоприятной внешней среды, ее выбором целевых аудиторий и фокусированием усилий для достижения поставленных задач.

С одной стороны, страна обладает определенными активами «мягкой силы»: в том числе историческим наследием, богатейшей литературой, традициями и современными достижениями в области изобразительных искусств и кинематографа, уникальной политической системой с присущими ей ценностями и нормами, высокой репутацией в научной и образовательной сферах и многими другими характеристиками, позволяющими претендовать на роль одного из лидеров в этой области. С другой стороны, само по себе обладание определенным потенциалом, как и в случае с военной силой, еще не означает реального влияния и изменения поведения других участников международных отношений. Дж. Най подчеркивает возможность достижения определенных результатов с помощью привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики. Однако потенциальная привлекательность должна быть донесена до зарубежных аудиторий и реализована. Более того, привлекательное для одних групп населения может оказаться отталкивающим для других: таким образом, распространение «мягкой силы» подразумевает определение целевых аудиторий и формирование инструментов, направленных на определенные группы людей, а не на все общество в зарубежных странах в целом.

Отчет специального комитета Палаты лордов по мягкой силе и влиянию Великобритании¹⁵¹ и протоколы его заседаний свидетельствуют о том, что, несмотря на широту термина «мягкая сила», представители британского истеблишмента очень прагматично подходят к реализации соответствующей политики в интересах своей страны. В частности, можно отметить следующие отличительные черты, характеризующие не только сам финальный доклад, составленный по результатам слушаний Палаты лордов, но и устные сообщения представителей британского правительства, экспертного сообщества и общественных деятелей:

¹⁵¹ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. – 105 p.

- *стремление отталкиваться от уже существующих преимуществ* и максимально использовать имеющиеся инструменты и механизмы, прежде чем создавать новые;
- большое значение, которое придается *негосударственным акторам*, участвующим в распространении «мягкой силы» и стремление дистанцироваться от государства в работе по ряду направлений;
- отношение к политике «мягкой силы», как к *стратегии, а не тактике* – то есть акцент на долгосрочной и последовательной реализации всего комплекса мер, относящихся к «мягкой силе», а не отдельным краткосрочным проектам и программам;
- стремление использовать «мягкую силу» для повышения *безопасности и благосостояния* Великобритании;
- стремление использовать «мягкую силу» для того чтобы в определенной степени *дистанцироваться* от более широкой сферы влияния под руководством США и от Европейского Союза, создать узнаваемый и отличающийся от других национальный образ Великобритании.

Несомненно, «мягкая сила», то есть опора на привлекательность национальных ценностей, культуры и внешней политики для достижения целей и увеличения влияния страны в мире, играла существенную роль в британской внешнеполитической стратегии задолго до появления соответствующего термина. В разные исторические периоды такая деятельность осмысливалась учеными и использовалась политическими лидерами под разными названиями и способствовала решению различных задач. Пропаганда, общественная дипломатия, информационная политика, продвижение языка и культуры, брендинг государства, распространение демократии и содействие международному развитию – все эти явления так или иначе относятся к увеличению влияния страны в мире и сегодня рассматриваются политическим истеблишментом как составляющие британской «мягкой силы».

Автор термина «мягкая сила» Дж. Най выступил в 2013 г. на слушаниях упомянутого выше специального комитета британской Палаты лордов и высоко оценил достижения Великобритании этой области. Он особо упомянул ведущую роль английского языка на международном уровне, историческое значение британского Содружества наций, внимание мировых СМИ к британской королевской семье, авторитет национальных университетов, а также деятельность правительственного Департамента международного развития и таких организаций как Британский совет, Всемирная служба Би-би-си и так далее. Дж. Най считает, что Великобритания является одним из лидеров в области «мягкой силы» и подчеркивает, что страна смогла добиться впечатляющих успехов, имея относительно небольшое население и территорию¹⁵². Все перечисленные достижения, безусловно, являются результатом работы, которая велась на протяжении длительного периода времени, а отнюдь не только с появлением концепции «мягкой силы».

Основные институты и механизмы, которые сегодня играют роль в британской политике «мягкой силы», складывались на протяжении XX века. Их становление и развитие было обусловлено теми вызовами, с которыми страна сталкивалась в связи с двумя мировыми войнами, а затем – с образованием и распадом биполярной системы международных отношений. Безусловно, история предыдущих столетий и наследие, связанное с выдающимися деятелями культуры, философами, мореплавателями, полководцами и политическими деятелями, также имеют огромное значение с точки зрения влияния в мире. Однако, как показывают примеры таких стран как Китай, Турция, Иран,

¹⁵² Soft power and the UK's influence committee. Oral and written evidence – Vol. 2. House of Lords, London, 2014. – P. 747-760.

Индия и многих других, даже богатейшее историческое и культурное прошлое не транслируется автоматически в увеличение «мягкой силы».

Современные достижения Соединенного Королевства в этой области основаны на масштабной работе ряда институтов и механизмов. Этапы их становления непосредственно связаны с ключевыми событиями истории страны. Автор предлагает рассматривать их классификацию следующим образом:

1. В период со вступления в Первую мировую войну и до начала Второй мировой (то есть с 1914 г. по 1939 г.) Великобритания испытывает в своей внешней политике различные инструменты, относящиеся как к военной пропаганде, так и к более широкому культурному и информационному влиянию и продвижению собственных ценностей. Кроме того, важнейшую роль в становлении британской политики «мягкой силы» сыграло создание (в том числе по инициативе Великобритании) Лиги наций – международной организации, закрепившей основы версальско-Вашингтонской системы международных отношений, которая сложилась по завершении Первой мировой войны.

С 1914 г. по 1918 г. действует британское Бюро военной пропаганды, известное как *Wellington House*, работа которого направлена на зарубежные аудитории. Одновременно с этим реализуются инициативы, относящиеся к более широкому спектру вопросов: например, в 1917 г. организуется специальный правительственный комитет, призванный изучить ситуацию с распространением и публикацией британских книг и периодики за рубежом. Комитет приходит к выводу о необходимости более широкого продвижения национальной культуры в других странах, в том числе для улучшения торговых и коммерческих связей¹⁵³.

К этому этапу также относятся первые инициативы, которые в дальнейшем окажут влияние на становление программ международного развития. В 1929 г. принимается Акт о развитии колоний (*Colonial Development Act*) и учреждается Фонд развития колоний (*Colonial Development Fund*), однако на тот момент основная цель таких инициатив сводилась к созданию условий для социально-экономического развития, прежде всего самой Великобритании и снижения безработицы в метрополии¹⁵⁴.

С 1926 г. по 1933 г. действует уникальное правительственное агентство «Имперский маркетинговый совет» (*The Empire Marketing Board*), работа которого была направлена на продвижение товаров Британской империи и включала в себя создание постеров, фильмов, проведение выставок, а также организацию разного рода исследований. Историк британского Открытого университета Карл Хак отмечает, что создание такого совета свидетельствовало о смене приоритетов: от империи, основанной на военном превосходстве, к империи как активному экономическому и культурному сообществу, способствующей процветанию как метрополии, так и колоний¹⁵⁵. Такие трансформации были связаны с политико-организационными переменами в Британской империи и ростом автономии доминионов (в соответствии с принципами, изложенными в Декларации Бальфура по итогам конференции стран Британской империи 1926 г.), влиянием Великой депрессии, а также с угрозой новой мировой войны и активной деятельностью германских эмиссаров в британских колониях.

Первый секретарь указанного совета, выдающийся общественный деятель, внесший вклад в становление британских медиа-индустрии и связей с общественностью, сэр Стефен Тэллент в 1932 г. опубликовал брошюру под названием «Проецирование Англии» (*The projection of England*). В этой публикации он обосновывал необходимость создания «школы с

¹⁵³ Corse E. A Battle for Neutral Europe: British Cultural Propaganda During the Second World War. – London: Bloomsbury, 2013. – P. 19.

¹⁵⁴ Barder O. Reforming Development Assistance: Lessons from the UK Experience. The Center for Global Development, 2005. Available at: http://www.cgdev.org/files/4371_file_WP_70.pdf.

¹⁵⁵ Hack, K. Selling Empire: The Empire Marketing Board. OpenLearn. The Open University. <http://www.open.edu/openlearn/history-the-arts/history/world-history/selling-empire-the-empire-marketing-board>.

официальным статусом», которая должна отвечать за проецирование (то есть распространение информации и материалов, отображение) образа страны по всему миру. В ведении такой организации должны были, по его мнению, оказаться связи с прессой, производство фильмов, проведение выставок. Кроме того, он писал, что «каждый сотрудник таможен или портье, оказавший услуги высокого качества посетителям из-за рубежа», также участвует в проецировании позитивного образа страны и добывает для нее свою небольшую долю хорошего отношения в мире¹⁵⁶.

Мнение о необходимости усиления культурного и информационного влияния за рубежом разделяли и другие представители британского истеблишмента, тем более что другие страны, в том числе Франция, Германия, Италия и США, уже много лет вели такую деятельность. К примеру, французская ассоциация Альянс Франсэз (*Alliance Française*) была создана с целью распространения французского языка и содействия диалогу культур еще в 1883 году. В качестве аргументов в Соединенном Королевстве также приводились данные о том, что продвижение британской культуры и ценностей принесет экономические выгоды¹⁵⁷.

Профессор Лидского университета Ф. Тейлор говорит о том, что в это время происходило зарождение британской информационной политики и нового типа дипломатии, отвечающего вызовам XX в. – эры массовой коммуникации и средств массовой информации¹⁵⁸.

Наконец, в 30-е гг. XX в. были созданы две структуры, которые и сегодня играют ключевую роль в британской политике «мягкой силы». В 1932 г. Британская широковещательная корпорация запустила зарубежное радиовещание. Оно должно было служить «соединяющим и координирующим звеном между разбросанными частями Британской империи»¹⁵⁹. Двумя годами позже, в 1934 г., при поддержке Министерства иностранных дел (*Foreign Office*) был основан «Британский комитет по отношениям с другими странами», сегодня известный как Британский совет (*British Council*). В 1938 г. открылись первые отделения этой организации за рубежом. Сегодня на официальном сайте Британского совета причины, которые способствовали созданию организации, изложены следующим образом: «В этот период статус Великобритании принципиальным образом менялся. Британский совет был основан для того, чтобы строить новые международные отношения, базирующиеся не на политическом или военном доминировании, а в первую очередь, на взаимопонимании»¹⁶⁰. Такое описание, возможно, представляется несколько идеализированным. Без всяких сомнений, в 1930-е гг., на фоне усиливающегося влияния в Европе идей марксизма и национал-социализма, важнейшие задачи британской информационной и культурной деятельности относились к сфере пропаганды и контрпропаганды или к тому, что сегодня принято называть «информационными войнами». В частности, начало зарубежного вещания BBC связывается исследователями с необходимостью противодействия итальянской пропаганде на Ближнем Востоке.

Хотя многие направления работы, испытанные в этот период времени, в первую очередь, связанные с цензурой, сегодня оцениваются неоднозначно¹⁶¹, в целом можно

¹⁵⁶ Цит. по: Moloney K. *Rethinking Public Relations: PR Propaganda and Democracy*. – New York: Routledge, 2006. – p. 61; Taylor Ph. *The Projection of Britain: British Overseas Publicity and Propaganda, 1919-1939*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 363 p.

¹⁵⁷ Corse E. *A Battle for Neutral Europe: British Cultural Propaganda During the Second World War*. – London: Bloomsbury, 2013. – 259 p.

¹⁵⁸ Taylor P.M. *British Propaganda in the Twentieth Century: Selling Democracy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. – P. 7.

¹⁵⁹ Слова генерального директора Сэра Дж. Рейта, сказанные во время первого эфира BBC, цитируются по архиву BBC: <http://www.bbc.co.uk/worldservice/history/timeline.shtml>.

¹⁶⁰ Официальный сайт Британского совета. <http://www.britishcouncil.org/organisation/history>

¹⁶¹ Wilkinson, C. *A Necessary Evil? Propaganda, Censorship, and Class in Britain's Ministry of Information, 1939-1941, Liberated Arts: a journal for undergraduate research*. – 2015 – Vol. 1. – No. 1, Article 13. Available at: <http://ir.lib.uwo.ca/lajur/vol1/iss1/13>

говорить о том, что основополагающие механизмы и инструменты британской «мягкой силы» появились именно в межвоенный период, накануне Второй мировой войны. При этом также вырабатывались способы получения обратной связи и исследования общественного мнения в других странах. Би-Би-Си и Британский совет взаимодействовали с Министерством иностранных дел, в том числе получая от него финансирование и указания, однако оставались независимыми организациями.

Еще один представитель Лидского университета, исследователь Робин Браун отмечает, насколько стабильной оказалась система, созданная в 30-х гг. XX в., даже несмотря на то, что за время, прошедшее с момента ее возникновения, неоднократно производились попытки в большей степени подчинить зарубежную информационную и культурную политику государству¹⁶². Началась и закончилась сначала Вторая мировая война, затем «холодная война», однако структуры, которые возникли около 80 лет назад, приспосабливались и менялись в соответствии с вызовами времени и продолжают действовать до сих пор. Более того, они, в свою очередь, оказывают определенное влияние на британскую внешнюю политику путем лоббирования и формирования повестки дня.

2. В качестве отдельного этапа, оказавшего значительное влияние на становление и развитие инструментов и механизмов британской «мягкой силы», можно выделить собственно период Второй мировой войны. С сентября 1939 г. по март 1946 г. в Великобритании действовало Министерство информации (*The Ministry of Information, MOI*)¹⁶³. Деятельность нового ведомства была направлена как на внутренние, так и на зарубежные аудитории: она являлась весьма обширной и включала работу с прессой, производство постеров, книг и фильмов, организацию выставок и изучение общественного мнения¹⁶⁴.

Одновременно во время войны увеличилась роль зарубежного вещания Би-Би-Си. С 1939 г. по 1941 г. численность персонала, занятого в работе на аудитории в других странах, выросла со 103 до 1472 чел. К концу 1940 г. вещание производилось на 34 языках, а к 1945 г. – уже на 45 языках, что превратило Би-Би-Си в крупнейшую телерадиовещательную корпорацию в мире¹⁶⁵.

Особую роль во время войны играл Британский совет: активно избегая определения своей работы в качестве пропаганды¹⁶⁶, он реализовывал масштабную деятельность: проводил культурные мероприятия за рубежом, распространял книги и другие печатные материалы, занимался популяризацией английского языка, выпускал фильмы, организовывал туры известных людей (таких, например, как поэт Т.С. Элиот, композитор Б. Бриттен и другие), взаимодействовал с зарубежными элитами. Несмотря на значительные сложности, накануне и во время войны он сумел открыть свои филиалы, Британские институты в столицах нейтральных стран – Мадриде (Испания), Лиссабоне (Португалия) и Стокгольме (Швеция). По словам исследователя Э. Корса, работа совета была, возможно, «наиболее эффективной формой пропаганды в борьбе за нейтральную Европу», и существенно повлияла на решение европейских политических элит не выступать на стороне стран «оси» во Второй мировой войне¹⁶⁷.

¹⁶² Brown R. The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communications Research. Institute of Communication Studies. University of Leeds. Leeds. UK. 2012.

¹⁶³ Правительственная структура с таким же названием недолго действовала и во время Первой мировой войны, в 1918 году.

¹⁶⁴ См. подробнее сайт, посвященный истории данного министерства: <http://www.moidigital.ac.uk/>

¹⁶⁵ http://www.bbc.co.uk/worldservice/history/story/2007/02/070122_html_40s.shtml.

¹⁶⁶ Corse E. A Battle for Neutral Europe: British Cultural Propaganda During the Second World War. – London: Bloomsbury. 2013. – 259 p.

¹⁶⁷ См.: Corse E. A Battle for Neutral Europe: British Cultural Propaganda During the Second World War. Op. cit.

3. По окончании Второй мировой войны наступает новый этап развития британской информационной, культурной и идеологической деятельности за рубежом. Тенденции, которые повлияли на британскую внешнюю политику: распад Британской империи, противостояние с СССР, установление «особых отношений» с США и интеграция с Европой и другие¹⁶⁸, безусловно, определяли национальную стратегию, которую сегодня можно назвать «политикой мягкой силы». В 1950-1960 гг. был создан ряд правительственных комитетов, которые исследовали вопросы, связанные с информационной и культурной работой за рубежом, и разрабатывали рекомендации относительно финансирования, географических приоритетов и организации такой деятельности¹⁶⁹.

По-прежнему среди тематических приоритетов оставались культурные связи, продвижение английского языка, распространение британских книг и газет. Одной из новых форм работы стало «техническое содействие» (в дальнейшем – «содействие международному развитию»). В первую очередь такая деятельность была направлена на бывшие британские колонии. При этом значительное влияние на политику в этой области оказала реализация США плана Маршалла, возникновение и развитие Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также международных организаций в рамках системы Организации Объединенных Наций, в работе которых Великобритания с самого начала их учреждения приняла активное участие. В 1960-е гг. такие программы формировали и расширяли и другие страны: в том числе, Франция, Германия, скандинавские страны, Япония¹⁷⁰. В 1964 г. после прихода к власти правительства лейбористов Г. Уилсона было сформировано новое Министерство зарубежного развития (*Ministry of Overseas Development*). При этом техническое содействие опиралось на созданные в колониальный период административные структуры¹⁷¹.

Значительную роль в политике Великобритании в этой сфере играла опора на образование. В 1962 г. Великобритания и США занимали первое место по числу обучающихся в этих странах студентов из развивающихся государств (по 40 тыс. человек в каждой из стран). Около 5 тыс. британских учителей, в свою очередь, работали в странах третьего мира¹⁷². Наследие Британской империи, в частности, тот факт, что элиты (и население) в бывших колониях владели английским языком, также играло важную роль. Однако при этом отношение к США, как к основному конкуренту Соединенного Королевства, можно охарактеризовать как двойственное в условиях идеологического противостояния двух систем. В статье 1965 г., посвященной «проецированию Британии за рубежом», историк Макс Белофф высказал мнение о том, что в отличие от других областей, конкуренция со стороны США в сфере образования не должна восприниматься негативно.

¹⁶⁸ См. подробнее: Громыко, Ал. А. Внешняя политика Великобритании: от империи к «осевой» державе // Космополис. – 2005. – № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gromyko.ru/Russian/Brit/brit13.htm>.

¹⁶⁹ См. Earl of Drogheda. Summary of the Report of the Independent Committee of Enquiry into the Overseas Information Services, Cmd. 9138. – London: HMSO, 1954; Lord Plowden. Report of the Committee on Representational Services Overseas, Cmnd. 2276. – London: HMSO, 1964; Duncan, V. Report of the Review Committee on Overseas Representation 1968-1969, Cmnd. 4107. – London: HMSO, 1969. Цит. по: Brown R. The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communications Research. Leeds: Institute of Communication Studies. University of Leeds.

¹⁷⁰ Lancaster C. Foreign aid in the twenty-first century, what purposes? // Foreign aid and foreign policy. Lessons for the next half-century. / eds. Picard L., Groelsema R., Buss T.

¹⁷¹ Pacquement F. How Development Assistance from France and the United Kingdom Has Evolved: Fifty Years on from Decolonisation. // International Development Policy. / Revue internationale de politique de développement. – 2010. – No 1. URL : <http://poldev.revues.org/137> ; DOI : 10.4000/poldev.137.

¹⁷² British Aid-4. Technical Assistance. A factual survey of Britain's aid to overseas development through technical assistance. – London: The Overseas Development Institute, 1964. – 200 p.

По его словам, не так важно, обучается ли студент из другой страны в США или Великобритании, самое главное, что он оказывается вне зоны влияния СССР¹⁷³.

В 1984 г. Министерство иностранных дел и по делам Содружества¹⁷⁴ учредило стипендию для обучения в Великобритании для будущих лидеров из разных стран мира. Сегодня эта стипендия известна под названием Чивнинг и доступна для граждан 160 государств¹⁷⁵.

Еще одно направление деятельности, сформировавшееся в 1960-х г., которые стали периодом ускоренного экономического роста, – развитие туризма. В 1969 г. был принят «Акт о развитии туризма» (*Development of Tourism Act*)¹⁷⁶, согласно которому была создана новая структура *British Tourist Authority*, сегодня известная как *VisitBritain*. Это агентство, действующее под руководством правительственного Министерства культуры, СМИ и спорта в форме недепартаментского общественного органа¹⁷⁷, дополняет работу отдельных агентств, ответственных за продвижение внутреннего и въездного туризма в Англии, Шотландии и Уэльсе¹⁷⁸.

«Борьба за умы и сердца» зарубежных элит и широких слоев населения в период после Второй мировой войны была далеко не всегда успешной¹⁷⁹. Однако, безусловно, основные инструменты и механизмы, превратившиеся сегодня в неотъемлемые составляющие политики «мягкой силы», продолжали в этот период свое становление и развитие.

4. Современный период развития британской политики «мягкой силы» можно начать отсчитывать как с момента окончания «холодной войны», то есть с начала 1990-х гг., так и с более позднего периода, относящегося к концу 1990-х гг. Второй подход представляется более предпочтительным. После победы партии лейбористов на выборах 1997 г. значительно вырос интерес к позиционированию Британии за рубежом, влиянию страны и ее роли в мире. В это время правительство также пересмотрело подходы к содействию международному развитию и учредило Департамент международного развития (*Department for International Development*)¹⁸⁰. Кроме того, технический прогресс и увеличение доступа к средствам

¹⁷³ Beloff M. The Projection of Britain Abroad. *International Affairs*. – 1965. – Vol. 41. – No. 3. – London: Royal Institute of International Affairs. – P. 478-489.

¹⁷⁴ Данное министерство возникло в 1968 г. в результате слияния министерства иностранных дел и министерства по делам Содружества.

¹⁷⁵ Официальный сайт программы Chevening Scholarships [Electronic resource]. Available at: <http://www.chevening.org>.

¹⁷⁶ Development of Tourism Act 1969. The National Archives. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/51>.

¹⁷⁷ В русскоязычной литературе пока не сложилось общепринятого перевода названий некоторых британских учреждений, и автор ориентировалась на переводы, которые используются в публикациях Института Европы РАН и других авторитетных научных центров. В номенклатуре, представленной в официальных документах британского правительства перечислено несколько типов организаций: *Ministerial department*, то есть министерство, *Non-ministerial department* (неминистерский департамент – правительственные учреждения, которые не требуют прямого политического контроля), *Non-departmental public body* (в данной работе переведено как недепартаментский общественный орган – относительно независимые организации разного типа, как правило подотчетные Парламенту, ряд из них также иногда их называют *quango* (аббревиатура для *quasi-autonomous non-governmental organisation*) – т.е. квази-неправительственными организациями).

¹⁷⁸ Также существует агентство, ответственное за продвижение туризма в Северной Ирландии, однако его работа направлена в основном на развитие внутреннего туризма и на привлечение туристов из Республики Ирландия.

¹⁷⁹ См. напр. Franzén J. Losing hearts and minds in Iraq: Britain, Cold War propaganda and the challenge of communism, 1945–58. *Historical Research*. – 2010. – Vol. 83. – No 222. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd. DOI: 10.1111/j.1468-2281.2009.00520.x.

¹⁸⁰ Ian Hall 'Building the Global Network?' The Reform of the Foreign and Commonwealth Office under New Labour. // *British journal of politics and international relations*. – 2013. – Vol. 15. – P. 228–245. doi: 10.1111/j.1467-856X.2012.00533.x.

массовой информации, развитие в предыдущие годы радио, телевидения и кинематографа, а к концу XX – началу XXI в. – сети Интернет принципиально изменили многие подходы к внешней политике государств, и создали беспрецедентные возможности для распространения «мягкой силы». Обладая к этому времени значительными конкурентными преимуществами, в том числе огромным опытом, накопленным в предыдущие исторические периоды, Великобритания смогла достичь значительных успехов.

Роль государственных институтов в реализации политики «мягкой силы»

К началу XXI в. основные механизмы и инструменты «мягкой силы» Великобритании оказались сформированы, и такая политика получила институциональную основу. Обсуждения относительно использования существующих инструментов, увеличения или снижения финансирования отдельных направлений и усиления координации различных акторов пока что не вносят существенных изменений в сложившуюся на сегодняшний день систему работы.

Остановимся на описании текущей ситуации более подробно. Сначала рассмотрим институты, отвечающие в той или иной мере за реализацию государственной политики «мягкой силы», в первую очередь – относящиеся к исполнительной ветви власти.

Безусловно, ведущая роль в реализации государственной внешней политики, и, в частности, политики «мягкой силы» принадлежит премьер-министру. Он, вместе с кабинетом, куда входят главы департаментов правительства (то есть, министерств) отвечает за текущую политику перед Сувереном, парламентом, своей политической партией и в целом перед избирателями.

На сегодняшний день британское правительство включает в себя 25 «министерских департаментов» (т.е. самостоятельных министерств), 21 «неминистерский департамент» (государственных структур, работа которых не требует прямого политического вмешательства со стороны правительства страны¹⁸¹), а также многочисленные агентства, общественные структуры и государственные корпорации (в том числе, Би-Би-Си), которые взаимодействуют с соответствующими министерствами¹⁸². Примерно треть министерств и около десятка других структур в большей или меньшей степени участвуют в планировании, координации, выполнении и оценке работы, связанной с увеличением «мягкой силы» страны.

Центральная роль в реализации такой политики принадлежит Министерству иностранных дел и по делам Содружества, которое в российской литературе также часто обозначается как Форин-офис (*Foreign and Commonwealth Office*). Это министерство, а также система британских дипломатических и торговых представительств за рубежом тем или иным образом вовлечены практически во все направления деятельности по увеличению «мягкой силы» страны. В стратегии работы («бизнес-плане») Министерства на 2011-2015 гг. использование «мягкой силы» указано в качестве одного из пяти приоритетов стратегических реформ¹⁸³. В плане работы Министерства на период с 2015 по 2020 г. увеличение воздействия «мягкой силы» страны выделено в качестве ключевого компонента задачи «Проецирование нашего глобального влияния» (одной из трех составляющих плана,

¹⁸¹ Шелепов А.В. Зарубежный опыт применения «мягкой силы»: Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т.9. – № 2. – С.10-25.

¹⁸² См. официальный сайт Правительства Великобритании [Электронный ресурс]: <https://www.gov.uk/government/organisations>.

¹⁸³ Foreign and Commonwealth Office. Business Plan 2011-2015. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32855/FCO-Business-Plan1.pdf.

две другие задачи – это «Защита наших граждан» и «Увеличение нашего благосостояния»¹⁸⁴.

Министерство не только занимается собственно дипломатической работой, взаимодействуя с правительствами других стран и международными организациями, отвечая за связи с общественностью, донося позицию Великобритании по ключевым проблемам и вопросам до партнеров и зарубежных аудиторий и т.п., но и выступает связующим звеном, координатором и исполнителем для целого ряда различных направлений политики «мягкой силы». В каких-то случаях Форин-офис является одним из организаторов межведомственных программ – так, например, инициатива *Conflict Pool*, направленная на предотвращение конфликтов за рубежом, реализовывалась совместно Министерством иностранных дел и по делам Содружества и еще двумя государственными ведомствами. В других ситуациях Министерство финансирует и контролирует работу квази-неправительственных организаций. В частности, Форин-офис предоставляет часть средств для зарубежной деятельности Британского совета, а Министр иностранных дел и по делам Содружества отчитывается перед парламентом за работу этой структуры. С 1938 г. по апрель 2014 г. Министерство также финансировало зарубежное вещание Би-Би-Си (*BBC World Service*), однако в 2014 г. такая практика была прекращена¹⁸⁵.

Британские посольства по всему миру выступают площадками для работы других правительственных структур, используются для пресс-конференций и прочих мероприятий. Дипломаты совместно с представителями других ведомств участвуют в организации зарубежных визитов высокопоставленных лиц, разработке и подписании разного рода соглашений, проведении различных мероприятий и выставок.

Своеобразные взаимоотношения сложились между Министерством иностранных дел и Департаментом международного развития Великобритании (*DFID*) – еще одним министерским департаментом (министерством) в структуре правительства. Начиная с 1960-х г., можно было наблюдать уникальную тенденцию, когда при правительствах лейбористов работа по содействию международному развитию выделялась в отдельное направление и реализовывалась самостоятельным министерством или департаментом, а затем, при правительствах консерваторов вновь передавалась под руководство министра иностранных дел¹⁸⁶. Такая закономерность была прервана с созданием в 1997 г. при правительстве лейбористов Департамента международного развития, который, несмотря на отдельные попытки все же вновь подчинить это направление работы МИДу, продолжает оставаться самостоятельным. Во многом это связано с авторитетом, который удалось завоевать Департаменту международного развития за время своей работы: так, зарубежные эксперты ссылались на его опыт как на «модель для богатых стран» и «лучшее в мире агентство развития»¹⁸⁷. При этом раздаются и критические комментарии. В 2009 г. представитель оппозиционной на тот момент консервативной партии, «теневого» министр по международному развитию Э. Митчелл, заявил о том, что Департамент международного

¹⁸⁴ Foreign and Commonwealth Office. Single departmental plan: 2015 to 2020. 19.02.2016. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/fco-single-departmental-plan-2015-to-2020/single-departmental-plan-2015-to-2020#2>.

¹⁸⁵ BBC Trust. BBC World Service A licence fee funded service. June 2013. Available at: http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/consult/wsol/wsol_positioning.pdf.

¹⁸⁶ Beasant A. FCO and DFID. A case of Siamese twins or sibling rivalry? – London: Royal College Of Defence Studies, 2010.

¹⁸⁷ Barder O. Reforming Development Assistance: Lessons from the UK Experience. – London: The Center for Global Development, 2005. Available at: http://www.cgdev.org/files/4371_file_WP_70.pdf.

развития начал вторгаться на территорию других министерств и находится в опасной близости к тому, чтобы реализовывать собственную внешнюю политику¹⁸⁸.

Продолжающиеся дискуссии отражают разницу в подходах к программам зарубежной помощи, свойственную консерваторам и лейбористам. В то время как тори тяготеют к тому, чтобы соотносить программы содействия развития и национальные интересы, лейбористы склонны разделять эти понятия и позиционировать предоставляемую помощь в качестве вклада Британии в достижение стабильности и борьбу с бедностью в мире, то есть как независимое от текущих задач направление «этичной внешней политики»¹⁸⁹.

Координация работы двух важнейших, с точки зрения, «мягкой силы», министерств остается одним из приоритетов работы при разных правительствах, а распределение сфер ответственности между ними не всегда выглядит логичным со стороны. Так, например, стипендиальная программа Чивнинг, доступная для граждан 160 стран, а также программа стипендий Маршалла для граждан США находятся в ведении МИД, в то время как программа стипендий для стран Содружества относится к структуре Департамента международного развития. Кроме того, МИД также напрямую финансирует Вестминстерский фонд развития демократии (*Westminster Foundation for Democracy*), основанный в 1992 г. и имеющий статус «недепартаментского общественного органа», хотя его работа скорее относится к сфере международного развития. Таким образом, ни один из органов исполнительной власти не имеет монополии при реализации того или иного направления политики «мягкой силы».

Зарубежная деятельность Департамента международного развития опирается на сотрудничество с неправительственными организациями – в первую очередь, с ведущими международными организациями, базирующимися в Великобритании, такими как *Oxfam*¹⁹⁰, Британский Красный Крест¹⁹¹, *Care International*¹⁹², *Save the Children*¹⁹³, британским подразделением «Всемирного фонда дикой природы» (*WWF UK*)¹⁹⁴ и другими. Одна из форм сотрудничества с такими структурами представляет собой заключение долгосрочных партнерских соглашений (*Programme Partnership Arrangements, PPA*). Особенность такой работы заключается в финансировании текущей деятельности организаций, а не конкретных проектов, что дает международным НПО достаточную степень свободы и возможность гибко подходить к планированию и реализации деятельности за рубежом¹⁹⁵.

Еще одна государственная структура, относящаяся к категории «недепартаментские общественные органы» (*non-departmental public bodies*), Независимая комиссия по оценке

¹⁸⁸ Savage M. Tories accuse DFID of trying to usurp powers of Foreign Office. // The Independent, 08 January 2009. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/tories-accuse-dfid-of-trying-to-usurp-powers-of-foreign-office-1232054.html>

¹⁸⁹ См. Gilmore, J. Still a 'Force for Good'? Good International Citizenship in British Foreign and Security Policy. // British Journal of Politics and International Relations. – 2015. – Vol 17. – P. 106–129. doi: 10.1111/1467-856X.12032.

¹⁹⁰ Международная неправительственная организация, основанная в 1942 г. в Оксфорде (Великобритания), сегодня объединяет 20 НПО в разных странах. Цели организации: борьба с бедностью, доступ к базовым социальным благам, таким как продовольствие, чистая питьевая вода, медицинское обеспечение и образование. Также ведет активную работу в области гуманитарной помощи, гендерного равенства, помощи развитию и борьбы с климатическими изменениями.

¹⁹¹ Британская неправительственная организация, участник Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Занимается гуманитарной деятельностью и предоставляет помощь людям в кризисных ситуациях по всему миру.

¹⁹² Крупная международная независимая неправительственная гуманитарная организация предоставления широкого спектра помощи, основанная в 1945 году, и осуществляющая долгосрочные международные проекты в области развития.

¹⁹³ Международная организация, занимающаяся защитой прав детей по всему миру, основана в 1919 г.

¹⁹⁴ Одна из крупнейших независимых международных природоохранных организаций.

¹⁹⁵ См.: UK Government. Guidance. Programme Partnership Arrangements (PPAs) [Electronic resource]. Available at: <https://www.gov.uk/programme-partnership-arrangements-ppas>.

влияния программ помощи (*Independent Commission for Aid Impact, ICAI*) призвана осуществлять контроль над расходованием средств налогоплательщиков и повышать эффективность реализуемой деятельности. Несмотря на то, что финансирование Комиссии осуществляет Департамент международного развития, она подотчетна исключительно Парламенту и представляет свои доклады Комитету по международному развитию Палаты общин¹⁹⁶.

Помимо Министерства иностранных дел и по делам Содружества и Департамента международного развития, другие правительственные министерства или департаменты также играют существенную роль в реализации политики «мягкой силы». Среди них можно перечислить: Министерство культуры, СМИ и спорта (*Department for Culture, Media and Sport*), Министерство бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки (*Department for Business, Innovation & Skills*), также в определенной степени Министерство образования (*Department for Education*) и министерство обороны (*Ministry of Defence*).

Министерство культуры, СМИ и спорта, как следует из его названия, отвечает за ключевые, с точки зрения «мягкой силы», ресурсы и активы страны. В его ведении находятся ведущие национальные музеи и культурные организации, такие как Британский музей и галерея Тейт, а также национальные парки, спортивные организации и СМИ, в том числе, Би-Би-Си. Данное министерство играло центральную роль в организации летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г., а также в запуске первоначально задуманной в качестве дополнения к Олимпиаде программы *GREAT*. Помимо этого Министерство финансирует две организации, также работающие на повышение привлекательности Великобритании и Англии в мире: недепартаментские общественные органы *VisitBritain* и *VisitEngland*. Эти структуры занимаются продвижением соответствующих туристических направлений в стране и за рубежом и, в свою очередь, взаимодействуют с бизнесом, занятым в этой отрасли.

Работа Министерства бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки направлена на поддержку и развитие национальных компаний, в том числе – их зарубежной деятельности. Также данное министерство отвечает за деятельность в сфере науки и инноваций, профессионального и высшего образования – то есть, участвует в сохранении и развитии важнейших ресурсов британской «мягкой силы» (в то время как в ведении Министерства образования находятся детские сады, школы, а также социальное благополучие детей). Позиции британских университетов в мировых рейтингах и репутация национального образования не только вносят вклад в увеличение «мягкой силы» страны, позволяя занимать высокие места в международных рейтингах, но и работают на достижение экономических показателей.

Ключевая роль в работе по продвижению британских компаний за рубежом, созданию условий для развития экспорта национальных товаров и услуг, а также привлечению зарубежных инвестиций принадлежит неминистерскому Департаменту по торговле и инвестициям (*UK Trade and Investment, UKTI*), находящемуся в ведении сразу двух министерств: бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки и МИД.

С одной стороны, необходимость отчитываться перед двумя руководящими ведомствами может усложнять работу данного департамента. Так, на слушаниях в Палате общин в 2013 г. было озвучено предложение преобразовать Департамент по торговле и инвестициям в независимое агентство, подотчетное Парламенту¹⁹⁷. С другой стороны, как и в отношении всех других направлений «мягкой силы» страны, и Министерство бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки, и подотчетный ему Департамент по торговле и

¹⁹⁶ Independent Commission for Aid Impact [Electronic resource]. Available at: <http://icai.independent.gov.uk>.

¹⁹⁷ UK Parliament. Daily Hansard. Thursday 12 September 2013 [Electronic resource]. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm130912/halltext/130912h0001.htm>.

инвестициям регулярно призывают к усилению координации с другими государственными ведомствами. К примеру, в рекомендациях комитета по «мягкой силе» и влиянию Великобритании верхней палаты британского парламента отмечена необходимость большей координации указанных структур с Департаментом международного развития¹⁹⁸, а на упомянутом выше слушании Палаты общин было предложено усилить сотрудничество с Британским советом¹⁹⁹.

По сравнению с Министерством бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки, роль Министерства образования в увеличении «мягкой силы» страны представляется менее значительной. Однако британские школы, также как и университеты, участвуют в создании позитивного образа страны. Обучение в Соединенном Королевстве считается престижным во многих государствах мира, и Великобритания лидирует во многих образовательных рейтингах²⁰⁰. Интересен также и подход к школьному образованию с точки зрения взаимодействия британских граждан с представителями других стран. Так, неоднократно упомянутый здесь Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании Палаты лордов отметил недостаточное внимание, уделяемое изучению иностранных языков, и рекомендовал усилить данное направление в британских школах²⁰¹. При обсуждении влияния, которое оказывают британские «креативные индустрии» за рубежом, данный комитет рекомендовал правительству увеличить внимание обучению дизайну и технологиям в британских школах²⁰².

Роль Министерства обороны в реализации политики «мягкой силы» сложно охарактеризовать однозначно. Основная проблема здесь заключается в возможности сочетания «мягкой» и «жесткой» силы. Политика «умной силы», к которой призывает автор концепции Дж. Най, заключается во взаимодополняющем использовании обеих разновидностей силы. Однако на практике достижение такой идеальной ситуации представляется достаточно проблематичным, а использование «жесткой» силы может также привести к уменьшению силы «мягкой».

В частности, Дж. Най отмечает, что вторжение в Ирак и утверждения о наличии там оружия массового уничтожения, которые впоследствии не подтвердились, нанесли существенный урон американской «мягкой силе»²⁰³. Профессор Университета Аберистута (Уэльс) Гэри Ронсли полагает, что такое утверждение верно и для Великобритании, участие которой в военной кампании в Ираке нанесло огромный ущерб репутации страны²⁰⁴. Профессор Лондонской школы экономики Мэри Калдор критикует доклад Палаты лордов о «мягкой силе» и считает, что в нем проигнорированы последствия военных операций Великобритании в США и Афганистане. Она уверена, что упоминания о влиянии на репутацию страны недостаточно и важно разобраться с прошлым и проанализировать роль

¹⁹⁸ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.I., Stationery Office, 2014. P. 74.

¹⁹⁹ House of Commons. Daily Hansard. 12.09.2013. [Electronic resource]. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201314/cmhansrd/cm130912/halltext/130912h0001.htm>

²⁰⁰ Так, например, в рейтинге лучших университетов мира QS на 2015/2016 гг, в первой десятке университетов присутствует 4 британских учебных заведения. См.: QS World University Rankings. 2015/16 [Electronic resource]. Available at: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015>.

²⁰¹ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.I., Stationery Office, 2014. – P. 106.

²⁰² Ibid. – P. 118.

²⁰³ Nye J. When Hard Power Undermines Soft Power. // New Perspectives Quarterly. – 2004. – Vol. 21. – No 3. – P. 13-15.

²⁰⁴ House of Lords. Soft Power And The Uk's Influence Committee. Oral and written evidence – Vol. 2. Stationery Office, 2014. – P. 780.

Соединенного Королевства в произошедших трагедиях, прежде чем искать пути решения проблем²⁰⁵.

Вместе с тем, стратегические документы британского Министерства обороны свидетельствуют о стремлении усилить невоенные механизмы влияния и максимально использовать возможности, связанные с созданием партнерств, продвижением британских идей и ценностей. В так называемую *Green Paper* – один из ключевых докладов 2010 г., подготовленный Министерством обороны для «Стратегического обзора по безопасности», – был даже включен особый раздел, посвященный проблеме влияния страны за рубежом, в котором использовался термин «мягкая сила» и был сделан акцент на важности именно невоенных методов обеспечения национальной безопасности²⁰⁶.

В 2013 г. министерство подготовило документ о международном сотрудничестве в области обороны, в котором подчеркивалась важность использования существующих ресурсов для достижения влияния существенно превосходящего возможности использования собственно «жесткой силы»²⁰⁷. Большое значение также придается сотрудничеству с Министерством иностранных дел и по делам содружества и с Департаментом международного развития. В частности, упомянутая выше программа *Conflict Pool* реализуется совместно с указанными министерствами²⁰⁸.

Как отмечено выше, «мягкой силе» уделено большое внимание и в опубликованной в 2015 г. Национальной стратегии безопасности и Стратегическом обзоре обороны и безопасности (*National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review*)²⁰⁹.

На слушаниях Палаты лордов эксперты отметили, что Министерство обороны может играть ключевую роль в продвижении «мягкой силы» за рубежом, а также тот факт, что международные программы военных учений – это относительно недорогой метод влияния на ключевых акторов, принимающих решения в развивающихся странах²¹⁰.

Наконец, еще два министерских департамента, которые следует перечислить при описании существующей политики «мягкой силы» – это Казначейство (*HM Treasury*) и Секретариат Кабинета министров (*Cabinet Office*). Первый отвечает за финансовую политику и оказывает существенное влияние на реализацию инициатив в области «мягкой силы». Так, например, Казначейство сыграло важную роль при принятии решения о продлении программы *GREAT* и утвердило финансирование данной программы на 2013-2014 гг., а также 50%-ное увеличение финансирования на 2015-2016 гг., основываясь на проведенном анализе экономической целесообразности реализуемой деятельности²¹¹. В свою очередь,

²⁰⁵ Kaldor M. Missing the Point on Hard and Soft Power? // *The Political Quarterly*, 2014. – V. 85. – No 3. – P. 372-377.

²⁰⁶ Ministry of Defense. Adaptability and partnership: issues for the strategic defense review. London, 2010. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf.

²⁰⁷ Ministry of Defence. International Defence Engagement Strategy. London, 2013. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/73171/defence_engagement_strategy.pdf.

²⁰⁸ См. подр.: Харитонов Е.М. Политика Великобритании по регулированию и предотвращению межэтнических конфликтов в третьих странах: инструменты и механизмы. // *Человек. Сообщество. Управление*. – 2015. – Т. 16. – №2. – С. 56-69. Available at: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2015_2/2015_2_Kharitonova.pdf.

²⁰⁹ HM Government. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review. 2015. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf.

²¹⁰ Humanitarian Intervention Centre (HIC) – House of Lords. Soft Power And The UK's Influence Committee. Oral and written evidence – Vol. 2. Stationery Office, 2014. – P. 631.

²¹¹ House of Lords. Soft Power And The UK's Influence Committee. Oral and written evidence – Vol. 1. Stationery Office, 2014. – P. 606.

Секретариат Кабинета министров участвует в реализации и координации некоторых программ политики «мягкой силы». В частности, руководство программой *GREAT* осуществляется именно в рамках данного ведомства.

Как можно увидеть, министерские департаменты отвечают за ряд функций, связанных с реализацией национальной политики «мягкой силы», включая ее планирование, реализацию и мониторинг, а также сотрудничество с негосударственными организациями и межведомственную координацию. Одновременно с этим в рамках системы сдержек и противовесов Парламент Великобритании также оказывает значительное влияние на осуществление такой политики. При этом исторически сложившиеся особенности верхней и нижней палат парламента оказывают влияние на специфику их работы.

Нижняя палата парламента, Палата общин, формируется по результатам выборов на основании мажоритарной системы относительного большинства по одномандатным избирательным округам. Она обсуждает и принимает законодательные акты, а также контролирует деятельность правительства. Палата общин включает в себя различные комитеты, в том числе, комитеты по контролю над деятельностью правительства (*departmental select committees*). Данным комитетам принадлежит значительная роль с точки зрения реализации политики «мягкой силы» страны: они рассматривают вопросы, касающиеся сферы деятельности соответствующих министерских департаментов и взаимодействуют с ними. Так, парламентский Комитет по международному развитию рассматривает в рамках слушаний вопросы, связанные с работой соответствующего правительственного департамента. Комитет, ответственный за внешнюю политику, изучает деятельность Министерства иностранных дел и по делам Содружества, а также связанных с ним организаций, в том числе, Британского совета. Комитет по Культуре, СМИ и спорту осуществляет мониторинг политики, организационных и финансовых вопросов относящихся к деятельности Министерства культуры, СМИ и спорта и подотчетных ему структур, включая Би-Би-Си. Представители партий, получившие места в парламенте по результатам выборов, стремятся оказать влияние на вопросы, связанные с реализацией «мягкой силы» страны.

С точки зрения реализации текущей деятельности правительства, роль Палаты лордов является менее значимой. Тем не менее, учитывая то, что политика «мягкой силы» рассчитана на длительный период времени и ее результаты могут проявиться уже после окончания полномочий текущего правительства, подход верхней палаты британского парламента, в меньшей степени ограниченной сроками полномочий и партийной принадлежностью, представляется весьма интересным. На своих слушаниях, в том числе в рамках специальных комитетов, представители Палаты лордов имеют возможность учитывать долгосрочные тенденции и рассматривать «мягкую силу» страны в более широком контексте. Постоянные комитеты Палаты лордов концентрируются на крупных тематических блоках, в том числе, взаимоотношениях с Европейским Союзом, науке, а также коммуникациях. Кроме того, для рассмотрения определенных вопросов создаются временные комитеты. Среди них важнейшую роль с точки зрения изучаемой сферы, играл вышеупомянутый Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании.

Наконец, отдельно следует упомянуть работу законодательных и исполнительных органов власти британских регионов (*countries*, стран в британской политической терминологии): Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. Можно заметить, что часть вопросов, связанных с политикой «мягкой силы» рассматривается ими отдельно. Так, например, если продвижение Великобритании и Англии в качестве туристических направлений находится в ведении Министерства культуры, СМИ и спорта и подотчетных ему структур *VisitBritain* и *VisitEngland*, то аналогичные туристические организации *VisitScotland* и *VisitWales* подчиняются соответственно, правительствам Шотландии и Уэльса.

Изучая роль «мягкой силы» во внешней политике Великобритании и существующие механизмы и инструменты реализации такой политики, невозможно обойти стороной огромное значение института британской монархии. Данный институт оказывает большое влияние на восприятие Соединенного Королевства в мире: как символическое, связанное с концепцией короны, охранением традиций и существенными особенностями британской политической системы, британскими идеями и ценностями, так и практическое – в качестве одного из элементов распространения «мягкой силы». Британский монарх является формальным главой государств Содружества наций, что положительно влияет на взаимоотношения с этими странами. Существование монархии воспринимается в мире в качестве отличительной и узнаваемой черты Великобритании, привлекает в страну туристов, вызывает значительный интерес со стороны СМИ. Деятельность отдельных членов британской королевской семьи также работает на увеличение «мягкой силы» и влияния страны. Так, за время своего правления королева Елизавета посетила с официальными визитами 116 стран²¹². Если в 1990-х гг. трагическая история принцессы Дианы сыграла неоднозначную роль с точки зрения восприятия британской монархии, даже несмотря на активное участие принцессы в благотворительной деятельности, то к 2010-м гг. имидж королевской семьи значительно улучшился. Свадьба принца Уильяма в 2011 г., празднование юбилея правления королевы в 2012 г., рождение в семье герцога и герцогини Кембриджских двоих детей привлекли огромное внимание в мире. По некоторым оценкам, 12% посещений новостных сайтов в мире в июле 2013 г. были связаны с рождением принца Джорджа, а свадьба его родителей в 2011 г. принесла британской экономике дополнительные 2 млрд. ф.ст.²¹³

По информации Министерства иностранных дел и по делам Содружества, только юбилей правления королевы Елизаветы был освещен мировыми СМИ с общей аудиторией более 1 млрд. человек и привлек в страну около 50 тыс. гостей²¹⁴. Празднование 90-летнего юбилея Елизаветы II в 2016 г. также привлекло значительное внимание. Члены королевской семьи активно участвуют в благотворительных программах и крупных общественных мероприятиях, посещают с визитами зарубежные страны, участвуют в инициативах правительства, направленных на увеличение «мягкой силы» и влияния страны. На открытии летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. королева Елизавета II не только выступила в своей официальной роли, но и приняла участие в уникальной постановке, изображающей ее прыжок с парашютом вместе с исполнителем роли Джеймса Бонда актером Дэниэлом Крэйгом²¹⁵.

Члены королевской семьи также традиционно возглавляют благотворительную организацию *English Speaking Union*. Основанная еще в 1918 г., организация занимается масштабной деятельностью в сфере образования и культуры более чем в 50 странах и играет важную роль в продвижении английского языка. Ее годовой бюджет составляет более 3,5 млн. ф.ст. В 2013 г. принцесса Анна сменила на посту президента этой организации своего отца, принца Филиппа, герцога Эдинбургского. Патроном *English Speaking Union* является британский монарх²¹⁶.

²¹² House of Lords. Soft Power And The Uk's Influence Committee. Oral and written evidence – Vol. 1. Stationery Office, 2014. – P. 450

²¹³ Stewart A. Monarchy and Soft Power: The triumph of Britain without empire? // Darrow. 01.05.2014. Available at: <http://darrow.org.uk/2014/05/01/monarchy-and-soft-power-the-triumph-of-britain-without-empire>.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ London 2012: Queen delighted with James Bond role in opening ceremony. // The Telegraph. 28.07.2012. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/sport/olympics/london-2012/9434663/London-2012-Queen-delighted-with-James-Bond-role-in-opening-ceremony.html>

²¹⁶ English Speaking Union. Annual Review 2016. Available at: http://www.esu.org/_data/assets/pdf_file/0023/14549/ESU_Annual_Report_2016_on_website.pdf.

В 2013 г. представительницы королевского дома принцессы Беатриса и Евгения Йоркские приняли участие в туре по Германии, направленном на укрепление торговых и экономических связей и продвижение британской индустрии, культуры, технологий и инноваций в рамках программы *GREAT*²¹⁷.

Также реализация государственной политики «мягкой силы» Великобритании определяется участием в международных организациях – в первую очередь, в Организации Объединенных Наций (ООН), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – и военно-политическом Североатлантическом Альянсе (НАТО). По данным комитета Палаты лордов, Соединенное Королевство состоит в 80 международных организациях²¹⁸. Британская королева формально возглавляет Содружество наций, страна принимает участие во встречах «Большой двадцатки» и «Большой семерки», ведет активную деятельность в рамках различных агентств системы ООН, таких как Программа развития ООН (*UNDP*), ЮНЕСКО (*UNESCO*), ЮНИСЕФ (*UNICEF*), а также Всемирного банка (*World bank*), Международного валютного фонда (*International Monetary Fund, IMF*) и др.

В рамках каждой из структур Британия, с одной стороны, получает дополнительные инструменты и возможности для расширения своего влияния в мире, продвижения собственных ценностей и идей, позиционирования в качестве ответственного участника международного сообщества. С другой стороны, международные структуры, в свою очередь, также оказывают влияние на политику страны. Так, например, на вооружение британской внешней политики была взята инициатива «ответственность по защите», выдвинутая ООН в 2000-е годы. Страна первой среди государств «Группы семи» достигла заданного ООН показателя, предусматривающего направление 0,7% валового национального дохода на международную помощь развитию.

Как и другие элементы сформировавшейся к началу XXI в. политики «мягкой силы» Великобритании, формы ее работы в международных организациях также складывались на протяжении XX века. Как отмечают британские эксперты, страна не только принимала участие в работе таких организаций, но и играла активную роль в их создании и, в более широком смысле – в формировании существующей сегодня системы международных отношений и мирового порядка. Возникшие в результате исторических событий условия, несомненно, весьма благоприятны для страны: Великобритания является постоянным членом Совета безопасности ООН, английский язык используется в качестве рабочего языка международных организаций, а британские нормы и правила, например, в области торговли и финансовой отчетности, легли в основу ряда международных стандартов. Это дает огромные возможности с точки зрения распространения «мягкой силы» государства.

Однако при этом представители британского истеблишмента осознают и стоящие сегодня перед страной вызовы. Трансформация существующей системы мирового порядка, усиление полицентризма в международно-политической системе, рост новых «центров силы» требуют от Великобритании активизации работы на новых направлениях. Например, комитет Палаты лордов пришел к заключению, что Британия должна более активно и гибко взаимодействовать с «сетевыми структурами будущего», такими как АСЕАН, Африканский союз, Арабская лига, различными субрегиональными интеграционными группировками в Латинской Америке²¹⁹.

²¹⁷ Rayner G. Princesses Beatrice and Eugenie to work as UK trade ambassadors. // The Telegraph, 14.06.2013. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/theroyalfamily/9801364/Princesses-Beatrice-and-Eugenie-to-work-as-UK-trade-ambassadors.html>

²¹⁸ Цит. по: Кулькова, О.С. Участие Великобритании в урегулировании африканских конфликтов: эволюция подходов. Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике. // Мировое развитие. – 2013. – № 10. – М.: ИМЭМО РАН. – С. 35-45.

²¹⁹ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. – P. 81.

Взаимоотношения Великобритании и Европейского Союза – это большая отдельная тема, которой посвящено множество исследований. Можно по-разному оценивать роль членства в Евросоюзе для «мягкой силы» Великобритании. Так, в области образования и науки, членство в ЕС способствовало расширению взаимодействия и контактов между Великобританией и другими членами ЕС. В то же время, существовал и ряд трудностей и разногласий. Однако в целом британские политические элиты позитивно оценивали роль ЕС для «мягкой силы» страны. Так, в отчете комитета Палаты лордов приводится мнение о том, что членство в ЕС существенно увеличило британскую «мягкую силу», как в границах ЕС, так и за его пределами. ЕС назван одним из самых важных, если не наиболее важным объединением для британской «мягкой силы»²²⁰.

После референдума о выходе из ЕС, проведенного в июне 2016 г. ситуация изменилась. Еще до проведения референдума растущий евроскептицизм британцев и перспектива выхода из ЕС оценивались экспертами как величайший риск для «мягкой силы» Великобритании²²¹. После объявления неожиданных для многих результатов волеизъявления граждан Соединенного Королевства степень неопределенности существенно возросла и пока неясно, как именно будут решаться практические вопросы, например, связанные с иммиграцией, научным и образовательным сотрудничеством и так далее. Однако уже сейчас очевидно, что решение о выходе из Европейского Союза может в чем-то ограничить возможности и влияние Великобритании.

Национальные элиты также осознают, что влияние страны в рамках международных организаций напрямую связано с эффективностью работы и репутацией самих этих организаций. В частности, это касается таких структур как ООН и НАТО. Однако, безусловно, работа в рамках международных организаций представляется одним из важнейших инструментов «мягкой силы» Великобритании и частью стратегии, направленной на формирование благоприятной для страны среды международных отношений.

Целевые аудитории британской «мягкой силы»

Политика «мягкой силы» Великобритании направлена на определенные целевые аудитории. Их можно анализировать по двум основным признакам: во-первых, с точки зрения географической принадлежности, во-вторых – по тому, к какой группе населения относятся целевые аудитории, например, элиты, представители средств массовой информации и т.п.

Географические приоритеты для распространения «мягкой силы» пересматриваются в соответствии с задачами внешней политики страны. В рамках настоящей работы не ставится задача подробно рассмотреть каждое из направлений внешней политики Великобритании с точки зрения использования «мягкой силы»: такой анализ, скорее, должен проводиться в рамках исследования двусторонних отношений. Так, существуют интересные работы российских и зарубежных авторов, рассматривающие историю и современное состояние британской политики в отношении Содружества наций, отношений Великобритании и США, участия Соединенного Королевства в процессе европейской интеграции, политики Великобритании в отношении Африки, британо-российских отношений и по другим

²²⁰ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. – P. 81. – P. 85-86.

²²¹ House of Lords. Soft Power and The UK's Influence Committee. Oral and written evidence – V. 2. Stationery Office, 2014. – P. 736.

ключевым темам²²². Во многих из этих работ рассматривается использование «мягкой силы». В рамках данной работы предлагается рассмотреть основные географические направления, которые британские ведомства, задействованные в реализации политики «мягкой силы» упоминают в качестве целевых, и выявить подходы к реализации такой политики на различных направлениях.

Работа Британского совета до 2005 г. распределялась на три крупных направления: зарубежные подразделения А, В и С. Границы этих подразделений со временем изменялись, но в целом они включали в себя:

А: первоначально государства Содружества наций, затем также Африку и Ближний Восток.

В: Северную и Южную Америку и Азиатско-Тихоокеанский регион (за исключением государств из категории А).

С: Европу.

В 2005 г. вместо зарубежных подразделений Британский совет начал ориентироваться на 13 регионов: 1) Западная Европа, США и Канада; 2) Северная и Центральная Европа; 3) Восточная Азия; 4) Россия; 5) Латинская Америка; 6) Юго-Восточная Европа; 7) Китай и Гонконг; 8) Индия и Шри-Ланка; 9) Юг Африки; 10) Восточная и Западная Африка; 11) Ближний Восток; 12) Северная Африка²²³; 13) Центральная и Южная Азия²²⁴.

Причем, как можно увидеть, к концу 2010-х гг. финансирование программ в Азиатско-Тихоокеанском регионе значительно увеличилось, в то время как на европейском и североамериканском направлениях уменьшалось (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Финансирование программ Британского совета по регионам, млн. ф.ст.

Регионы	2000-2001	2006-2007	2008-2009	Изменение
Западная Европа, США и Канада	14,7	13,4	11,4	– 3,3
Северная и Центральная Европа	10,8	10,5	8,5	– 2,3
Восточная Азия	13,7	11,9	12,2	– 1,5
Россия	3,7	5,2	2,3	– 1,4
Латинская Америка	8,5	8,2	8,5	0
Юго-Восточная Европа	9,5	14	12,4	2,9
Китай и Гонконг	6,1	5,6	9,0	2,9
Индия и Шри-Ланка	4,0	5,8	7,4	3,4
Юг Африки	4,7	6,3	8,1	3,4

²²² См., напр.: Андреева Т.Н. Европейская политика кабинета Д. Кэмерона - Н. Клегга (май 2010 – июль 2013 гг.). Отв. ред.: Н.К. Арбатова, К.П. Зуева. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 190 с.; Кулькова О. С. Политика Великобритании в странах Африки при лейбористском правительстве Т. Блэра (1997 – 2007 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Учреждение Российской академии наук Институт Африки РАН, 2011.; Толстухина А.Ю. Современная внешняя политика Великобритании в отношении содружества наций (цели, задачи, основные направления). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2015. – 207 с. и др.

²²³ При этом Сирия и Палестинские территории относились к тому же региону, что и страны Северной Африки. В оригинале на английском языке регионы обозначены как «Ближний Восток и Северная Африка» (*Near East and North Africa*) и «Средний Восток» (*Middle East*). При этом традиционно в русском языке английскому словосочетанию *Middle East* соответствует «Ближний Восток». Чтобы избежать путаницы, автор приводит не буквальный перевод названий этих конкретных регионов.

²²⁴ British Council. Appraisal Report. November 2016. National archives. Available at: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/british-council-appraisal-report-november-2016.pdf>.

Восточная и Западная Африка	7,2	10,8	11,9	4,7
Ближний Восток	3,2	7,1	10,0	6,8
Северная Африка	4,5	7,0	11,9	7,4
Центральная и Южная Азия	2,7	5,5	10,5	7,8
Итого	93,3	111,3	124,1	30,8

Источник: House of Commons Public Accounts Committee. British Council: Achieving Impact Fifty-sixth Report of Session 2007–08. – P.10.

В 2010 г. количество регионов сократилось до семи, а их структура была пересмотрена в соответствии с основными направлениями деятельности. Эти семь регионов: 1) Северная и Южная Америка; 2) Восточная Азия; 3) Европейский Союз; 4) Ближний Восток и Северная Африка; 5) Южная Азия; 6) Африка к югу от Сахары 7) «большая» Европа (в т.ч. страны Восточной Европы и СНГ, Израиль и Турция)²²⁵.

При этом с точки зрения «мягкой силы» целевые регионы рассматриваются Британским советом по-разному. Так, в отчете за 2009-2010 гг. организация разделяет свои программы в разных странах по принадлежности к одной из пяти (или шести, если считать саму Великобританию) категорий: 1) жизненно-важное сотрудничество (*lifeline countries*), например, Бирма и Зимбабве – то есть страны, где организация позиционирует свою работу как линию связи с остальным миром, реализуя образовательные, культурные и социальные программы; 2) построение доверия (*building trust*) – например, Пакистан и Ближний Восток, где основной упор делается на английский язык, образование, обучение профессиональным навыкам и преодоление стереотипов; 3) быстроразвивающиеся экономики (*emerging economies*), в том числе Индия и Китай, где работа направлена на расширение сотрудничества и построение партнерств в образовательной, культурной и бизнес-сфере и расширение доступа к британскому образованию и культуре; 4) развивающиеся страны, например, Нигерия, где работа направлена на развитие образования и социальной сферы и повышение благосостояния, и, наконец, 5) развитые страны с существующими обширными связями с Великобританией, например, США и Франция, где работа направлена на создание партнерств, обменные программы, решение общих проблем и укрепление отношений²²⁶.

Географические приоритеты в области международного развития также пересматривались в соответствии с основными тенденциями: внешнеполитической стратегией страны; уровнем экономического и социального развития стран и регионов; соображениями, связанными с безопасностью. Так, при обзоре британской помощи развитию в 2006 г. соответствующий комитет Организации экономического сотрудничества и развития отметил, что в 2003-2004 гг. две трети из 20 крупнейших получателей составляли страны Содружества наций²²⁷. Крупнейшим получателем двусторонней помощи от Великобритании в 1990-х и начале 2000-х гг. была Индия²²⁸, также в первую десятку получателей средств по таким программам традиционно входил ряд стран Африки (Нигерия, Эфиопия и другие) и Бангладеш. То есть помощь направлялась в первую очередь в бывшие британские колонии и страны Содружества.

²²⁵ Официальный сайт Британского совета. Our organization [Electronic resource]. Available at: <https://www.britishcouncil.org/organisation>.

²²⁶ British Council Annual Report 2009/2010. – P. 12. Available at: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/2009-10_annual_report_2.pdf.

²²⁷ DAC Peer Review of the United Kingdom. OECD Journal on Development. OECD, 2008. – Vol. 7. – N3. – P. 25. Available at: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/development/dac-peer-review-of-the-united-kingdom_journal_dev-v7-art37-en#.WMJWpvnyjIU#page25.

²²⁸ Ibid – P. 92.

Однако в 2000-е и 2010-е гг. географические приоритеты зарубежной помощи на цели развития пересматривались в соответствии с внешнеполитической повесткой дня. Участие Великобритании в военных кампаниях, в первую очередь, в Ираке и Афганистане, повлекло за собой увеличение финансирования, выделяемого этим странам в рамках программ содействия развитию²²⁹.

В 2010-е гг. географические приоритеты зарубежной помощи были существенно обновлены. Во-первых, в связи с достижением определенного достаточно высокого уровня социально-экономического развития стран – традиционных реципиентов помощи, было объявлено о сокращении или полном прекращении программ в Индии и Южной Африке, также планировалось сократить или закрыть программы еще в 18 странах (в том числе, в Китае, Вьетнаме, Анголе, Нигере, России, Сербии и др.), и сосредоточиться на борьбе с бедностью и на помощи 27 приоритетным в этом отношении странам²³⁰.

Помимо этого, на протяжении 2000-х и в 2010-е гг. британская помощь развитию все больше связывалась с вопросами национальной и международной безопасности и обеспечения региональной и глобальной стабильности, в связи с чем приоритетным направлением стала помощь «неустойчивым государствам и странам в состоянии конфликта». В плане работы Департамента международного развития на период с 2015 по 2020 гг. говорится о том, что ведомство будет направлять не менее 50% средств именно в такие государства, среди которых отдельно упомянута Сирия²³¹.

Таким образом, страны, на которые направлена «мягкая сила» Великобритании, можно охарактеризовать по нескольким критериям:

1. Культурная, политическая и идеологическая близость к Великобритании.

Традиционно близкие Великобритании страны выступают не только целевыми аудиториями для британской «мягкой силы», но и рассматриваются как партнеры в распространении «мягкой силы» западных стран за рубежом. Это США, Канада, страны Западной Европы, Австралия. По очевидным причинам на такие страны не распространяются программы международного развития, а англоязычные государства не могут быть целевыми для программ обучения английскому. Что касается сотрудничества в области образования, культуры, английского языка (для неанглоязычных стран) и других направлений, то здесь большую роль играют уже существующие прочные связи между гражданами и различными сообществами государств, прежде всего в рамках региональных интеграционных объединений: партнерские программы между университетами, совместные бизнес-проекты, производство кинопродукции и т.п. Выход Великобритании из Европейского Союза, безусловно, частично повлияет на ситуацию в этой сфере, но исторические, культурные и деловые связи в целом продолжат функционировать в прежнем режиме.

В то же время на другом конце спектра по этому показателю расположены страны-реципиенты, где Великобритания (самостоятельно или совместно с партнерами) стремится повысить привлекательность западного образа жизни, распространить демократию и внедрить соответствующие институты, преодолеть негативное отношение и стереотипы, воспринимаемые в качестве угроз национальной безопасности.

2. Экономическое и социальное развитие.

²²⁹ См. подр. далее, в Главе 3.

²³⁰ When aid relationships change: DFID's approach to managing exit and transition in its development partnerships Approach Paper May 2016. ICAI: 2016. – P. 6.

²³¹ См. UK Government. Single departmental plan: 2015 to 2020. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/dfid-single-departmental-plan-2015-to-2020/single-departmental-plan-2015-to-2020>.

С точки зрения уровня экономического и социального развития основные целевые аудитории – это быстроразвивающиеся и развитые страны, из которых в Великобританию приезжают студенты и туристы, где существуют новые возможности для британского бизнеса. Так, первые места в списке стран, откуда в Великобританию приезжают иностранные студенты, занимают Китай (более 90 тыс. студентов в 2015-2016 гг.), Малайзия и США (более 17 тыс. студентов из каждой страны), Индия, Гонконг и Нигерия (более 16 тыс. студентов из каждой), а также Германия, Франция и Италия.

На другом конце спектра находятся беднейшие страны, которые являются реципиентами британской помощи. Однако во многих стратегических документах отмечается, что помощь беднейшим странам – это инвестиции в будущее и что, достигнув более высокого уровня социально-экономического развития, такие государства будут взаимодействовать с Великобританией и способствовать повышению ее благосостояния.

3. Безопасность и стабильность.

Этому критерию в последнее время уделяется все больше внимания. Так, план работы Британского совета на 2016-2020 гг. включает в себя подраздел «безопасность и стабильность», а целью работы (в первую очередь, на Ближнем Востоке и в ряде стран Африки, а также в Индии, Пакистане, в Прибалтике и на Украине) названы противодействие источникам экстремизма и нетерпимости, а также причинам миграции с помощью программ в области прав человека, образования и культуры, профессиональной ориентации и занятости. Программы Департамента международного развития, как было отмечено выше, все больше фокусируются на помощи нестабильным государствам и странам в состоянии конфликта.

4. Наконец, еще одним значимым критерием является *приоритетность определенного географического направления для внешней политики Великобритании в целом*. Так, в разделе Бизнес-плана до 2015 г. Министерства иностранных дел и по делам Содружества, посвященном «мягкой силе», в качестве целевых регионов перечислялись страны Персидского залива, Северной Африки и Ближнего Востока. Отдельно отмечалась необходимость разработки стратегии «мягкой силы» для Афганистана и Пакистана²³². В плане работы Министерства до 2020 г. среди приоритетов для использования «мягкой силы» названы укрепление связей со странами Содружества наций, развитие «особых отношений» с Соединенными Штатами (как двусторонних, так и в рамках трансатлантического партнерства), поддержка Украины в геополитическом противостоянии с Россией, урегулирование ситуации в Афганистане, Шри-Ланке, Бирме и других странах и регионах, разработка комплексной стратегии по взаимодействию с африканскими странами²³³.

В парламентском отчете, посвященном отношениям Великобритании и России, опубликованном в 2017 г. говорится о необходимости выработки последовательного и стратегического подхода в отношениях с Россией с опорой на «мягкую силу»²³⁴.

Таким образом, деятельность, направленная на увеличение «мягкой силы» Великобритании варьируется, в зависимости от того, на какие аудитории она направлена, причем по мере развития экономики и изменения внешнеполитической ситуации в регионах мира, британские политические элиты пересматривают стратегию работы. Также можно

²³² Foreign and Commonwealth Office. Business Plan 2011-2015. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32855/FCO-Business-Plan1.pdf.

²³³ Foreign and Commonwealth Office. Single departmental plan: 2015 to 2020. 19.02.2016. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/fco-single-departmental-plan-2015-to-2020/single-departmental-plan-2015-to-2020#2>.

²³⁴ House of Commons Foreign Affairs Committee. The United Kingdom's relations with Russia Seventh Report of Session 2016–17. Available at: <https://www.publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaff/120/120.pdf>.

отметить стремление сконцентрировать усилия на наиболее важных географических направлениях.

Помимо политико-географического подхода, целевые аудитории британской «мягкой силы» можно охарактеризовать с точки зрения принадлежности к определенной группе населения. Один из подходов излагается в классификации целевых аудиторий Британского совета. В отчете Национального офиса аудита 2008 г. перечисляются следующие категории, на которые направлена работа Британского совета:

T1 – высокопоставленные лица, принимающие решения и лидеры: люди, занимающие ключевые посты и обладающие влиянием, включая министров правительства, важные медиа-фигуры и комментаторов, ведущих спортивных и культурных деятелей, национальных религиозных лидеров и послов зарубежных стран в Великобритании.

T2 – важнейшие агенты влияния (*key influencers*): действующие или потенциальные лидеры организаций, групп и сетей, разрабатывающие и реализующие определенную политику или имеющие значительное влияние на жизнь и мнение других людей. Они также могут быть проводниками, которые могут обеспечить доступ к контактам из группы T1.

T3 – люди, обладающие потенциалом – гораздо более многочисленная группа. Они обычно относятся к более молодой возрастной группе (до 35 лет), и характеризуются скорее принадлежностью к категории, чем занимаемыми ключевыми постами. Эта группа включает изучающих английский язык, а также тех, кто планирует обучение за рубежом.

Также упоминается четвертая категория, которая присутствовала в более ранних версиях классификации – T4, включающая массовые аудитории (*general public*).

Как отмечается в отчете, исторически Британский совет уделял приоритетное внимание аудиториям T1 и T2 и рассматривал персональные контакты с лицами, относящимися к одной из этих категорий, в качестве важнейшего условия успеха. В качестве примера приводится успех проекта *Climate Cool China*, который был реализован с участием высокопоставленных представителей министерства науки и технологий Китая. Однако со временем Британский совет стал обращать все больше внимания на потенциал аудитории T3: как в связи с размером, так и с перспективой перехода представителей сегмента T3 в группы T2 или T1. То есть работа с молодыми и перспективными гражданами стран становится более важной, и отделения Британского совета в странах мира провели дальнейшую сегментацию группы T3, с целью определения характеристик каждой из групп и наилучших путей взаимодействия с ними.

В качестве примера такой сегментации можно привести материалы Британского совета в Индии, который выделяет шесть основных категорий внутри группы T3, ранжирует их по возрасту, уровню владения английским языком, чувствительности к цене услуг, уровню «интернационализма» и амбициозности. В соответствии с этими характеристиками организация рассматривает группы, представители которых смогут в будущем стать лидерами и влиять на мнение своих сверстников, как более приоритетные для взаимодействия²³⁵.

В отчете Британского совета за 2009-2010 гг. аудитории названы, соответственно, 1) лидерами (*leaders*), 2) оказывающими влияние (*influencers*) и 3) обладающими потенциалом (*aspirants*)²³⁶.

Можно увидеть, что с течением времени стратегия организации перестраивается и все больший приоритет уделяется массовым аудиториям. Так, в отчете за 2015/2016 гг. лица,

²³⁵ National Audit Office. The British Council Achieving Impact. – London: Stationary Office, 2008. – P. 10-11. Available at: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2008/06/0708625.pdf>.

²³⁶ British Council Annual Report 2009/2010. – P. 12. Available at: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/2009-10_annual_report_2.pdf.

принимающие решения или оказывающие влияние на других, не выделяются в отдельные категории. Зато несколько страниц занимают цифры, демонстрирующие широкий охват аудитории за рубежом: количество посетителей онлайн-ресурсов организации, слушателей курсов английского языка, гостей выставок и фестивалей и так далее. План работы организации на 2016-2020 гг. также в первую очередь нацелен на расширение аудитории, вовлечение перспективных молодых людей в разных странах мира в программы по направлениям работы организации. В качестве одной из целей поставлено расширение аудитории вдвое – с 50 до 100 млн. человек.

Таким образом, при рассмотрении географических приоритетов распространения «мягкой силы» можно наблюдать тенденцию к концентрации ресурсов на приоритетных с экономической или политической точки зрения направлениях. В то же время, если рассматривать ключевые для распространения «мягкой силы» группы населения, можно увидеть, что британские организации стремятся охватить все большее количество людей, обладающих с их точки зрения определенным потенциалом. Развитие современных средств коммуникации способствует такому подходу. Если в прошлом для того, чтобы донести информацию до миллионов людей, необходимо было действовать через лидеров или «мультипликаторов» (например, представителей влиятельных СМИ), то в современном мире появляется все больше возможностей организовать взаимодействие напрямую, с помощью веб-проектов, коммуникации с применением видео- и аудиоматериалов, широкого использования социальных сетей. Очевидно, что в будущем эта тенденция продолжится.

Инициатива *Cool Britannia* и программа *GREAT Britain*

Как было отмечено выше, важной особенностью британской политики «мягкой силы» является стремление наладить координацию и взаимодействие между различными ведомствами и институтами. Оно проявляется в разных формах: от создания разного рода межведомственных комиссий, комитетов и рабочих групп и до масштабных программ в этой сфере.

Комплексная программа *GREAT Britain* – это один из наиболее показательных примеров таких программ. Она стала очередной попыткой объединить усилия различных государственных и негосударственных акторов для того, чтобы повысить эффективность их работы и снизить издержки, избежать дублирования функций и разнонаправленных, противоречащих друг другу действий и высказываний.

Программа *GREAT Britain* (или *GREAT*) была запущена в преддверии летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 году. После того, как в 2005 г. заявка города на проведение Олимпийских игр была одобрена Международным олимпийским комитетом, началась подготовка к спортивному мероприятию, за которую отвечали специально созданный Лондонский организационный комитет Олимпийских игр (*London Organising Committee of the Olympic and Paralympic Games, LOCOG*) и Комитет по подготовке к проведению Олимпиады (*Olympic Delivery Authority, ODA*). При этом правительственной структурой, в ведении которой была межведомственная координация и контроль над расходованием бюджетных средств, стал специально созданный Олимпийский исполнительный комитет Министерства культуры, СМИ и спорта. Комитет также должен был рассматривать Олимпийские игры в более широком контексте с тем, чтобы они послужили дальнейшему процветанию британской столицы и Соединенного Королевства.

Заявка на проведение Олимпиады в 2005 г. и значительная часть подготовительных работ осуществлялись при правительствах лейбористов. В начале 2011 г., уже после прихода к власти коалиционного правительства Д. Кэмерона – Н. Клегга, в правительственных структурах было запущено обсуждение нового бренда, призванного увеличить

экономический эффект от проведения игр и использовать все преимущества момента. В результате этих обсуждений правительство учредило программу *GREAT*. Ее отличительной чертой стала координация различных ведомств и организаций: Министерства иностранных дел и по делам Содружества, Министерства культуры, СМИ и спорта, Британского совета, Департамента по торговле и инвестициям, Британского управления по туризму (*VisitBritain*) и других.

Кампанию поддержали представители британского бизнеса, в том числе: авиакомпания *British Airways*, телекоммуникационная корпорация *BT*²³⁷, производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии класса люкс *Burberry*, автомобильные компании *McLaren* и *Land Rover Jaguar*; а также известные люди: модельеры Пол Смит и Вивьен Вествуд, основатель *Virgin Group* Ричард Брэнсон, актриса Джуди Денч и другие.

Слово *GREAT* объединило различные направления в рамках кампании: была выпущена линейка коммуникационных материалов (постеров, интернет-банеров, биллбордов и т.п.) с лозунгами, которые можно прочесть двояко: «*Education is GREAT*»/«*Education is GREAT Britain*» («Образование – это здорово»/«Образование – это Великобритания»), «*Innovation is GREAT*»/«*Innovation is GREAT Britain*», («Инновации – это здорово»/«Инновации – это Великобритания»), «*Heritage is GREAT*»/«*Heritage is GREAT Britain*» («Наследие – это здорово»/«Наследие – это Великобритания») и так далее.

Во время запуска программы *GREAT* многие СМИ сравнивали ее с инициативой *Cool Britannia* конца 1990-х – начала 2000-х годов. Словосочетание *Cool Britannia* (т.е. «классная», «крутая» Британия, также словосочетание созвучно строчке известной песни *Rule, Britannia!* – «Правь, Британия!») используется в прессе для обозначения ряда инициатив «новых лейбористов» и их лидера Т. Блэра.

После победы на всеобщих парламентских выборах в 1997 г. партия лейбористов заявила о необходимости пересмотра сложившегося за рубежом имиджа Великобритании. Наиболее подробно аргументы сторонников «ребрендинга» страны изложены в брошюре связанного с партией лейбористов аналитического центра *Demos*. Автор брошюры политолог Марк Леонард писал о необходимости преодолеть сложившиеся стереотипы о Великобритании, уйти от образа традиционной консервативной страны в состоянии застоя и представить ее в качестве современной, динамично развивающейся и технологичной. М. Леонард утверждал, что представления жителей других стран о Британии «застряли в прошлом» и Соединенное Королевство видят как «парк развлечений с королевской семьей и зелеными холмами», а также как страну с «плохой едой, плохой погодой и высокомерными людьми», и это серьезно вредит Великобритании, в первую очередь – ее экономике. Он утверждал, что еще одним подтверждением отсталости бренда «Британия» является то, что такие компании как *British Telecom*, *British Gas*, *British Home Stores* и *British Airport* избавились от прилагательного «*British*» в своих названиях. По его словам, это говорит о том, что ассоциации с Великобританией воспринимаются как помеха современному бизнесу, и компании стремятся дистанцироваться от своей страны.

Кроме того, М. Леонард ссылаясь на маркетинговое исследование, проведенное ранее компанией *British Telecom* по всему миру. Его результаты показали, что в ряде стран, в частности в Японии, слово «*British*» в названии бренда ассоциировалось с чем-то «из прошлого» и «колониальным» и не соответствовало представлениям об инновационной, технологичной и обращенной вперед британской индустрии. Именно это, по словам автора, привело к тому, что руководство компании поменяло название *British Telecom* на *BT*²³⁸.

²³⁷ Ранее называлась *British Telecommunications* или *British Telecom*.

²³⁸ Leonard M. BritainTM. *Renewing our identity*. – London, DEMOS, 1997. – 84 p. Available at: <http://www.demos.co.uk/files/britaintm.pdf>.

Идея о модернизации имиджа страны в целом гармонично сочеталась с политикой «новых лейбористов», которые взяли курс на обновление во всех сферах. Среди инициированных новым правительством реформ важнейшую роль сыграл начатый в 1997-1998 гг. процесс деволюции британских территорий. Были приняты законы, согласно которым создавался парламент Шотландии, а также национальная ассамблея Уэльса и ассамблея Северной Ирландии, наделенные полномочиями в финансово-экономической, административно-политической и социальной сферах. Кроме того, была проведена реформа Палаты Лордов и начата реформа избирательной системы²³⁹.

Значительные, особенно по британским меркам, нововведения в политической жизни, оказали большое влияние на самовосприятие британцев и повлекли за собой общественные дискуссии, связанные с национальной (гражданской) идентичностью. На страницах прессы, а также в издававшихся в этот период книгах, ставились и обсуждались вопросы о том, что такое Британия и что значит быть британцем (а не англичанином, шотландцем или ирландцем). Некоторые авторы восприняли запущенный процесс деволюции как начало «конца Британии», о чем свидетельствуют заголовки популярных книг этого периода, например: «День, когда Британия умерла»²⁴⁰ и «После Британии: новые лейбористы и возвращение Шотландии»²⁴¹.

Свою роль в разворачивающейся общественной дискуссии о самовосприятии граждан страны и роли Британии в современном мире сыграла и приближавшаяся знаменательная круглая дата: смена тысячелетий. Слово *Millennium* (тысячелетие) использовалось в названиях различных проектов и инициатив. Так, например, планировалось открытие международной выставки *Millennium Experience*, для которой было начато строительство масштабного выставочного центра под названием «Купол тысячелетия» (*Millennium Dome*). Не только в Великобритании, но и в других странах со сменой дат связывались надежды на обновление и представления о начале новой эпохи.

Популярность набирала концепция «брендинга государств», предложенная С. Анхольтом в 1996 г. и предполагавшая, что государства могут управлять своим брендом так же, как это делают коммерческие компании. Эта концепция так же, как и идея «мягкой силы», гармонично ложилась на привычный британцам активный конструктивистский подход к формированию собственной идентичности и преобразованию окружающего мира.

На этом фоне правительство Т. Блэра предприняло попытку пересмотреть позиционирование Великобритании в мире. Если использовать маркетинговые термины, то власти попытались провести «ребрендинг» Соединенного Королевства, обновить его имидж и тем самым повысить привлекательность среди зарубежных целевых аудиторий.

Инициативы, которые правительство Т. Блэра запустило в 1997-1998 гг., были призваны изменить ситуацию и представить Великобританию как современную, инновационную и динамичную страну. В прессе кампания по обновлению имиджа страны получила название *Cool Britannia*. Словосочетание до этого использовалось в СМИ и даже в рекламе мороженого, однако окончательно закрепилось именно за кампанией «новых лейбористов». Зарубежные СМИ тиражировали следующее высказывание Т. Блэра: «Имидж Великобритании, который в прошлом сводился к шляпам-котелкам и брюкам в полосочку и был старомодным и запывившимся, был заменен на гораздо более динамичный, открытый и

²³⁹ Перегудов С.П. Стратегические новации британского истеблишмента в конце XX – начале XXI веков. // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2787#top (accessed: 07.02.2015).

²⁴⁰ Marr A. *The Day Britain Died*. – London: Profile Books, 2000. – 272 p.

²⁴¹ Nairn T. *After Britain: New Labour and the Return of Scotland*. – London: Granta Books, 2000. – 324 p.

смотрящий вперед. Это то, что чувствует мое поколение, – что я горжусь прошлым своей страны, но я не хочу жить в нем»²⁴².

Возглавлявший в течение нескольких лет Лондонское бюро журнала «Ньюсвик» С. Макгуайр вспоминал: «Для нас Блэр не только представлял конец правлению Тори, он символизировал и новое начало. Электорат, в первую очередь, возможно, жители средней Англии, которые впервые голосовали за лейбористов, видели в нем [...] человека, который поведет постимперскую Британию, Британию после Тэтчер, в неизведанное XXI столетие»²⁴³.

Инициативы правительства по ребрендингу Великобритании опирались на современные достижения британской промышленности и культуры: на первый план вышли так называемые творческие (креативные) индустрии: мода, дизайн и архитектура, разработка программного обеспечения, анимация, музыка, современное искусство и литература, ТВ и медиа. Кроме того, в рамках данной политики была создана Рабочая группа по творческим индустриям (*Creative industries task force*), а также Рабочая группа *Panel 2000* при Министерстве иностранных дел, призванная улучшить имидж Британии за рубежом²⁴⁴, проводились выставки²⁴⁵ и приемы.

Однако надежды на «Новых лейбористов, Новую Британию» (лозунг Т.Блэра, с которым он возглавил партию в 1994 г.) не оправдались, и широко разрекламированная инициатива очень скоро стала объектом жесточайшей критики. Уже в 1998 г. влиятельный журнал *The Economist* заявил читателям, что нет ничего грустнее, чем попытки казаться крутым²⁴⁶.

Критике подверглись и попытки привлечь к правительственным инициативам известных людей: так, в духе политики «обновления» Т. Блэр устроил прием в официальной резиденции премьер-министра на Даунинг стрит, 10, пригласив на него выдающихся деятелей бизнеса, искусства и медиа. В числе приглашенных были, например, модельер и основательница стиля «панк» в моде Вивьен Вествуд, солист музыкальной группы популярнейшего на тот момент жанра брит-поп «Оазис», самый знаменитый представитель группы современных художников Дэмиен Херст (группа «Молодые британские художники» – *Young British Artists*) и другие²⁴⁷.

Блэра начали обвинять в том, что он воспользовался достижениями, сформировавшимися еще в период правления консерваторов: популярностью британской музыки и успехами дизайнеров, модельеров и других представителей творческих и инновационных отраслей для того, чтобы набрать политические очки. Обозреватели писали и о том, что само по себе участие известных людей в политической деятельности не характерно для Британии (в отличие от США, где звезды и представители бизнеса чувствуют себя комфортно на официальных приемах). По их словам, британская рок-культура является по своей сути бунтарской, в британских артистических кругах, которые, как правило, зависят от государственного финансирования и низко оплачиваются, общение с политиками

²⁴² Hoge W. London Journal; Blair's 'Rebranded' Britain Is No Museum. // The New York Times. 12.11.1997. Available at: <http://www.nytimes.com/1997/11/12/world/london-journal-blair-s-rebranded-britain-is-no-museum.html>.

²⁴³ McGuire S. This time I've come to bury Cool Britannia // The Guardian. 29.03.2009. Available at: <http://www.theguardian.com/politics/2009/mar/29/cool-britannia-g20-blair-brown>

²⁴⁴ Britannia's 'committee for cool'. // BBC. 1.04.1998. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/72375.stm (accessed 10.02.2015).

²⁴⁵ Powerhouse::uk - Blair opens British showcase. // BBC. 2.04.1998. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/72779.stm.

²⁴⁶ Cool Britannia. // The Economist. 12.03.1998. Available at: <http://www.economist.com/node/370877>.

²⁴⁷ Labour's desire to be cool met with contempt from celebrities. // The Scotsman. Available at: <http://www.scotsman.com/news/politics/top-stories/labour-s-desire-to-be-cool-met-with-contempt-from-celebrities-1-505334> (accessed: 05.02.2015).

рассматривается совсем с других позиций, чем в США²⁴⁸. Поэтому пришедшие на прием представители индустрии и деятели культуры очень скоро почувствовали себя использованными и обманутыми²⁴⁹.

Инициатива Т. Блэра по «ребрендингу» Великобритании сегодня описывается специалистами по территориальному маркетингу в качестве хрестоматийного примера неудачной кампании. Деятельность, за которой закрепилось название *Cool Britannia*, приводят в качестве одной из самых противоречивых кампаний странового брендинга и связывают ее неуспешность с «истерически враждебной реакцией прессы»²⁵⁰, учитывая тот факт, что средства массовой информации являются влиятельными акторами политического процесса в Соединенном Королевстве.

Чрезмерный акцент на модный, современный и передовой образ Британии не нашел отклика внутри страны. *Cool Britannia* оказалась слишком узкой концепцией, связанной исключительно с городским, и даже столичным, образом жизни. Непредставленными оказались и различные территории британского государства. Упомянутые «креативные индустрии» были сконцентрированы на юго-востоке страны, в то время как такие значимые ее части как Шотландия и Уэльс, оказались за рамками кампании.

Кроме того, устоявшийся образ страны не мог быть изменен за короткое время. В 1999 г., через два года после прихода к власти «новых лейбористов», Британский совет, ведущая организация, отвечающая за продвижение британской науки, культуры, образования и английского языка, заказала исследование, посвященное образу страны в мире. Такое исследование было проведено международной социологической компанией *Ipsos-MORI* и опубликовано под названием «В глазах других: как мир видит Великобританию». Результаты показали, что мнение о Великобритании в мире за последние несколько лет существенно не изменилось, несмотря на риторику политических лидеров.

Исследование продемонстрировало, что отношение к Соединенному Королевству в мире в целом благожелательное. Однако в качестве недостатков, свойственных Великобритании, респонденты указывали чрезмерную традиционность, консерватизм и застой. В то же время значительная часть участников опроса отмечала традиции и богатое культурное наследие как сильные и привлекательные стороны Британии. В целом респонденты видели Великобританию скорее традиционной, чем современной страной²⁵¹. Громко объявленная кампания по изменению имиджа страны за рубежом, казалось бы, не принесла результатов. «Вот вам и 'Классная Британия' (*So much for Cool Britannia*), – подытожил результаты исследования *The Economist*²⁵².

Тем не менее такие результаты исследования не кажутся неожиданными. В то время как в риторике государственных деятелей обновление представлений о Великобритании связывалось с новым тысячелетием, в реальности добиться существенного изменения мнения о стране в мире за два-три года практически невозможно. Завышенные ожидания прессы и общественности от инициатив нового правительства не могли не привести к разочарованию. Сегодня британские эксперты, занимающиеся тематикой «мягкой силы», стремятся учитывать предыдущий опыт и отдельно отмечают необходимость адекватной коммуникации, сопровождающей инициативы в области «мягкой силы». Так, в докладе Комитета Палаты лордов подчеркивается необходимость доносить до британской

²⁴⁸ Labour's luvvies lost // *The Economist*. 12.03.1998. Available at: <http://www.economist.com/node/371369>.

²⁴⁹ Cool Britannia dumps Blair. // *The Daily Mail*. 08.05.2007. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-451830/Cool-Britannia-dumps-Blair.html> (accessed: 05.02.2015).

²⁵⁰ Dinnie K. *Nation Branding*. – Abingdon(UK) and New York: Routledge, 2010. – P.30.

²⁵¹ Ratcliffe R., Griffin J. *Through other eyes. How the world sees the United Kingdom*. / ed.: Craig-Cameron T. – London: The British Council, 1999. – 51 p.

²⁵² Compellingly dull // *The Economist*. 25.11.1999. Available at: <http://www.economist.com/node/326836>.

общественности информацию о работе Правительства в этом направлении и объяснять, что часть действий и расходов на «мягкую силу» может принести ощутимые и измеряемые результаты только через определенное время, что требует терпения и упорства²⁵³.

К причинам негативного отношения к инициативе Т. Блэра относят и собственно решение полностью отказаться от привычных аудитории традиционных образов. «Современный и продвинутый» имидж страны можно отнести к отдельным направлениям, таким как современное искусство, мода или музыка, однако он оказывается недостаточным для того, чтобы охватить весь спектр представлений о стране²⁵⁴. «Традиции» и «современность» не являются взаимоисключающими категориями, однако вместо поиска баланса между старым и новым был сделан выбор в пользу исключительно нового, что не могло не оттолкнуть часть аудитории, как внутри страны, так и за ее пределами. Эту ошибку впоследствии учли лица, ответственные за подготовку новой кампании, направленной на позиционирование Великобритании уже при правительстве консерваторов²⁵⁵.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. оказали существенное влияние на внешнюю политику западных держав. Кроме того, эти события вызвали значительный рост интереса к тематике «мягкой силы» в среде экспертов как в США, так и в других странах. Однако внешнеполитические решения, принимавшиеся британскими лидерами в ответ на новые вызовы, повлекли за собой множество негативных последствий. Британская внешняя политика в начале 2000-ых гг. зачастую характеризуется исследователями как «провальная» и «потерянная», лишившая Британию последних крупинки надежды стать «мировой державой»²⁵⁶.

Военная кампания в Ираке дорого стоила Соединенному Королевству и остается наиболее негативно оцениваемым как в мире, так и внутри страны наследием команды Т. Блэра. Однако и громкие инициативы, связанные с модернизацией образа страны, также остались в общественном сознании с негативной оценкой. Помимо описанных выше отрицательных отзывов о кампании *Cool Britannia*, другие проекты также оставили сомнительное впечатление. Запланированное еще при консервативном правительстве Дж. Мейджора и приобретшее новые масштабы при «новых лейбористах» строительство «Купола тысячелетия» (*Millenium Dome*) стало еще одной мишенью для критиков: после закрытия размещавшейся в нем выставки *Millenium Experience* огромное здание было практически невостребованным и большую часть времени стояло закрытым, а его строительство было связано со скандалами, превышением сметы и организационными проблемами²⁵⁷.

Депутаты Парламента критически отнеслись к отдельным инициативам, направленным на обновление имиджа страны. В 2002 г. Британский совет сменил свой логотип, в основе которого был британский флаг, в пользу более современного, состоявшего из четырех кругов, призванных символизировать четыре составляющие Соединенного Королевства: Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию. Дизайнеры также обновили шрифт и в соответствии с современными тенденциями использовали в названии

²⁵³ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. – 105 p.

²⁵⁴ Fan Y. Branding the nation: What is being branded? // Journal of Vacation Marketing. – 2006. – V. 12. – No 1. – P. 5–14. Available at: http://countrybrandingwiki.org/images/3/3e/country_branding_article.pdf

²⁵⁵ Revised transcript of evidence taken before The Select Committee on Soft Power and the UK's Influence Inquiry on Soft Power And The UK's Influence. Evidence Session No 19 Heard in Public Questions 310 – 328. Monday 2 December 2013. Witnesses: Conrad Bird and Alex Aiken. p. 4. Available at: <http://www.parliament.uk/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/c021213Ev19.pdf>

²⁵⁶ См., напр.: The remnants of a foreign policy. // The Economist. 11.10.2014.

²⁵⁷ См., напр.: Maguire K., Gibbons F. Dome – a devastating verdict. // The Guardian. 07.09.2000. Available at: <http://www.theguardian.com/uk/2000/sep/07/dome.fiachragibbons1> (accessed: 07.02.2015), Dome woes haunt Blair. // BBC. 15.02.2001. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/1172367.stm и др.

организации только заглавные буквы, а также убрали определенный артикль «*The*». Это решение было воспринято неоднозначно и послужило предметом обсуждения в нижней палате британского парламента. Представители Палаты общин обратили внимание на смену логотипа организации на заседании Комитета по международным отношениям в рамках парламентской сессии 2003-2004 годов. Они отметили, что, несмотря на утверждения директора Британского совета о том, что новый логотип соответствует «очень динамичному и современному имиджу Соединенного Королевства», предложенное изображение не соответствует заявленным целям. По словам членов комитета, Британский совет совершал ту же ошибку, что и авиакомпания «Британские авиалинии» (*British Airways*)²⁵⁸, снижая роль своей «британскости» (*Britishness*). Также они выразили сомнение в том, что в составляющих логотип четырех кругах четыре можно увидеть четыре части Соединенного Королевства. В целом, по мнению Комитета, логотип совершенно не достигал цели «привлечь внимание и повысить оценку творческих идей и достижений страны». Парламентарий от партии лейбористов Эндрю Маккинлей отметил обеспокоенность комитета тем фактом, что организация не стремится позиционировать себя в качестве, в первую очередь, британской. «Мы считаем, что «британскость» (*Britishness*) должна быть на первом месте», – сказал он. Организации было рекомендовано пересмотреть свое отношение к использованию британского флага²⁵⁹.

Таким образом, инициатива *Cool Britannia*, предшествовавшая кампании *GREAT* получила в основном негативную оценку и в целом связывается в политическом дискурсе с противоречивым наследием Т. Блэра и «новых лейбористов». Поэтому запуская программу *GREAT Britain*, правительство консерваторов и либеральных демократов стремилось дистанцироваться от инициативы *Cool Britannia*. Чиновники, которые участвовали в создании и запуске программы *GREAT*, отмечают, что они сознательно старались сделать новую программу непохожей на кампанию *Cool Britannia* не только потому, что последняя слишком сильно ассоциировалась с Т. Блэром, но и с целью подчеркнуть сильные стороны британского наследия. Директор кампании *GREAT Britain* в офисе Премьер-министра Конрад Берд подчеркивает тот факт, что инициаторы кампании «не хотели выплеснуть вместе с водой и ребенка» и стремились показать как современную, так и старинную Британию²⁶⁰.

В отличие от инициативы новых лейбористов, кампания *GREAT* получилась гораздо более широкой и всеобъемлющей: вместо акцента исключительно на модное и технологичное, она сочетает традиционное представление о Британии и более современный и динамичный образ нынешней страны. Это легко проследить как по лозунгам кампании, так и по визуальным образам, которые она использует – от традиционных британских пейзажей и элементов культурного наследия и до новинок современного дизайна и технологий. Узнаваемый британский флаг также нашел свое место в верстке материалов кампании.

Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании, ссылаясь на материалы, предоставленные правительством, отмечает, что кампания *GREAT* направлена на то, чтобы люди со всего мира приезжали в Великобританию, учились и занимались бизнесом в стране.

²⁵⁸ В конце 1990-х гг. авиакомпания «Британские авиалинии» провела ребрендинг и сменила дизайн своих самолетов: вместо британского флага для оформления хвостовой части воздушных судов были использованы работы современных художников из разных стран. Решение было признано ошибочным, и компания вернулась к более традиционному оформлению самолетов в 2000-х. См. напр.: Druce L. Branding Disasters: The rebranding of British Airways. // *Businesszone*. 22.01.2010. Available at: <http://www.businesszone.co.uk/branding-disasters-the-rebranding-of-british-airways> (Accessed 17.08.2016).

²⁵⁹ House of Commons Session 2003-04. Foreign Affairs Committee Publications. Foreign Affairs - Eighth Report. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200304/cmselect/cmfaaff/745/74513.htm>.

²⁶⁰ Revised transcript of evidence taken before The Select Committee on Soft Power and the UK's Influence Inquiry on Soft Power And The UK's Influence. Evidence Session No 19 Heard in Public Questions 310 – 328. Monday 2 December 2013. Witnesses: Conrad Bird and Alex Aiken. p. 4. Available at: <http://www.parliament.uk/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/c021213Ev19.pdf>

Она объединяет всю деятельность по продвижению Великобритании за рубежом под общей вывеской для того, чтобы добиться большего результата и наилучшим образом использовать деньги налогоплательщиков²⁶¹.

Поначалу кампания была воспринята с осторожностью и недоверием, прежде всего, британской прессой. Премьера-консерватора Дэвида Кэмерона критиковали за непоследовательность: его слова во время запуска кампании *GREAT* о том, что Британия – это отличное (*great*) место для туризма, инвестиций и работы контрастировали со сделанными до этого заявлениями о «разрушенном/ расколоте (*broken*) британском обществе» и «разрушенной/расколоте Британии»²⁶². Кроме того, сказывалась репутация Т. Блэра и неизбежные ассоциации со связываемой с его именем кампанией *Cool Britannia*. Интересно, что в числе критиков оказался и идеолог ребрендинга Великобритании в конце 90-х гг. Марк Леонард.

Однако если в конце 1990-х и начале 2000-х гг. была предпринята попытка сместить фокус с традиций и истории в сторону технологичного, современного и модного образа, то сегодня в политике «мягкой силы», в том числе, в рамках реализации программы *GREAT Britain* прослеживается более взвешенный подход, стремящийся совместить современность и богатое культурное наследие.

Согласно официальной формулировке, кампания направлена на то, чтобы вдохновить мир на новое рациональное и эмоциональное восприятие Великобритании в настоящем и будущем, на то, чтобы показать, что это наилучшая страна для туризма, инвестиций, получения образования и торговли.

По данным Национального офиса аудита Великобритании, финансирование программы с 2012 по 2015 г. составило 113,5 млн. ф. ст. (см. данные о распределении бюджета на Схеме 5). При этом доходы от ее реализации за указанный период оцениваются в 1,2 млрд. ф.ст., а общий доход до 2019-2020 гг. должен составить от 1,7 до 1,9 млрд. ф. ст.

Разработанным в рамках программы брендом *GREAT* пользуется 17 правительственных департаментов и относящихся к ним организаций. Секретариат Кабинета министров координирует работу. Координационный совет программы возглавляет Министр по культуре, СМИ и спорту. По состоянию на март 2015 г. кампанию поддержали 202 коммерческие компании и 164 известных лица. Дополнительное финансирование со стороны частного сектора составило 68 млн. ф. ст. (цифра включает в себя как финансовый вклад, так и поддержку в виде товаров или услуг)²⁶³.

Каждая из участвующих организаций осуществляет мониторинг эффекта от кампании по своей методологии. Так, организация *VisitBritain* оценивает дополнительные доходы от кампании в сфере туризма, а Британский совет стремится измерить влияние кампании на доходы от приема иностранных студентов. Департамент по торговле и инвестициям (*UKTI*) и Форин-офис отчитываются об оказанной в рамках кампании поддержке британскому бизнесу и ориентировочном дополнительном доходе, связанном с ее реализацией²⁶⁴.

Как показала практика, программа *GREAT* оказалась вполне успешной. Об этом говорит решение продолжать кампанию, первоначально задумывавшуюся как дополнение к Олимпийским играм в Лондоне, и после завершения Олимпиады. Результаты инициативы

²⁶¹ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014.– 105 p.

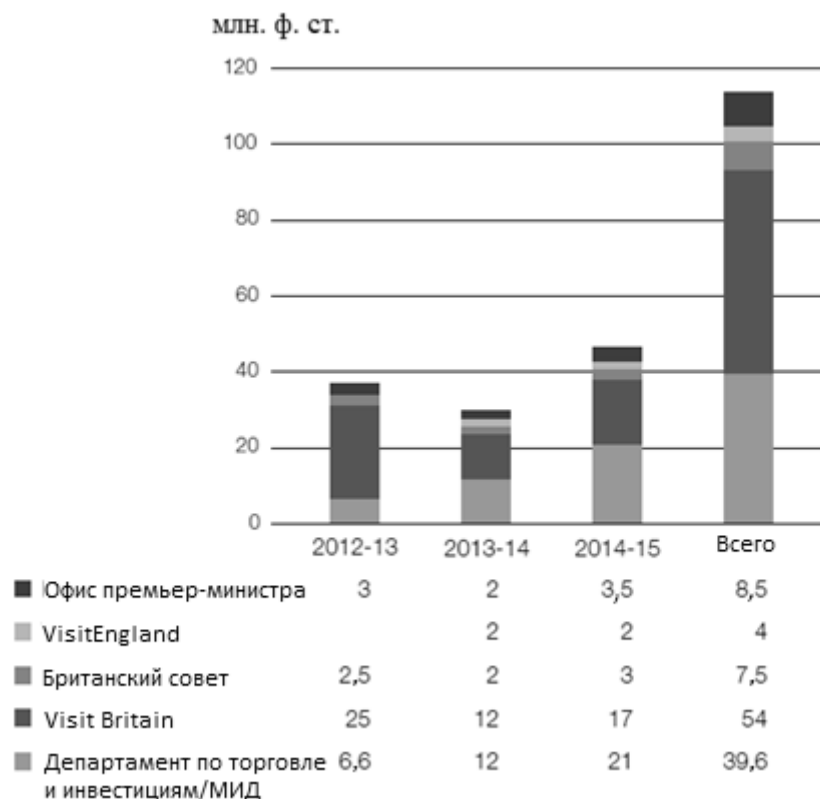
²⁶² Swaine J. David Cameron criticised over GREAT Britain campaign. // The Telegraph. 22.09.2011. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/8780563/David-Cameron-criticised-over-GREAT-Britain-campaign.html> (accessed 10.02.2015).

²⁶³ National Audit Office. Exploiting the UK brand overseas. Report. 5.06.2015. Available at: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Exploiting-UK-brand-overseas.pdf>.

²⁶⁴ Ibid. – P. 9.

были рассмотрены Комитетом по «мягкой силе» и влиянию Великобритании в рамках парламентской сессии 2013-2014 гг., после чего Комитет рекомендовал Правительству продолжить реализацию кампании, уделяя внимание отдельным культурным мероприятиям, которые потенциально способны положительно повлиять на въездной туризм²⁶⁵.

Схема 5. Распределение бюджета в рамках программы *GREAT*

Источник: National Audit Office²⁶⁶.

Как показала практика, программа *GREAT* оказалась вполне успешной. Об этом говорит решение продолжать кампанию, первоначально задумывавшуюся как дополнение к Олимпийским играм в Лондоне, и после завершения Олимпиады. Результаты инициативы были рассмотрены Комитетом по «мягкой силе» и влиянию Великобритании в рамках парламентской сессии 2013-2014 гг., после чего Комитет рекомендовал Правительству продолжить реализацию кампании, уделяя внимание отдельным культурным мероприятиям, которые потенциально способны положительно повлиять на въездной туризм²⁶⁷.

Правительство в документе, составленном в ответ на доклад Комитета, сообщило, что благодаря инициативе *GREAT* экономика страны получила более 500 млн. ф. ст. и ожидается, что связанная с данной кампанией дополнительная прибыль за 2013-2014 гг. составит еще 600-800 млн.²⁶⁸.

²⁶⁵ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.I.: Stationery Office, 2014. – P. 117

²⁶⁶ National Audit Office. Exploiting the UK brand overseas. Report. 5.06.2015. – P. 5. Available at: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Exploiting-UK-brand-overseas.pdf>.

²⁶⁷ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.I.: Stationery Office, 2014. – P. 117

²⁶⁸ UK Government. Response to the House of Lords Select Committee report on soft power 2013-14. – 48 p. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/response-to-the-house-of-lords-select-committee-report-on-soft-power-2013-14> (accessed: 27.01.2015).

В целом благоприятный эффект оставила и Олимпиада, проходившая с 27 июля по 12 августа 2012 года. По результатам опроса, проведенного по заказу Британского совета компанией *Ipsos-MORI*, 60% британцев и 56 % опрошенных за рубежом считают, что церемония открытия Олимпийских игр успешно представила лучшие достижения как традиционной, так и современной Великобритании²⁶⁹.

Позитивные тренды показывает и туристическая отрасль страны, при этом современная культура играет определенную роль в привлечении туристов, хотя и менее значительную, чем культурное наследие²⁷⁰.

Очередное исследование, проведенное в конце 2013 – начале 2014 гг. по заказу Британского совета и посвященное восприятию Великобритании в мире, показало, что хотя в качестве представителей современной британской культуры респонденты в первую очередь называют У. Шекспира (среди других представителей также упоминаются футболист Д. Бэкхем, королева Елизавета II и писательница Дж. Роулинг), тем не менее усилия по продвижению современного образа Великобритании не пропали даром. Так, большинство респондентов соглашается с утверждениями, что «Система образования в Великобритании способствует творчеству и инновациям», «Сфера искусства в Великобритании является креативной и инновационной» и «Великобритания обладает ведущими мировыми институтами (учреждениями) и достопримечательностями в сфере искусства и культуры»²⁷¹.

Название программы – *GREAT Britain* или *GREAT* интересно также рассмотреть в более широком контексте. В значении «великий, великая» слово *great* используется в качестве связующего звена между прошлым и настоящим страны. Однако в данном случае величие в современном мире переосмысливается и связывается с новыми атрибутами: не армией, территорией или экономической мощью, а с такими явлениями как образование, культурное наследие, инновации, туризм, шопинг, креативность и т.п. То есть авторы данной программы стремятся закрепить новое представление о величии и транслировать его как в мире, так и внутри страны. Вместо того, чтобы ориентироваться на достижения прошлого и стремиться вернуть «величие» в прежнем понимании, с помощью данной кампании меняется и закрепляется новый дискурс, переформулируется сам термин «великий, великая». Слово *great* используют в двойном значении, понимая под ним также «здорово, отлично, круто» и отвечая тем самым требованиям времени.

В этом отношении кампания отличается как от призыва знаменитого премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер в начале ее политической карьеры «вновь сделать Великобританию великой»²⁷², так и от слогана кампании кандидата в президенты США Дональда Трампа «Вновь сделать Америку великой»²⁷³. В данном случае кампания *GREAT* реализуется по заказу действующего правительства и ее цель – не призвать к

²⁶⁹ 2012's strong overseas impact for the UK. / Ipsos-MORI. 18.12.2012 Available at: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3094/2012s-strong-overseas-impact-for-the-UK.aspx> (accessed 09.02.2015).

²⁷⁰ Inbound Tourism Trends Quarterly. / Visit Britain website [Electronic resource]. Available at: <http://www.visitbritain.org/insightsandstatistics/reports/tourismtrendsquarterly.aspx>; Overseas Visitors to Britain Understanding Trends, Attitudes and Characteristics. September 2010. Visit Britain website [Electronic resource]. Available at: http://www.visitbritain.org/Images/Overseas%20Visitors%20to%20Britain_tcm29-14708.pdf (accessed 10.02.2015).

²⁷¹ Culligan K., Dubber J., Lotten M. As Others See Us. Culture, attraction and soft power. – London: British Council, 2014. – 30 p. Available at: <http://www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/as-others-see-us-report.pdf> (accessed 10.02.2015)

²⁷² Thatcher M. 1950 General Election Address. 1950. Margaret Thatcher Foundation website [Electronic resource]. Available at: <http://www.margaretthatcher.org/document/100858>.

²⁷³ Официальный сайт кандидата в президенты США Дональда Трампа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.donaldjtrump.com>.

возвращению прошлого величия, а убедить зарубежные аудитории в превосходстве Великобритании в новом современном понимании.

Таким образом, после не вполне удачных попыток резко изменить вектор британской «мягкой силы» при лейбористском правительстве Т. Блэра, правящие элиты вернулись к более сбалансированной политике, уделяя большое внимание обеспечению межведомственного взаимодействия. При этом увеличение влияния и повышение привлекательности страны связывается с благосостоянием и безопасностью нации: в частности, для оценки эффективности «мягкой силы» Великобритании в первую очередь используются социально-экономические показатели.

Подходы британских экспертов к оценке и измерению «мягкой силы»

Британские политики и эксперты уделяют большое внимание возможностям измерения «мягкой силы» страны, определения эффективности используемых инструментов и достигнутого с их помощью влияния. Так, именно британский Институт управления (*Institute for government*) одним из первых попробовал создать комплексный рейтинг «мягкой силы»²⁷⁴.

Многочисленные попытки оценки и измерения «мягкой силы» Великобритании предпринимаются в самых различных плоскостях. Государственные и финансируемые государством организации регулярно отчитываются перед общественностью об эффективности своей работы. Так, один из ключевых акторов, отвечающих за распространение «мягкой силы» страны и продвижение национальной культуры, образования и науки за рубежом, Британский совет, публикует ежегодные отчеты о результатах своей деятельности. В качестве показателей эффективности работы приводятся данные о количестве посетителей мероприятий организации за рубежом, удовлетворенности работой офисов и так далее²⁷⁵.

К оценке деятельности как государственных, так и негосударственных организаций привлекаются и независимые агентства. К примеру, начиная с 2006 г. эффективность работы Департамента по торговле и инвестициям (*UK Trade & Investment – UKTI*) изучается привлеченными консультантами с помощью регулярных опросов (*Performance & Impact Monitoring Survey – PIMS*). Ежеквартально проводится около 1000 интервью с руководителями ведущих внешнеэкономическую деятельность британских компаний. Полученные данные позволяют оценить, насколько представители бизнеса удовлетворены оказанной государством поддержкой в продвижении национальных товаров и услуг за рубежом²⁷⁶.

Еще одним примером привлечения сторонней организации к оценке финансируемых государством программ, относящихся к «мягкой силе» является работа Независимой комиссии по оценке воздействия программ помощи (*Independent Commission for Aid Impact – ICAI*). Эта комиссия изучает программы содействия развитию, присваивая им определенные категории в зависимости от результатов оценки. Одной из программ, анализирующихся

²⁷⁴ McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (дата обращения 16.05.2015).

²⁷⁵ См., напр.: British Council annual Report 2013-14. British council. Available at: http://www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/d554_annual_report_final.pdf (дата обращения 16.05.2015).

²⁷⁶ UK Trade and Investment Performance and Impact Monitoring Survey (PIMS). UK Trade Investment. [Electronic resource]. Available at: <https://www.gov.uk/government/collections/uk-trade-investment-performance-and-impact-monitoring-survey> (дата обращения 16.05.2015).

комиссией, является межведомственная инициатива *Conflict Pool*, направленная на предотвращение внутригосударственных и межгосударственных конфликтов. Эта программа реализуется совместно Министерством иностранных дел и по делам Содружества, правительственным Департаментом международного развития и Министерством обороны Великобритании. В частности, на основании проведенного в 2012 г. анализа деятельности, реализуемой в рамках программы в Пакистане и Демократической Республике Конго, эксперты комиссии присвоили программе *Conflict Pool* «желто-красный» рейтинг, что свидетельствует о невысокой оценке ее эффективности и результативности (в отличие от «зеленого» и «зелено-желтого»). Критика инициативы связана, прежде всего, с недостаточно эффективным управлением работой и проблемами с координацией деятельности между тремя реализующими ее ведомствами. Комиссия рекомендует упростить структуру управления программой и разработать систему текущей оценки и мониторинга ее выполнения.

Не только государственные и финансируемые государством структуры, но также и некоммерческие объединения и исследовательские организации предлагают различные пути для того, чтобы оценить «мягкую силу» Великобритании и найти адекватные параметры для ее измерения. К примеру, по заказу британской организации *ExEdUK*, объединяющей экспортеров образования, была предпринята любопытная попытка изучить британское влияние в мире с помощью анализа справочника «Кто есть кто» (*Who's who*) 2013 г., а также списков нобелевских лауреатов и руководителей Централных банков государств мира. Определив, кто из представителей элит, перечисленных в этих списках и не являющихся британскими гражданами, получил в свое время образование в Соединенном Королевстве (на любом этапе своей жизни, будь то школьное, высшее или постдипломное образование), авторы исследования предлагают использовать этот показатель в качестве ориентира. Согласно опубликованным в начале 2014 г. результатам работы, каждый пятый глава Центрального банка в мире (35 из 177) получил высшее образование именно в британском университете. Предположительно, после обучения в стране граждане других государств с пониманием относятся к британским ценностям и культуре. Являясь «лидерами мнений» (*opinion leaders*) у себя на родине, они оказывают положительное влияние на отношение к Великобритании своих соотечественников²⁷⁷.

В качестве примера комплексного подхода к оценке показателей доклад Комитета по «мягкой силе» верхней палаты Парламента Великобритании²⁷⁸, а также ответ на этот доклад со стороны правительства²⁷⁹. Осознавая происходящие в мире изменения и возрастающую роль «мягкой силы», представители британского истеблишмента стремятся упрочить положение своей страны и не потерять позиции лидера в ситуации, когда другие государства (в первую очередь, в качестве потенциальных соперников упоминаются Китай и Россия) также пытаются расширить свое влияние и направляют на увеличение «мягкой силы» все большие финансовые средства.

Члены Комитета Палаты лордов предлагают максимально использовать позицию Великобритании не только для того, чтобы менять взаимоотношения в рамках существующей сетевой структуры, но и чтобы менять саму эту структуру и среду международных отношений в благоприятную для своей страны сторону. Для этого,

²⁷⁷ Education and British Soft Power – the unexplored connection. EdUK and Wild ReSearch. Available at: <http://exeduk.com/wp-content/uploads/Education-and-British-Soft-Power-the-unexplored-connection.pdf> (дата обращения 16.05.2015).

²⁷⁸ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.I., Stationery Office, 2014. – 105 p.

²⁷⁹ UK Government. Response to the House of Lords Select Committee report on soft power 2013-14. – 48 p. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/response-to-the-house-of-lords-select-committee-report-on-soft-power-2013-14> (дата обращения 16.05.2015).

пользуясь предложенной Дж. Наем концепцией, они максимально подробно рассматривают все стороны британской «мягкой силы», при этом стремятся избежать краткосрочных и сиюминутных оценок и сконцентрироваться на долгосрочной стратегии.

Работа Комитета по «мягкой силе» и влиянию Великобритании Палаты лордов продолжалась в течение года и включала встречи с представителями департаментов, ведомств и организаций, имеющими отношение к реализации политики «мягкой силы». Во время этих встреч внимание Комитета было направлено на то, чтобы осмыслить и оценить «мягкую силу» страны с точки зрения имеющихся ресурсов (активов), используемых инструментов и оказываемого влияния. На основании собранных материалов был подготовлен доклад, содержащий рекомендации правительству.

Как отмечено в итоговом документе, «большую часть своих активов «мягкой силы» страна приобрела неосознанно (*'in a fit of absence of mind'*)». Однако теперь, по словам авторов доклада, на смену неосознанности приходит пренебрежение по отношению к некоторым аспектам британской «мягкой силы». Комитет призывает правительство к защите и сохранению накопленной страной «мягкой силы», а также к тому, чтобы увеличивать ее, основываясь на сильных сторонах Великобритании, поддерживать уже существующие успешные направления деятельности, избегать краткосрочного подхода и экономии в тех областях, где достижение результата требует длительного времени.

Таким образом, британская «мягкая сила» представляется в данном докладе, в первую очередь, ресурсом, который накапливается со временем и к которому нужно относиться как к национальному достоянию, оберегая и преумножая его, а также используя для достижения необходимых целей и задач. Значительная часть встреч и интервью, проведенных Комитетом в 2013-2014 гг., была направлена на то, чтобы лучше описать этот ресурс, оценить его размеры и потенциал, определить какие инструменты и возможности его использования имеются в распоряжении у государства, и только после этого – оказываемое реальное влияние. При этом большое внимание уделяется взаимодействию между различными ведомствами, координации усилий и снижению существующих барьеров, препятствующих реализации имеющегося потенциала «мягкой силы» в полной мере. Например, оценивая существующие достижения в сфере образования и преимущества, которые дают британские стипендии для того, чтобы «наиболее яркие и лучшие из будущих лидеров в мире чувствовали связь с Великобританией», а также значимость привлечения иностранных студентов, Комитет обращает внимание на необходимость снять ограничения по миграции для этой категории приезжающих в страну.

Следовательно, повышение эффективности уже существующих и успешно действующих ресурсов «мягкой силы» связывается не только с ростом активности, расширением и увеличением финансирования, но и со снятием барьеров, препятствующих полноценной реализации потенциала, а также с улучшением межведомственной координации.

В то время как Комитет Палаты лордов стремится в своем докладе описать широкий контекст и окинуть взглядом весь спектр вопросов, связанных с положением Великобритании в мире и ее «мягкой силой», правительство в своем ответе концентрируется на показателях, иллюстрирующих эффективность собственной работы на различных направлениях деятельности, и отчитывается о конкретных достигнутых результатах. Очевидно, что временные рамки, ограничивающие срок полномочий правительства, накладывают отпечаток на используемый подход к оценке эффективности такой работы. Представители Палаты лордов имеют в этом отношении определенное преимущество и возможность подняться над текущими краткосрочными задачами.

Так, в ответе правительства на документ Палаты лордов сообщалось, что благодаря одной из инициатив «мягкой силы» – коммуникационной кампании *GREAT Britain* –

экономика страны получила более 500 млн. ф. ст. и еще ожидается получить дополнительную прибыль за 2013-2014 гг. в размере 600-800 млн.

В этом же документе приводятся оценки результатов еще одной программы в области «мягкой силы»: *The Emerging Powers Initiative*, стартовавшей в 2010 г. и направленной на построение более тесных взаимоотношений с быстроразвивающимися экономиками мира. В качестве результатов такой инициативы приводятся данные о том, что экспорт британских товаров в страны этой группы теперь составляет 21%, а торговый оборот Британии с ними увеличился в среднем на 20%. Десять государств группы вошли в число 25 крупнейших торговых партнеров Великобритании, а число китайских студентов, обучающихся в британских вузах выросло с 2010 по 2012 гг. на 37%.

Как можно увидеть, подходы к оценке и измерению эффективности «мягкой силы», используемые правительством, Палатой лордов и негосударственными исследовательскими группами, существенно различаются. Тем не менее, очевидно, что ведомства, ответственные за реализацию политики в этой области, неизбежно сталкиваются с необходимостью количественной оценки результативности своей работы и деятельности подотчетных им организаций и партнеров. В связи с этим данные, позволяющие измерить краткосрочное и долгосрочное влияние «мягкой силы» и эффективность используемых инструментов, будут продолжать накапливаться. Это позволит лицам, принимающим решения и тем, кто осуществляет внешнеполитическую экспертизу в Великобритании, и дальше совершенствовать существующий инструментарий «мягкой силы».

Что касается России, то она воспринимается британскими экспертами, анализирующими эффективность политики «мягкой силы», с различных позиций. С одной стороны, наша страна, безусловно, является одним из приоритетных направлений для реализации такой политики. Так, упомянутая выше программа *GREAT Britain* реализуется в полном объеме всего в десяти странах мира, в том числе и в Российской Федерации. С другой стороны, политики и эксперты, ответственные за распространение британской «мягкой силы» в мире, относятся к России с осторожностью, воспринимая ее как конкурента. При этом опасения британского истеблишмента связаны в первую очередь не с боязнью потерять долю рынка образовательных или туристических услуг, а скорее с меняющимся контекстом международных отношений. Так, упомянутый выше Комитет Палаты лордов Великобритании отмечает, что «возрастающая сила незападных государств, как экономическая, так и политическая, (так называемый *'rise of the rest'*), изменяет международный баланс сил и влияния». В контексте информационной политики в докладе Комитета особо отмечена работа российского международного телеканала *Russia Today*, при этом, со ссылкой на слова представителя Британской телерадиовещательной корпорации говорится о разнице между ценностями, которые транслируются зарубежными СМИ, в том числе, *Russia Today*, с одной стороны, и *BBC* – с другой.

Попытка противодействовать России с помощью «мягкой силы» на уровне ценностей достаточно ярко проявилась в выступлении бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона на саммите Европейского Союза в Брюсселе 19 марта 2015 года. Он объявил о запуске новой программы, направленной на поддержку экономических реформ и эффективного управления в Восточной Европе и на Балканах и подчеркнул, что актуальность данной программы связана с «запугиванием» (*intimidation*) стран региона со стороны России. В рамках этой инициативы создается новый фонд поддержки эффективного управления, призванный помочь сохранить приверженность стран-реципиентов

демократическому пути развития в противовес ценностям, предположительно навязываемым влиятельным восточным соседом²⁸⁰.

Двойственное отношение британских политиков и экспертов к России сказывается и на подходах к оценке программ «мягкой силы» в нашей стране. С одной стороны, организации, участвующие в реализации таких инициатив, традиционно стремятся оценить результативность своей деятельности в цифрах. Например, Британский совет в своем отчете приводит количественные данные по деятельности в России. В частности, сообщается, что организация ведет работу с учителями английского, а также лицами, отвечающими за проведение политики в области образования и другими специалистами, чтобы улучшить возможности для изучения этого языка, прежде всего, в государственных школах. Согласно данным Британского совета, такая работа охватывает более 200 тыс. специалистов вышеперечисленных категорий, что позволяет повлиять на преподавание английского языка для 15 млн. учащихся более чем в 60 тыс. школ. Также приводятся данные о числе посетителей культурных мероприятий: например, отмечается, что выставки английского поэта и художника Уильяма Блейка, скульпторов Генри Мура и Энтони Гормли в Москве и Санкт-Петербурге в 2012 г. в общей сложности посетили более 700 тыс. человек²⁸¹.

Но в то же время, анализ и оценка политики «мягкой силы», направленной на нашу страну в долгосрочной, стратегической перспективе, выявляет существенные проблемы и сложности с проекцией британских ценностей и идей. Так, эксперты верхней палаты британского Парламента в своем докладе, посвященном отношениям Европейского Союза (и, в частности, Великобритании) и России в контексте украинского кризиса, отметили недостаточное понимание происходящих в регионе процессов, нехватку профессиональной аналитики и отсутствие долгосрочной стратегии на российском и украинском направлениях. В документе говорится о том, что «отношения ЕС с Российской Федерацией слишком долго базировались на оптимистичном предположении о движении России по пути к тому, чтобы стать более демократической «европейской» страной. Однако это не соответствовало действительности». Тем не менее, в рекомендациях данного доклада содержится тезис о необходимости взаимодействия с российскими гражданами и поддержания связей в области культуры, науки и образования, даже если подобная деятельность на государственном уровне затруднена²⁸².

Таким образом, оценка эффективности британской «мягкой силы» в России подразделяется на два существенно различающихся направления. С одной стороны, изучение используемых Великобританией инструментов «мягкой силы» позволяет судить об их результативности и соответствии заявленным целям и вложенным средствам. С другой стороны, стратегическая оценка направлена, прежде всего, на понимание долгосрочных трендов и скорее относится к продвигаемым страной идеям и ценностям, а также реальному оказанному влиянию. В этом отношении британские эксперты отмечают серьезные недостатки и, со своей стороны, с беспокойством относятся к российским попыткам распространить «мягкую силу» на постсоветском пространстве, в Восточной Европе, в самой Великобритании и в мире в целом.

²⁸⁰ Харитонов Е.М. Британская инициатива о создании «Фонда поддержки демократии в Восточной Европе и на Балканах». // Официальный сайт ИМЭМО РАН. Актуальный комментарий, 23.03.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1584 (дата обращения 16.05.2015).

²⁸¹ The UK in the world. Factsheet. – London: British council, 2013. Available at: http://www.britishcouncil.org.au/sites/britishcouncil.au/files/about_us_factsheet_2.0_130214.pdf (accessed 16.05.2015).

²⁸² House of lords. The EU and Russia: before and beyond the crisis in Ukraine - European Union Committee [Electronic resource]. Available at: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldaucr/115/11502.htm>. (дата обращения 16.05.2015).

ГЛАВА 3. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: МЕХАНИЗМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Различные государственные и негосударственные организации могут иметь свои предпочтения, однако в целом приоритетные для британской «мягкой силы» направления деятельности достаточно явно перечисляются в правительственных стратегических документах, речах и выступлениях политических деятелей, материалах парламента, Британского совета и других организаций. Ключевыми направлениями реализации такой политики являются:

1. Английский язык
2. Образование
3. Наука и инновации
4. Культура и искусство
5. Спорт
6. Международное развитие
7. Внешняя политика и оборона.
8. Средства массовой информации.

Такое деление достаточно условно: к примеру, значительную часть деятельности в тематическом направлении «английский язык» также можно отнести и к сфере образования или к сфере «культура и искусство». Точно также направление «наука и инновации» во многом пересекается с тематикой образования. В связи с этим британские и отечественные авторы используют различную классификацию в своих научных публикациях. Однако для целей настоящей работы удобна представленная выше классификация, так как она позволяет подробно рассмотреть механизмы и инструменты работы по каждому из направлений.

В рамках данного исследования было принято решение сосредоточиться на пяти приоритетных направлениях политики «мягкой силы»: английский язык, образование, наука и инновации, культура, а также содействие международному развитию. При этом масштабная деятельность по увеличению «мягкой силы» с помощью содействия международному развитию рассматривается в монографии лишь частично. Также вопросы, касающиеся содействия развитию, программ Министерства обороны и «мягкой силы» были затронуты в статье автора монографии²⁸³ и материалах других авторов²⁸⁴, однако они настолько обширны, что заслуживают отдельного исследования.

Английский язык

Английский язык превратился в язык международного общения и распространен по всему миру, и это – одно из наиболее заметных в повседневной жизни явлений, напрямую относящихся к британской «мягкой силе». Доминирование данного языка – это одновременно и наследие Британской империи, и следствие экономического, технологического и политического лидерства США (в прошлом – также одной из британских колоний). По данным исследовательского проекта *Ethnologue* на этом языке говорит почти 1

²⁸³ Харитоновна Е.М. Программы содействия международному развитию и национальная безопасность: опыт Великобритании. // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2 (49). – С. 29-43.

²⁸⁴ См., напр.: Кулькова О.С. Политика Великобритании в сфере урегулирования конфликтов и миростроительства на Африканском континенте (1997–2013) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 2. – С. 49-81.

млрд. чел. (для более чем 300 млн. английский является родным и для 600 млн. чел. – вторым языком)²⁸⁵. По сведениям Британского совета английским пользуется около 1,75 млрд. человек²⁸⁶, а по оценкам британского исследователя Д. Кристала общее число использующих этот язык уже достигло 2 млрд.²⁸⁷ Таким образом, английский оказывается на третьем месте после китайского и испанского по числу носителей языка, но на первом месте – в качестве второго языка. Английский – наиболее используемый язык в сети Интернет²⁸⁸, на этом языке проводится большая часть международных научных конференций и публикуется большинство научных работ²⁸⁹.

Английский является одним из официальных языков почти в 60 странах мира, одним из шести официальных языков ООН и одним из официальных языков множества международных организаций и объединений (в том числе, Европейского Союза, Североатлантического альянса, Совета Европы, Всемирной торговой организации, и др.). На практике во многих из организаций системы ООН и других международных структурах сегодня преимущественно используется английский несмотря на то, что формально он является лишь одним из рабочих языков. Так в 2011 г. 77% текстов, которые поступили для перевода в службы Европейской комиссии, были изначально составлены на английском (7,13% – на французском и 2,74% на немецком языках)²⁹⁰. Несмотря на попытки обеспечить равноправие языков, английский язык де-факто стал основным рабочим языком ЕС, потеснив французский. Президент Германии Йоахим Гаук в своем выступлении в 2011 г. даже предложил сделать английский официальным рабочим языком ЕС и сэкономить таким образом средства, необходимые для перевода²⁹¹.

Однако после референдума о выходе Великобритании из Европейского Союза в июне 2016 г. мнения о будущем английского языка в ЕС разделились. Некоторые эксперты считают, что вероятно усиление позиций французского языка и политического влияния Франции в ЕС²⁹², другие уверены, что английский останется основным рабочим языком и важнейшим наследием Великобритании в объединении²⁹³.

79% граждан стран ЕС считают, что для будущего детей важно изучать английский язык (для сравнения – такого же мнения о французском и немецком языках придерживаются 20% жителей ЕС, а о русском – 4%)²⁹⁴. 77% детей в начальных школах в Евросоюзе изучают

²⁸⁵ English language. // Ethnologue [Electronic resource]. Available at: <https://www.ethnologue.com/language/eng>.

²⁸⁶ The English effect. – London: British Council, 2013. Available at: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/english-effect-report-v2.pdf>.

²⁸⁷ Crystal D. Two thousand million? // English Today. 2008. – № 24. – P 3-6. doi:10.1017/S0266078408000023.

²⁸⁸ По данным исследовательского агентства W3Techs, в 2016 г. 53,7% всех веб-сайтов использовали английский в качестве основного языка. См. подр.: W3Techs. Usage of content languages for websites [Electronic resource]. Available at: http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all.

²⁸⁹ См. подр.: Crystal D. English as a global language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Tardy, C. The role of English in scientific communication: lingua franca or Tyrannosaurus rex? // Journal of English for Academic Purposes. – 2004. – Vol. 3. – No 3. – P. 247–269; English as the international language of science. // Research Trends, 06.07.2008. и др.

²⁹⁰ Commission denies English language favouritism. // EurActiv.com. 4.07.2012. Available at: <http://www.euractiv.com/section/languages-culture/news/commission-denies-english-language-favouritism>.

²⁹¹ Oltermann P. Something in common: should English be the official language of the EU? // The Guardian, 24.04.2013. Available at: <http://www.theguardian.com/world/2013/apr/24/europa-english-official-language-eu>.

²⁹² Robert A. France seeks to capitalise on Brexit to gain influence in Brussels. // Euractiv. 29.06.2016. Available at: <https://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/france-seeks-to-capitalise-on-brexit-to-gain-influence-in-brussels>.

²⁹³ Mackay C. The UK may leave, but English will remain. // Euractiv. 17.06.2016. Available at: <https://www.euractiv.com/section/uk-europe/opinion/theuk-may-leave-but-english-will-remain/>

²⁹⁴ Special Eurobarometer 386. Europeans and their languages report. European Commission, 2012. p. 79. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf

английский как иностранный (при этом аналогичные показатели для немецкого и французского языков равны 3,2 и 3% соответственно)²⁹⁵.

В бизнес-среде английский также доминирует: так, многие транснациональные компании из неанглоязычных стран (в том числе, японская *Nokia*, нидерландская *Heineken*, корейская *Samsung* и французская *Renault*) используют его как основной рабочий язык²⁹⁶.

Многие исследователи анализировали историю становления английского языка в качестве языка глобального общения²⁹⁷ и отмечали, что большую роль в распространении английского в мире играли не только правительства и политика метрополий, но и деятельность отдельных граждан, транснационального бизнеса, неправительственных и международных организаций.

Популярной является модель «трех кругов» английского языка, предложенная исследователем университета Иллинойса (США) Б. Качру. Согласно этой модели, в первом круге находятся страны, для жителей которых английский является родным, и эти страны задают стандарт английского (к этой группе он отнес Великобританию, США, Канаду, Ирландию, Австралию и Новую Зеландию). Во второй круг входят страны, где в силу колониального прошлого английский стал языком важнейших государственных институтов и является значимым вторым языком (к этой группе исследователь причисляет более 50 государств, в том числе, Индию, Пакистан, Малайзию, Нигерию, Кению и других). Наконец, к третьей группе относится множество стран, где английский не имеет государственного статуса и изучается как иностранный²⁹⁸.

Прежде чем рассматривать значение английского языка для увеличения «мягкой силы» Великобритании, а также инструменты, используемые для его распространения, важно отметить два момента. Во-первых, Соединенному Королевству не принадлежит монополия на использование английского языка для увеличения своей «мягкой силы»: можно говорить о ряде англоязычных стран (прежде всего, Великобритании и США, но также Австралии, Канаде и других), которые в одних вопросах в данном отношении являются партнерами, а в других – конкурентами. Так, система тестирования на знание английского языка *IELTS* принадлежит британским и австралийской организациям, а ее конкурент *TOEFL* администрируется в США. Таким образом, иногда бывает сложно определить вклад Великобритании в распространение английского языка и отделить его от вклада других стран. Во-вторых, сегодня существует множество вариантов и диалектов английского языка. То есть, строго говоря, речь идет о распространении «английских языков», а не единственного английского языка. Зачастую различные варианты английского не просто сосуществуют, а соперничают между собой (в частности, существует определенная конкуренция между американским и британским вариантами английского).

Тем не менее роль Великобритании в распространении английского языка, и, в свою очередь, роль английского языка в увеличении британского влияния и «мягкой силы» весьма значительны. Британский совет называет английский язык «самым большим достоянием

²⁹⁵ Parker B. More than any other foreign language, European youths learn English. / Pew Research Center. 8.10.2015. Available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/10/08/more-than-any-other-foreign-language-european-youths-learn-english>.

²⁹⁶ The English effect. British Council, 2013. Available at: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/english-effect-report-v2.pdf>.

²⁹⁷ См., напр: Post-imperial English: Status Change in Former British and American Colonies 1940–1990. / eds.: Fishman, J.A., Conrad A.W. and Rubal-Lopez, A. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1996.

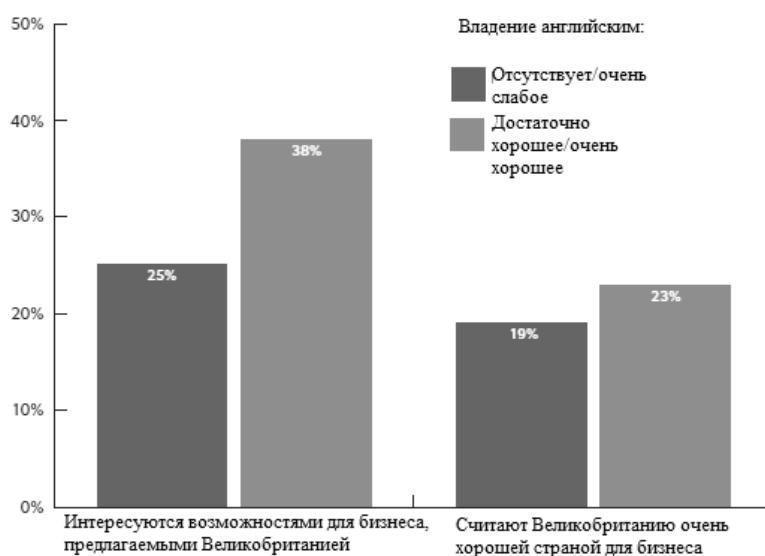
²⁹⁸ Kachru B. B. The Other Tongue: English Across Cultures. English in the global context. – Champaign: University of Illinois Press, 1992. – 384 p.

«мягкой силы»» страны²⁹⁹. Можно отметить следующие выгоды, которые страна получает благодаря глобальной роли английского:

1. **Конкурентные преимущества и усиление привлекательности.** Использование английского в качестве языка международного общения и бизнеса создает значительные конкурентные преимущества для экспорта британского образования; повышает интерес к британской культуре и искусству; снижает барьеры для работы британского бизнеса за рубежом; упрощает продвижение и популяризацию британской науки; усиливает привлекательность страны для туристов и инвесторов; способствует расширению аудитории англоязычных СМИ. Язык является одним из решающих факторов для студентов, стремящихся получить образование в Великобритании.

Например, согласно результатам опроса, проведенного в 2011 г. по заказу Британского совета исследовательской компанией *Ipsos-MORI* в шести странах (в том числе, в России), респонденты, владеющие английским языком, считают Великобританию более привлекательной для бизнеса, чем те, кто не говорит на этом языке (см. Схему 6).

Схема 6. Представления о возможностях для бизнеса в Великобритании в зависимости от степени владения английским языком (результаты исследования, проведенного компанией *Ipsos-MORI* по заказу Британского совета среди респондентов в 6 странах (Турция, Пакистан, Таиланд, Россия, Испания, Бразилия), не участвующих в британских культурных инициативах)

Источник: Британский совет³⁰⁰.

Таким образом, язык не только выступает в качестве самостоятельного ресурса «мягкой силы», но и позволяет повысить эффективность других ее ресурсов и инструментов и наоборот – привлекательность британской культуры, интерес к британским СМИ, образованию и науке и так далее также, в свою очередь, способствует усилению интереса к изучению английского языка.

²⁹⁹ Soft power and the UK's influence committee. Oral and written evidence – Vol. 1. House of Lords, London, 2014. – P. 254.

³⁰⁰ Culture means business. – London: British Council, 2013. – P. 15. Available at: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/culture-means-business-report-v2.pdf>.

2. *Язык как инструмент продвижения мировоззрения, ценностей, идей, моделей.*

Ученые неоднократно обращались к вопросу о взаимовлиянии языка и мышления. Еще в 1960 г. российский лингвист В.А. Звегинцев писал: «идея о том, что человек замкнут в своеобразном волшебном кругу своего родного языка, который сам по себе обладает определенным мировоззрением и навязывает это мировоззрение всем, пользующимся им, прошла через всю историю европейского языкознания»³⁰¹.

Данная тематика по-прежнему остается достаточно актуальной. Существует большое количество работ, посвященных вероятному влиянию языка на процессы познания, мировоззрение и мышление, роль языка в формировании картины мира, в том числе политической, гендерных и других стереотипов и так далее. Подробное рассмотрение таких исследований в рамках данной работы представляется невозможным из-за огромного объема работ и их разнообразия, однако важно упомянуть о том, что язык может рассматриваться и с таких позиций. Даже если отбросить наиболее радикальные предположения относительно определяющего воздействия языка на политическое мышление, английский представляется важным инструментом продвижения американских и британских политических концепций и идей. Многие термины и понятия (в том числе, и рассматриваемое словосочетание «мягкая сила», но также такие как «толерантность», «глобальная деревня», «гуманитарные интервенции» и т.п.) пришли в другие языки именно из английского.

3. *Язык как ресурс «экономики знаний».* Наконец, популярность английского создает условия для роста сектора услуг, связанных с преподаванием языка, изданием учебных пособий и так далее, что, в свою очередь, позволяет еще больше расширить сферу влияния английского и аудиторию для других элементов британской «мягкой силы». По оценке Британского совета только те, кто приезжает в Великобританию для изучения английского, приносят экономике страны около 2 млрд. ф. ст. ежегодно³⁰². При этом в распространении английского языка заинтересованы многочисленные негосударственные акторы – представители малого и среднего бизнеса, открывшие курсы английского языка и летние школы, частные лица – носители и преподаватели английского как иностранного, переводчики, издательства учебной литературы и другие. Таким образом, один из важных элементов британской «мягкой силы» продвигается и распространяется во многом без участия государства.

4. *Статус английского языка* в мире как языка межнационального общения также можно рассматривать в качестве подтверждения конкурентоспособности, лидерства или превосходства англоязычных стран, их моделей политического устройства и экономического развития. Некоторые авторы говорят о существовании «лингвистического империализма»³⁰³ и используют термин «лингвицизм» (по аналогии с расизмом, сексизмом и т.п.) – то есть представление о превосходстве одного языка над другими, «менее развитыми»³⁰⁴. Другие исследователи отмечают, что в развивающихся странах английский связывается с возможностями модернизации и развития по западному пути³⁰⁵. Владение английским языком с рождения (причем, «стандартным» вариантом английского – то есть британским,

³⁰¹ Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа. // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 111-134.

³⁰² Culture means business. – London: British Council, 2013. – P. 15. Available at: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/culture-means-business-report-v2.pdf>.

³⁰³ См. на эту тему: Phillipson, R. Linguistic Imperialism. – Oxford: Oxford University Press, 1992; Davies, A. Ironising the myth of linguisticism. // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 1996. – 17 (6). – P. 485–496.

³⁰⁴ Skutnabb-Kangas T., Phillipson, R. Linguicide and linguisticism. // Kontaktlinguistik/Contact Linguistics/Linguistique de contact: An international handbook of contemporary research. – Berlin & New York: de Gruyter, 1996. – P. 667–674.

³⁰⁵ Mahboob A. English: The industry. // Journal of Postcolonial Cultures and Societies. – 2011. – V 2. – No 4. – P. 46-61.

американским или австралийским, а не нигерийским или пакистанским) дает определенные преимущества при устройстве на работу за рубежом. Так, «носитель языка» с незначительным опытом преподавания имеет лучшие шансы при устройстве на работу учителем английского, чем опытный педагог, для которого английский не является родным³⁰⁶.

Однако наряду с преимуществами, предоставляемыми английским языком для «мягкой силы» и экономики Великобритании, исследователи отмечают также ряд рисков и сложностей. Один из наиболее существенных рисков обусловлен тем, что из-за повсеместного распространения английского британцы не стремятся изучать иностранные языки, так как они могут пользоваться своим родным языком для общения за рубежом. Так, в докладе Комитета по «мягкой силе» и влиянию Великобритании говорится о том, что способность Великобритании строить связи и отношения за рубежом страдает из-за того, что небольшое число британцев знает иностранные языки, а кроме того, приводит к восприятию страны как негостеприимной³⁰⁷. Согласно данным опросов общественного мнения, доля британцев, способных поддерживать диалог на одном или двух иностранных языках одна из самых низких по Евросоюзу (39 и 14% соответственно)³⁰⁸.

Британский исследователь Ричард Роуз подвергает сомнению тезис о положительном значении распространения английского языка для «мягкой силы» англоязычных государств. Он видит асимметричную ситуацию, когда преимущества получают те, кто знает и английский, и свой родной язык. Автор связывает «мягкую силу» со способностью понять другую сторону. По его мнению, в англоязычных странах (автор в первую очередь говорит о США) ошибочно считают, что владеющие английским языком разделяют их политические ценности и цели. В то же время представители других стран имеют больше возможностей для увеличения собственной «мягкой силы», влияния и убеждения, так как понимают и английский, и родной язык³⁰⁹.

Однако, несмотря на определенную критику, продвижение английского языка в мире – это, безусловно, одно из приоритетных направлений британской политики «мягкой силы».

Британский совет является ключевым институтом, реализующим такую политику по всему миру. Его деятельность не ограничивается преподаванием английского, и включает в себя следующие направления:

1. *Курсы английского языка Британского совета.* В 2015 г. действовало более 80 центров преподавания языка данной организации более чем в 50 странах мира³¹⁰. Курсы работают на коммерческой основе и составляют первостепенный источник доходов организации. Так, в 2014-2015 гг. общий доход от преподавания английского и организации экзаменов составил 480 млн. ф. ст., в то время как государственное финансирование, предоставляемое через Форин-офис, – 154,9 млн. ф. ст.

Однако привилегированное положение Британского совета на рынке образовательных услуг вызывает критику со стороны других британских организаций, занимающихся преподаванием английского за рубежом, таких как *Wall Street* (группа компаний *Pearsons*), *Cambridge English*, *International House* и других. Благодаря получаемому от правительства финансированию, выгодным условиям аренды помещений (в ряде случаев офисы

³⁰⁶ Mahboob A. English: The industry. // Journal of Postcolonial Cultures and Societies. – 2011. – V 2. – No 4. – P. 46-61.

³⁰⁷ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.L.: Stationery Office, 2014. – P. 106.

³⁰⁸ Europeans and their languages. report. Special Eurobarometer 386. European Commission, 2012. – P. 15. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf.

³⁰⁹ Rose R. Language, soft power and asymmetrical Internet communication. / Oxford Internet Institute, Research Report No 7, April 2005. Available at: www.oii.ox.ac.uk/research/publications/RR7.pdf.

³¹⁰ British Council Annual Report 2014-2015. – London: British Council, 2015. – P. 18.

Британского совета располагаются на территории британских посольств), а также отдельным налоговым льготам, курсы Британского совета обладают значительными конкурентными преимуществами по сравнению с аналогичными услугами коммерческих компаний. По словам критиков, вместо того, чтобы создавать условия для работы британских компаний, организация сама занимает долю рынка указанных услуг. В очередном обзоре работы Британского совета за трехлетний период Министерство иностранных дел и по делам Содружества обращает внимание на эту проблему и рекомендует отделить дипломатическую и культурную работу организации от коммерческой и предпринять другие меры для устранения конфликта интересов. Однако в целом в данном обзоре практика преподавания английского на курсах Британского совета оценивается положительно³¹¹.

2. *Экзамены.* Организация приема экзаменов на знание английского – еще один вид деятельности, непосредственно связанный с преподаванием этого языка. Существует несколько систем международных экзаменов, из которых наиболее популярной является *IELTS (International English Language Testing System)*. По данным, представленным на официальном сайте *IELTS*, в 2012 году его сдавали более 2 млн. чел. по всему миру³¹², а в официальном отчете одного из организаторов экзамена за 2014 г. уже говорится о 2,5 млн. чел.³¹³ Данная система экзаменов была создана в 1980-е гг., сейчас ей управляют три организации: Британский совет, Австралийское отделение международной образовательной компании *IDP (IDP: IELTS Australia)* и подразделение Кембриджского университета *Cambridge English Language Assessment*.

Ближайший конкурент экзамена *IELTS* – американская система экзаменов *TOEFL* (администрируется некоммерческой организацией *Educational Testing Service, ETS*). Существуют и другие виды экзаменов (например, *Oral Proficiency Interview, OPI*³¹⁴; *The Pearson Test of English, PTE*³¹⁵, тесты *Cambridge English*³¹⁶ и др.). Однако именно *IELTS* и *TOEFL* занимают лидирующие позиции на рынке, а их результаты признаются различными государственными и негосударственными организациями в различных странах мира. Британские, американские, канадские, австралийские и другие университеты признают результаты одного или обоих ведущих тестов при поступлении. По данным на сайте *IELTS*, результаты теста учитываются при поступлении в 9 тыс. учебных заведений в 140 странах мира³¹⁷, похожие сведения приводятся на официальном сайте экзамена *TOEFL*³¹⁸. Кроме того, результаты принимают миграционные службы англоязычных стран. Например, департамент иммиграции и защиты границ Австралии принимает результаты нескольких экзаменов на знание английского языка³¹⁹, а ведомство по визам и иммиграции

³¹¹ Foreign and Commonwealth Office. Triennial Review of the British Council. 22 July 2014.

³¹² 2 million IELTS tests last year. IELTS website [Electronic resource]. Available at: <https://www.ielts.org/news/2013/2-million-ielts-test-last-year>.

³¹³ Cambridge English. Annual Review 2014. – 36 p. Available at: <http://www.cambridgeenglish.org/images/231525-annual-review-2014.pdf>.

³¹⁴ Oral Proficiency Interview – (OPI). Language testing international [Electronic resource]. Available at: <http://www.languagetesting.com/oral-proficiency-interview-opi-2>.

³¹⁵ PTE Academic. Pearson [Electronic resource]. Available at: <http://pearsonpte.com>.

³¹⁶ Cambridge English Language Assessment [Electronic resource]. Available at: <http://www.cambridgeenglish.org/exams>.

³¹⁷ IELTS for study. IELTS [Electronic resource]. Available at: <https://www.ielts.org/what-is-ielts/ielts-for-study>.

³¹⁸ About the TOEFL iBT® Test. TOEFL [Electronic resource]. Available at: http://www.ets.org/toefl/ibt/about?WT.ac=toeflhome_ibtabout2_121127.

³¹⁹ Which English language tests are accepted by the Department? / Australian Government. Department of Immigration and Border Protection [Electronic resource]. Available at: <http://www.border.gov.au/Lega/Lega/Form/Immi-FAQs/aelt>.

Великобритании – только результаты тестов *IELTS* и тестов для получения визы, вида на жительство или гражданство, организуемых учебным заведением *Trinity College London*³²⁰.

Таким образом, стандартизированные экзамены на знание английского языка выполняют сразу несколько функций: облегчают университетам и миграционным службам оценку знаний потенциальных студентов или иммигрантов; поддерживают стандарт английского языка; приносят доходы организаторам, а также преподавателям и издателям методических пособий. Эксперты также указывают на то, что сама процедура организации экзаменов, их строгость и порядок проведения демонстрирует те ценности, которые Британия стремится распространять³²¹.

Британский совет предоставляет возможности для сдачи экзаменов в странах своего присутствия и, по данным доклада Палаты лордов, таким образом позволяет британским организациям получать около 70 млн. ф. ст. ежегодно³²².

В целом можно отметить, что деление на «британские» и «американские» экзамены становится все менее актуальным и все больше организаций по всему миру принимает результаты и *IELTS* и *TOEFL*, а также некоторые другие. Однако в докладе Палаты лордов особо отмечается конкуренция со стороны США, связанная с распространением американской «мягкой силы», а также с инвестициями в разработку методик обучения языку и тестирования. Эксперты Британского совета и некоторых других организаций в связи с этим критикуют снижение государственного финансирования деятельности совета и настаивают на пересмотре этого решения, ссылаясь на растущую конкуренцию³²³.

3. *Издательская деятельность.* Еще одна сфера, где проявляется взаимосвязь экономики и «мягкой силы», – это издательская деятельность. Интерес к изучению английского приводит к спросу на методические пособия, а также в целом на англоязычную литературу. Британские издательства смогли воспользоваться преимуществом: так, в рейтинге издательств, составленном австрийской организацией *Rüdiger Wischenbart Content*, лидирует британская компания *Pearson*, специализирующаяся на издании образовательной литературы, в том числе – учебных пособий по английскому языку, которые она распространяет по всему миру³²⁴. Тот факт, что британские и американские компании занимают значительную долю мирового издательского рынка, связан с популярностью английского языка. Однако эти достижения также непосредственно относятся к другим приоритетам «мягкой силы»: в том числе, образованию, науке и культуре. Экономические выгоды от лидерства в этой области измеряются миллиардами ф. ст. в год. Что касается «мягкой силы», то учебные пособия, книги, журналы и другие издания на английском языке, несомненно, способствуют повышению привлекательности и распространению британской культуры, идей и ценностей.

³²⁰ UK Visas & Immigration. Approved secure English language tests and test centres. https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/507780/2016-03-14_-_Approved_Secure_English_Language_Tests_and_Test_Centres_-_Website.pdf.

³²¹ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.I.: Stationery Office, 2014. – P. 105.

³²² Ibid.

³²³ Ibid.

³²⁴ The Global Ranking of the Publishing Industry 2015. Ruediger Wischenbar. – 13 p. Wien http://www.wischenbart.com/upload/Wischenbart_Ranking2015_analysis_final.pdf.

Образование

Как отмечают многие исследователи, в том числе и сам Дж. Най, одним из наиболее важных ресурсов и инструментов «мягкой силы» является образование³²⁵. Опыт Великобритании в этом отношении представляет значительный интерес и может быть использован при планировании деятельности в данной сфере в Российской Федерации.

Университеты и школы играли огромную роль с точки зрения распространения идей, норм и ценностей за пределы границ национальных государств на протяжении многих веков. К концу XX – началу XXI вв. в условиях усиливающейся глобализации возникли принципиально новые тенденции с точки зрения образования и его роли в экономике и международных отношениях. Появились такие термины и явления как «инновационная экономика» и «экономика знаний», новые формы обучения (в том числе, дистанционного, с помощью сети Интернет), и с каждым годом все больше людей получает образование за рубежом. По данным ЮНЕСКО, в 2013 г. в мире насчитывалось более 4,1 млн. студентов, уехавших для получения высшего образования в другие страны, по сравнению с 2 млн. в 2000 году. Великобритания занимает второе после США место на рынке международного высшего образования, занимая 10% данного рынка³²⁶.

Британское образование является одним из наиболее существенных ресурсов национальной «мягкой силы», что признается и в стране и за рубежом. Этот ресурс накапливался на протяжении длительного периода времени: так, Оксфордский и Кембриджский университеты были основаны еще в XIII в. и сегодня входят в десятку лучших университетов мира по версии *Times*³²⁷ (они занимают, соответственно, 2 и 4 место). Всего же в первой сотне данного рейтинга в 2015-2016 гг. находится 16 британских университетов.

Не менее давнюю историю и традиции имеют и британские школы: так, школа Кингз в Кентерберии считается самой старой из действующих сегодня в мире и ведет свою историю с 597 года³²⁸. Тем не менее, древняя история – это и не необходимое, и далеко не достаточное условие успеха. Так, занимающий 44 место в списке *Times* южно-корейский институт в Сеуле был основан в 1946 г., и в то же время ни один из итальянских университетов с не менее древней, чем у Оксфорда и Кембриджа, историей (университеты Болоньи, Падуи, Неаполя, Сиены, Рима, Флоренции и другие) не попал в первую сотню этого списка.

Необходимо отметить, что при продвижении британского образования за рубежом подчеркиваются не только история и традиции, но и современные преимущества британского образования, в том числе, достижения в области инноваций, креативных индустрий, высоких технологий и т.п.³²⁹ Министр иностранных дел и по делам Содружества

³²⁵ См.: Nye J. Soft Power and Higher Education. // EDUCAUSE, 2004. – P. 11-14. Available at: <https://library.educause.edu/~media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf>.

³²⁵ См. также: Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. – 2012. – №4 (25). – С. 85-93.

³²⁵ См. также: Лебедева М. М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО. – 2009. – №6. – С.200-205.

³²⁶ UNESCO Institute for Statistics. Global Flow of Tertiary-Level Students [Electronic resource]. Available at: <http://www.uis.unesco.org/Education/Pages/international-student-flow-viz.aspx>.

³²⁷ World University Rankings 2015-2016 [Electronic resource]. Available at: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/0/length/25>.

³²⁸ Официальный сайт школы Kings School Canterbury [Electronic resource]. Available at: <http://www.kings-school.co.uk/about/history/a-brief-history>.

³²⁹ См. подр. в Главе 2.

при правительстве Д. Кэмерона – Н. Клега У. Хейг назвал британские университеты «маяками демократических ценностей» для всего мира³³⁰.

В других мировых образовательных рейтингах³³¹, а также в категории «образование» перечисленных в Главе 1 сводных рейтингах брендов стран, «мягкой силы» и так далее Великобритания также занимает позиции лидера.

Здесь также существует и обратное влияние: будучи созданными преимущественно в западных и прежде всего, в англо-саксонских странах, образовательные рейтинги (еще в большей степени, чем рейтинги «мягкой силы» в целом) используют параметры и индикаторы, априори выгодные для американских и британских университетов³³². Таким образом, создается своего рода корреляция: к примеру, одним из ключевых параметров при оценке университетов и в рейтинге *Times* является количество иностранных студентов – что способствует высокому месту американских и британских университетов в рейтингах – и, в свою очередь, позволяет им привлекать наиболее перспективных студентов из-за рубежа.

То есть сами по себе рейтинги университетов можно также отнести к инструментам «мягкой силы» – они позволяют формировать стандарты для образовательных учреждений всего мира, и другим участникам, в том числе, и российским вузам, приходится подстраиваться под эти критерии. Этот факт неоднократно упоминался в России. В частности, на заседаниях Совета по науке и образованию при Президенте России говорили о необходимости создавать собственные образовательные рейтинги³³³.

К накопленному на сегодня потенциалу «мягкой силы» Великобритании можно отнести и сами университеты, школы, учреждения профессионального образования, и другие образовательные организации; преподавательский состав, а также административных сотрудников таких учреждений, подготовленных для работы с иностранными студентами; существующую высокую репутацию британского образования в мире, подтверждаемую разного рода рейтингами, а также, что немаловажно, – выпускников британских университетов по всему миру, которые по возвращении в свои страны становятся источниками информации для своих соотечественников.

Согласно отчету Палаты лордов, в 2013 г. в Великобритании (в образовательных учреждениях всех уровней) обучалось 435 000 студентов из-за рубежа³³⁴. При этом по оценкам Министерства бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки с 2003 по 2013 г. британские университеты выпустили около 2 млн. иностранцев, подавляющее большинство из которых вернулось после завершения обучения к себе на родину. По оценкам ведомства, за следующие десять лет (т.е. с 2013 по 2023 гг.) таких выпускников будет уже 3 млн.³³⁵

Выпускники британских вузов рассматриваются экспертами и правительством как важный элемент «мягкой силы» страны. Например, стипендиальная программа Чивнинг направлена на поддержку будущих лидеров и тех, кто будет принимать решения и оказывать

³³⁰ Hague W. Foreword. Influence and Attraction. Culture and the race for soft power in the 21st century. – London: British Council, 2013. – P. 2. Available at: www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/influence-and-attraction-report.pdf.

³³¹ См., напр.: Академический рейтинг университетов мира (Шанхайский рейтинг, Academic Ranking of World Universities) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shanghairanking.com/ru>; Всемирный рейтинг университетов QS World University Rankings [Electronic resource]. Available at: <http://www.topuniversities.com>.

³³² Созданный в Китае рейтинг Академический рейтинг университетов мира (*The Academic Ranking of World Universities, ARWU*) Шанхайского Университета также во многом ориентируется на показатели, выгодные университетам англоязычных стран.

³³³ См. материалы заседания Совета по науке и образованию при Президенте РФ от 21.01.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/6/51190>.

³³⁴ Soft power and the UK's influence committee. Oral and written evidence – Vol. 2. House of Lords, London, 2014. – P. 679.

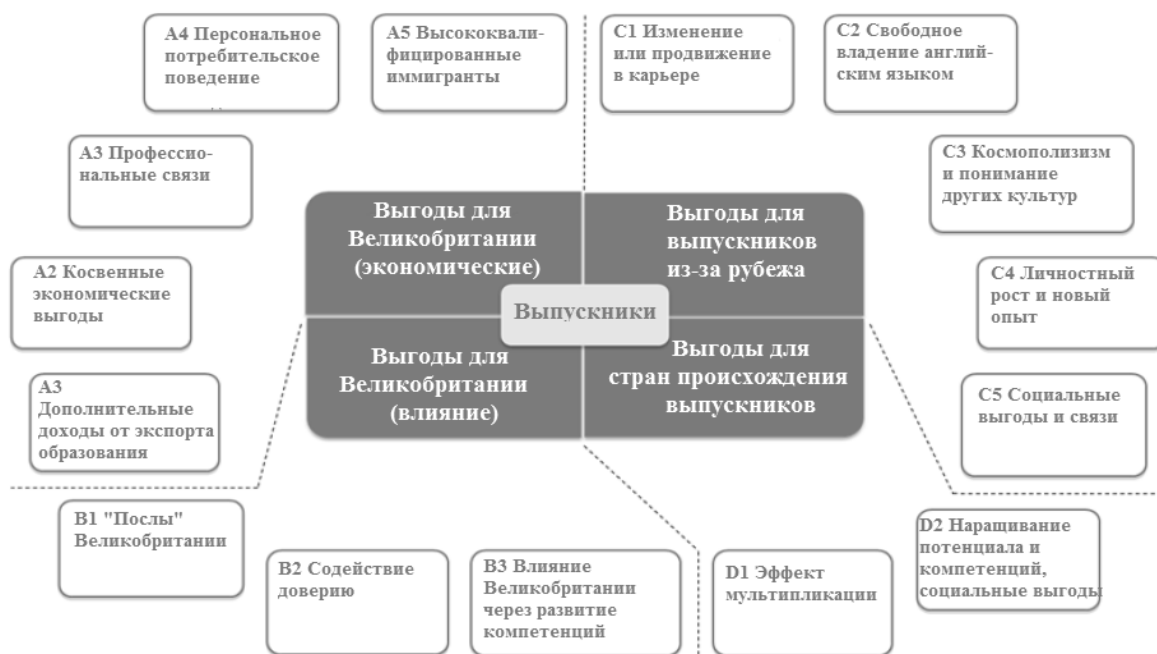
³³⁵ BIS research paper number 128. The Wider Benefits of International Higher Education in the UK. P. 15.

влияние в своих странах по всему миру. Стипендия призвана поддержать их профессиональный рост и помочь строить долгосрочные отношения с Великобританией³³⁶. Существуют также многочисленные стипендии, которые финансируются не правительством, а коммерческими компаниями, фондами и трастами. Среди них одна из самых влиятельных – стипендия Сесила Родса, которую администрирует учрежденный этим видным историческим деятелем траст Родса³³⁷.

Безусловно, стремление к сохранению и усилению позиций на глобальном рынке образования связано не только с ролью образования с точки зрения «мягкой силы», но, в первую очередь, – в целом с моделью «экономики знаний» и выбранной Великобританией стратегией экономического и инновационного развития. Здесь в очередной раз проявляется взаимосвязь между «жесткой» силой (экономикой) и «мягкой силой». Так, в 2011 г. доходы Великобритании от экспорта образования составили 17,5 млрд. фунтов стерлингов³³⁸.

В исследовании, проведенном по заказу Министерства бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки в 2013 г., демонстрируются также не прямые выгоды, которые британское образование предоставляет самим студентам из-за рубежа, их родным странам, а также преимущества для самой Великобритании: экономические и с точки зрения международного влияния (см. Схему 7).

Схема 7. Дополнительные выгоды: британское образование для иностранных студентов

Источник: Министерство бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки³³⁹.

³³⁶ Официальный сайт стипендиальной программы Чивнинг: <http://www.chevening.org>.

³³⁷ Официальный сайт Траста Сесила Родса: <http://www.rhodeshouse.ox.ac.uk>.

³³⁸ International Education Strategy: global growth and prosperity. 29.07.2013. The Department for Business, Innovation and Skills (BIS). London. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/340601/bis-13-1082-international-education-accompanying-analytical-narrative-revised.pdf (accessed 10.02.2015).

³³⁹ The Wider Benefits of International Higher Education in the UK. BIS research paper number 128. / UK Government. – London: Department for business, education and skills, 2013. – 108 p. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/240407/bis-13-1172-the-wider-benefits-of-international-higher-education-in-the-uk.pdf.

Основой для данной публикации стали результаты интервью с выпускниками британских вузов, которые проживают за пределами Европейского Союза. Как можно видеть на Схеме 7, представители британских правящих кругов стремятся исследовать дополнительные преимущества от интернационализации образования и осознают, насколько комплексным является эффект, связанный с успешным экспортом образовательных услуг: от деловых и культурных связей с сотнями тысяч перспективных и амбициозных выпускников британских вузов в других странах и до влияния через образование иностранных граждан на идеи, модели и нормы, которые они в дальнейшем смогут внедрять в странах своего происхождения. Среди дополнительных преимуществ также упомянуты косвенные экономические выгоды (например, иностранные выпускники часто возвращаются в Великобританию в качестве туристов, покупают продукцию и услуги британских брендов и так далее). Как отмечено в докладе, учитывая общее число выпускников по всему миру, эти факторы также становятся достаточно существенными для британской экономики – в дополнение к уже упомянутым прямым доходам от экспорта британского образования, а также расходов студентов во время проживания в Великобритании³⁴⁰.

Таким образом, Великобритания смогла воспользоваться современной и все более усиливающейся тенденцией к интернационализации или глобализации образования; при этом экономика и «мягкая сила» оказываются тесно связанными на самых разных уровнях.

Существует ряд инструментов, используемых правительственными и неправительственными организациями для развития и закрепления успехов в сфере образования иностранных граждан, в том числе:

1. **Программы и мероприятия по продвижению британского образования Британского совета**, реализуемые с использованием специально разработанного в 1999 г. бренда Education UK. Логотип Education UK создан с целью подчеркнуть современность британского образования и включает символ @, использующийся в адресах электронной почты, а также слоган *Innovative. Individual. Inspirational* (Инновационное, индивидуализированное, вдохновляющее):

- презентации британских учебных заведений, семинары и мастер-классы для абитуриентов по написанию заявок на обучение;
- консультации для желающих получить британское образование в офисах Британского совета и онлайн;
- консультации по получению стипендий;
- выставки британского образования под брендом *Education UK* (в 2014-2015 г. такие выставки в мире, по данным Британского совета, посетили более 250 тыс. студентов³⁴¹);
- веб-сайт *educationuk*, предоставляющий информацию для потенциальных студентов, а также страницы *Education UK* в социальных сетях, канал *StudyInTheUK* на Интернет-видеосервисе YouTube и ежемесячные информационные бюллетени для студентов и для агентств;

³⁴⁰ См. подробнее об экономических выгодах от экспорта образования другой доклад департамента бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки: Estimating the Value to the UK of Education Exports. BIS Research Paper Number 46. – London: Department for business, education and skills, 2011. – 117 p. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32395/11-980-estimating-value-of-education-exports.pdf.

³⁴¹ British Council. Annual Report 2014–2015. Available at: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/annual-report-2014-2015.pdf>.

- тренинги для агентств по всему миру, предоставляющих консалтинговые и посреднические услуги для желающих получить образование в Великобритании³⁴²;
- услуги по маркетингу для британских учебных заведений – программа *Services for International Education Marketing (SIEM)*. Данная программа включает целый ряд как платных, так и бесплатных сервисов, в том числе ежемесячные брифинги о состоянии рынков и информация о потенциальных возможностях; маркетинговые исследования относительно перспектив экспорта образования в той или иной стране мира; услуги по продвижению и рекламе для образовательных учреждений на целевых рынках и т.п. Таким образом, Британский совет выступает в качестве проводника для образовательных учреждений Соединенного Королевства на рынки стран своего присутствия.

2. Стипендиальные программы, в частности:

- правительственные стипендии Чивнинг для студентов из-за рубежа;
- стипендии в рамках программы *Erasmus* Европейского Союза³⁴³;
- другие стипендиальные программы;
- партнерство с другими странами, предоставляющими своим студентам стипендии для обучения за рубежом. Так, например, в рамках программы «Наука без границ» (*Science without Borders*), финансируемой правительством Бразилии³⁴⁴ за четыре года (по данным 2013 г.) в Великобритании прошли обучение около 10 тыс. студентов и исследователей из этой страны³⁴⁵.

3. Работа по содействию реформированию образования в других странах.

4. Образовательные программы в рамках деятельности по содействию международному развитию.

5. **Зарубежные филиалы британских учебных заведений («транснациональное образование»).** Еще одним важным направлением для британского образования за рубежом, в частности, с точки зрения механизмов распространения «мягкой силы», является так называемое «транснациональное образование» (*transnational education, TNE*) – то есть организация обучения с получением степеней британских вузов за рубежом (то, что в российской практике обозначается как создание филиалов национальных вузов за рубежом). По данным инициативы *HEGlobal*, объединяющей Британский совет и организацию по международному образованию *UK Higher Education International Unit (IU)*, Соединенное Королевство считается лидером в сфере транснационального образования, и по прогнозам это направление будет расти более быстрыми темпами, чем сектор высшего образования для иностранных студентов в самой Великобритании³⁴⁶. В 2014/2015 гг. за рубежом по таким программам обучались 663 915 студентов³⁴⁷. Примерно половина таких студентов находится

³⁴² Training for agents. British Council website [Electronic resource]. Available at: <https://www.britishcouncil.org/education/education-agents/training-agents>.

³⁴³ Erasmus Program Scholarships [Electronic resource]. Available at: http://www.erasmusprogramme.com/erasmus_scholarships.php.

³⁴⁴ Science without borders. The Program [Electronic resource]. Available at: <http://www.cienciasemfronteiras.gov.br/web/csf-eng>.

³⁴⁵ HM Government. Industrial Strategy: government and industry in partnership. 2013. – P.6. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/340600/bis-13-1081-international-education-global-growth-and-prosperity-revised.pdf.

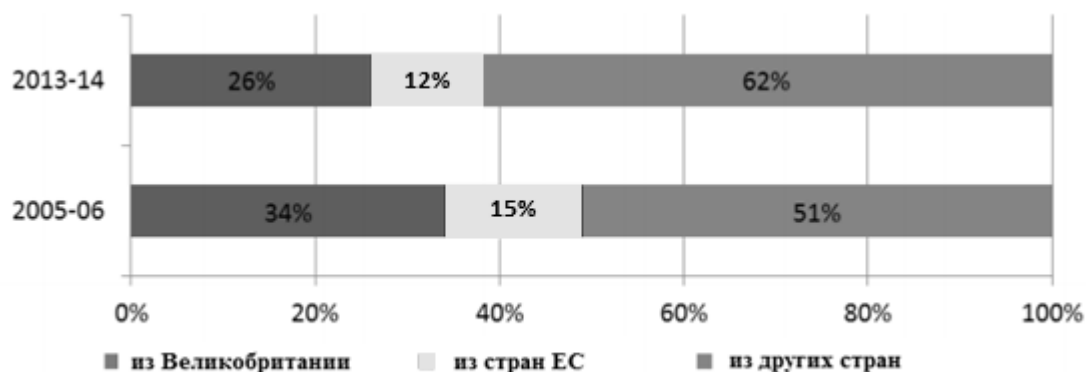
³⁴⁶ What is TNE? HEGlobal [Electronic resource]. Available at: <http://heglobal.international.ac.uk/about/what-is-tne.aspx>.

³⁴⁷ HESA aggregate offshore record, 2016 first statistical release. Higher Education Student Enrolments and Qualifications Obtained at Higher Education Providers in the United Kingdom 2014/15 [Electronic resource]. Available at: <https://www.hesa.ac.uk/sfr224>.

в Азии (почти 20% – в Малайзии и Сингапуре)³⁴⁸. Около трети новых студентов в британских высших учебных заведениях в 2012-2013 гг. начали обучение в рамках программ транснационального образования (TNE)³⁴⁹.

Однако при всех преимуществах интернационализации британского образования существует и ряд тенденций, которые вызывают определенное беспокойство экспертов и политиков. С одной стороны, согласно опубликованному в 2015 г. прогнозу Британского совета, доля Великобритании на глобальном рынке образования к 2025 г. может снизиться³⁵⁰. Организация экспортеров образования *ExEdUK* также предупреждает о риске потерять завоеванные Великобританией позиции на рынке образования, в том числе, с точки зрения распространения «мягкой силы»³⁵¹. Однако очевидно, что обе данные организации также являются лоббистами и такие прогнозы могут служить в первую очередь для усиления собственных позиций и привлечения дополнительного внимания к сфере экспорта образования.

Схема 8. Доля вновь поступивших на магистерские программы полного дня с обучением студентов из Великобритании и других стран

Источник: доклад *Global demand for English higher education*³⁵².

Другие соображения, связаны в том числе, с этическими вопросами – например, с тем фактом, что привлекая наиболее талантливых студентов из бедных стран, Великобритания, таким образом, напротив, лишает эти страны собственного потенциала для развития. Также опасения вызывает общая тенденция к «коммерциализации» образования – так, согласно статистике ОЭСР британские учебные заведения зависят от частных источников финансирования в большей степени, чем в среднем по странам ОЭСР³⁵³, чрезмерное увлечение «мультикультурализмом», возможное ухудшение ситуации с точки зрения образовательных возможностей для самих британцев: В частности, некоторые респонденты

³⁴⁸ What is TNE? HEGlobal [Electronic resource]. Available at: <http://heglobal.international.ac.uk/about/what-is-tne.aspx>.

³⁴⁹ Ilieva J. TNE and the future of student mobility. 09.12.2014. [Electronic resource]. Available at: <http://heglobal.international.ac.uk/join-the-debate/comments/tne-and-the-future-of-student-mobility.aspx>.

³⁵⁰ UK share of international students projected to fall. // British Council. 10.12.2015. [Electronic resource]. Available at: <https://www.britishcouncil.org/organisation/press/uk-share-international-students-projected-fall>.

³⁵¹ ExEdUK. Britain risks losing out to global competitors on soft power race. Press release. 13.02.14. [Electronic resource]. Available at: <http://exeduk.com/britain-risks-losing-out-to-global-competitors-on-soft-power-race>.

³⁵² Global demand for English higher education. Latest shifts and trends. HEFCE 2015 [Electronic resource]. Available at: http://www.hefce.ac.uk/media/hefce/content/pubs/2015/201502/HEFCE2015_02.pdf.

³⁵³ Education at a Glance 2015: OECD Indicators. United Kingdom. // OECD. [Electronic resource]. Available at: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/education/education-at-a-glance-2015/united-kingdom_eag-2015-85-en#page1.

исследования Министерства бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки отмечали, что в процессе обучения мало сталкивались с собственно британским образом жизни и общались в основном с такими же, как они, студентами из-за рубежа. С другой стороны, по некоторым направлениям обучения доля иностранных студентов уже выше, чем доля студентов-британцев: так, в магистерских программах полного дня, включающих обучение, доля вновь поступивших студентов из Великобритании в 2013/2014 учебном году составляла всего 26% по сравнению с 34% в 2005/2006 учебном году (см. Схему 8).

6. Программа *GREAT*³⁵⁴.

Рассмотренная выше программа *GREAT* – это еще один инструмент продвижения британского образования за рубежом. С помощью данной программы британское образование позиционируется как часть общих достижений страны и увязывается с другими направлениями «мягкой силы»: дизайном, технологиями, инновациями и так далее. Таким образом, помимо ценности образования в Соединенном Королевстве аудитории также рассказывают о других возможностях, преимуществах и достижениях страны.

Как можно увидеть, государственная политика «мягкой силы» ориентирована, прежде всего, на поддержку бизнеса и образовательных учреждений, а правительство и Британский совет играют роль посредника и проводника на международные рынки, а также оказывает маркетинговое сопровождение. При этом образовательные учреждения стремятся привлечь студентов из-за рубежа и опираются не только на государственную поддержку, но и на собственные ресурсы. Автор монографии участвовала в пресс-туре российских журналистов по британским вузам и школам, организованном в рамках программы *EducationUK* в 2004 году. В первую очередь, была очевидна несомненная заинтересованность руководства вузов, колледжей и школ Англии и Шотландии, которые принимали участников пресс-тура, в привлечении студентов из России. Внимание и интерес к российским журналистам, готовность рассказать и показать преимущества своих учебных заведений, свидетельствовали о том, насколько большую роль играют в реализации такой политики сами учебные заведения и их сотрудники.

Если говорить о долгосрочных тенденциях, то, несмотря на опасения, связанные с возможной потерей лидерства в области экспорта образования и растущей конкуренцией на рынке, в целом позиции страны достаточно устойчивые. Можно констатировать, что Великобритания смогла воспользоваться современной, и все более усиливающейся, тенденцией к интернационализации или глобализации образования, при этом экономика и «мягкая сила» оказываются тесно связанными на самых разных уровнях, а выпускники британских вузов рассматриваются экспертами и правительством как важный элемент «мягкой силы» страны.

Наука и инновации

Наука и инновации – это еще одно направление, которое играет важную роль в политике «мягкой силы» страны. Роль науки и инноваций для «мягкой силы», как и в случае с другими приоритетными направлениями реализации такой политики, многомерна.

Для Великобритании, которая не перестает оставаться «мастерской мира», статус научной державы является значимым уже длительное время. Прорывы в области науки и технологий позволили Британской империи в свое время стать ведущей мировой державой и обусловили ее преимущества в области «жесткой силы», стали решающим преимуществом Великобритании в постимперский период, в частности, обеспечив место страны в числе крупнейших экономик мира. Одновременно наука работала и на британскую «мягкую силу».

³⁵⁴ См. подр. в Главе 2.

Имена автора теории эволюции Чарльза Дарвина, одного из создателей классической физики Исаака Ньютона, основоположника идеи об электромагнитном поле Майкла Фарадея, открывателя пенициллина Александра Флеминга и многих других великих британцев известны во всем мире и до сих пор влияют на представления о Великобритании, увеличивают привлекательность страны для туристов, высококвалифицированных специалистов и ученых, студентов и аспирантов. Британские ученые более 100 раз становились лауреатами Нобелевской премии. Выступая с речью по поводу новой промышленной стратегии Великобритании в мае 2018 г. премьер-министр страны Тереза Мэй упомянула многих великих ученых прошлого. Одновременно большое внимание уделяется современным научным достижениям Великобритании. Так, в том же выступлении Т. Мэй упоминает открытие графена, британские разработки в таких областях как геномная терапия, магнитно-резонансная томография и др.³⁵⁵

Таким образом, обеспечивая экономические и военные преимущества, достижения в области науки и инноваций одновременно работают и на «мягкую силу» страны. Они становятся неотъемлемой частью образа современной высокоразвитой державы, имеющей возможности и потенциал влиять на международную повестку дня. Статус одного из лидеров в данной области и деятельность правительства и связанных с ним организаций также позволяет привлекать в страну талантливых ученых, исследователей, студентов и аспирантов, которые, в свою очередь, усиливают научный потенциал страны.

В последнее время все большей популярностью пользуется термин «научная дипломатия», в продвижении которого ведущую роль играют британские и американские эксперты и ученые. Описание трех измерений научной дипломатии было сформулировано в совместной публикации Американской ассоциации содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science, AAAS) и Лондонского Королевского общества (Royal society), представленной в 2010 г. В публикации выделяются: 1) *наука в дипломатии* – использование научных знаний для обеспечения внешней политики; 2) *дипломатия для науки* – дипломатическое обеспечение международного научного сотрудничества; 3) *наука для дипломатии* – улучшение отношений между странами с помощью совместных научных разработок³⁵⁶. Научная дипломатия может быть представлена в качестве одного из инструментов «мягкой силы» страны, но может рассматриваться и в других контекстах – как инструмент глобального управления или как часть экспертно-аналитического обеспечения внешней политики.

Правительственные структуры регулярно заказывают исследования, позволяющие оценить позиции британской науки в мире. В 2016 г. по заказу Департамента (министерства) бизнеса, энергетики и индустриальной стратегии был проведен анализ состояния научных исследований в Великобритании в сравнении с ситуацией в ключевых развитых и развивающихся странах и со среднемировыми показателями. Согласно опубликованным результатам, в 2014 г. Великобритания тратила 2,7% от глобальных расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), и в ней проживало всего 0,9% населения мира. При этом на долю страны приходилось 10,7% научных цитирований и 15,2% наиболее цитируемых статей в мире. Безусловно, одним из факторов, способствующих таким впечатляющим результатам, стал английский язык, о роли которого для «мягкой силы» страны сказано выше. Продвижение английского как языка международного общения существенно повышает конкурентоспособность британских университетов и научно-экспертных центров. Однако этот фактор далеко не единственный:

³⁵⁵ Разработчики первого метода получения графена, ученые из России А.К. Гейм и К.С. Новосёлов, были удостоены в 2010 г. Нобелевской премии по физике за это открытие, являясь сотрудниками Манчестерского университета.

³⁵⁶ New frontiers in science diplomacy. 2010. – London, Royal Society, 2010 Available at: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf.

сказывается и значительный опыт работы государственных и негосударственных структур по развитию и интернационализации науки и образования, существующие традиции и инфраструктура, возможности привлечения талантливых студентов, аспирантов и ученых из других стран, вклад британских высокотехнологичных компаний и другие преимущества. Как отмечают эксперты, Великобританию отличает в значительной степени интернационализированный рынок научных кадров и высокий уровень развития фундаментальной науки. В стране функционирует одна из наиболее крупных систем стимулирования взаимодействия науки и промышленности³⁵⁷

В рассматриваемый в монографии период наука и технологии оказывались частью реализуемой стратегии «мягкой силы» страны. Так, при правительстве Т. Блэра стратегия правительства включала продвижение образа Великобритании как центра науки и инноваций. В отчетах Министерства иностранных дел и по делам Содружества (МИД) перечисляются реализованные и планирующиеся мероприятия, направленные на достижение этой цели, в том числе, кампании *Think UK* в Китае (2003 г.), *UK Science and Technology Campaign* в Северной Америке (2004 г.) или *Innovation UK* в Японии (2005 г.) .

При коалиционном правительстве консерваторов и либеральных демократов и затем при консервативном правительстве под руководством Д. Кэмерона наука и инновации становятся одними из центральных тем кампании *GREAT*. о которой сказано выше.

Одновременно с реализацией инициатив по обновлению имиджа страны как при правительствах лейбористов Т. Блэра и Г. Брауна, сменившего своего предшественника на посту премьер-министра в 2007, так и при правительствах консерваторов и либеральных демократов, а затем правительствах консерваторов под руководством Д. Кэмерона и Т. Мэй проводился анализ государственной научной и инновационной политики, в том числе, ее внешнеполитического измерения.

Можно перечислить несколько докладов по результатам подобного анализа: отчет 2003 г. «Конкурируя в глобальной экономике: вызов в области инноваций», публикация 2007 г. «Гонка к вершине: обзор политики правительства в области науки и инноваций» и, наконец, серию правительственных материалов 2010-2012 гг. Если в 2003 г. основное внимание авторов доклада уделяется экономическим возможностям, которые наука и инновации открывают перед Великобританией, то уже в 2007 г. замечен также акцент на внешнеполитических аспектах. Так, в публикации 2007 г. рекомендуется провести информационную кампанию через посольства, чтобы подчеркнуть роль Великобритании как глобального лидера в области науки и инноваций. В 2010-2012 гг. уже публикуются отдельные отчеты с анализом научно-технической составляющей деятельности каждого из правительственных департаментов, в том числе, министерства иностранных дел и по делам Содружества (МИД) и Департамента международного развития. В докладе о научно-техническом компоненте деятельности внешнеполитического ведомства говорится о «преимуществах, связанных с усиливающимися научными связями МИД для дальнейшего развития международных отношений». Авторы документа считают, что наука должна быть интегрирована в работу министерства: научные данные необходимы для планирования и реализации политики; наука должна влиять на международную систему взглядов и укреплять репутацию страны.

Среди стратегических документов, позволяющих сделать выводы о британском подходе к сопряжению науки и дипломатии – правительственная научно-инновационная инвестиционная стратегия на 2004-2014 гг., в которой наука и технологии представлены как средство обеспечения максимального влияния Великобритании за рубежом, формирования позитивного имиджа страны, воздействия на международную политику для решения

³⁵⁷ Шелюбская Н.В. Государственное стимулирование интеллектуальной мобильности в Великобритании // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2015. – № 1 (31). – С. 115–130.

глобальных проблем. Научно-инновационная стратегия 2014 г. в еще большей степени акцентируется на данном вопросе. В частности, говорится о роли науки в том, чтобы «оставлять приоткрытыми двери во времена наибольших разногласий между государствами»; о том, что «наука и инновации должны оставаться неотъемлемой и важной частью дипломатических усилий Великобритании». Британские научные достижения признаются существенной составляющей «мягкой силы» страны, а наука – важным элементом дипломатии XXI в. Присущие науке рациональность, прозрачность и универсальность могут, по словам авторов стратегии, увеличить доверие в двусторонних отношениях через создание неполитических партнерств. В документе говорится, что достижения и лидерство в науке, технологиях и инновациях могут открыть ряд формальных и неформальных каналов влияния и предоставить возможности, выходящие за пределы национальных. Кроме того, «наука способствует созданию политических, экономических и социальных связей даже в политически непростых обстоятельствах».

Сегодня, после решения Великобритании о выходе из Европейского союза, правительство пытается сформулировать новое видение внешней политики страны под вывеской «Глобальная Британия». В меморандуме МИД по этому вопросу говорится о лидерстве страны в решении глобальных проблем и о значимости достижений в области науки и инноваций для «мягкой силы» страны. Также в 2016 г. был опубликован план развития министерства иностранных дел и по делам Содружества «Future FCO». Среди ключевых задач министерства – обеспечение глобального влияния. Его предлагается увеличивать и с помощью «мягкой силы», основанной на привлекательности науки, культуры и образования.

Позиционирование Великобритании в качестве одного из мировых лидеров в области науки и образования, а также продвижение английской культуры и языка входят в задачи Британского совета. Еще в 1945 г. влиятельный научный журнал «Nature» отметил важную роль Британского совета в информировании зарубежной аудитории о текущих исследованиях в Великобритании и обеспечении контактов между учеными³⁵⁸.

Проекты Британского совета в области науки включают организацию различных выставок, семинаров, публичных лекций ученых, оказание финансовой поддержки научным мероприятиям и др. Например, совет на протяжении нескольких лет является соорганизатором научного фестиваля в Афинах (Греция)³⁵⁹, проводит научные симпозиумы с участием ученых из Великобритании и стран Ближнего Востока³⁶⁰. В 2015 г. Британский совет выступил одним из организаторов семинара по научной дипломатии в Индонезии³⁶¹, в 2015–2017 гг. провел серию лекций британских ученых в Сингапуре в рамках упомянутой ранее кампании GREAT³⁶².

В 2001 г. правительство инициировало создание Научно-инновационной сети Великобритании. Она работает при поддержке МИД и Министерства бизнеса, инноваций и профессионального образования и в настоящее время объединяет около 90 сотрудников в разных странах. Одна из задач сети – «в большей степени связать науку с приоритетами

³⁵⁸ The British Council // Nature. 1945. – V. 156. – P. 122–123. Available at: <https://www.nature.com/articles/156122a0.pdf> (accessed: 25.06.2018).

³⁵⁹ Athens science festival. Available at: <http://www.athens-science-festival.gr/en> (accessed: 25.06.2018).

³⁶⁰ См., например: Kuwait science collaboration symposium // British Council Bahrain. Available at: <https://www.britishcouncil.bh/en/events/kuwait-science-symposium> (accessed: 20.06.2018).

³⁶¹ Workshop on science diplomacy // British Council Indonesia. Available at: <https://www.britishcouncil.id/en/events/workshop-science-diplomacy> (accessed: 20.06.2018).

³⁶² Knowledge is GREAT lecture series // British Council Singapore. Available at: <https://www.britishcouncil.sg/programmes/education/knowledge-great-lecture-series> (accessed: 20.06.2018).

внешней политики»³⁶³. Ее сотрудники, как правило, работают в посольствах и консульствах Соединенного Королевства за рубежом. В настоящее время сеть охватывает около 40 стран, в том числе 16 в Европе (многие государства ЕС, а также Швейцария, Россия и Турция), 8 – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Австралия, Новая Зеландия, Китай, Япония и др.), 11 стран, объединенных в группу «Индия, Ближний Восток и Африка» (включая Израиль, Саудовскую Аравию, Южно-Африканскую Республику и др.), и, наконец, 5 государств обоих американских континентов³⁶⁴.

Персонал сети проводит анализ текущей ситуации в стране пребывания с точки зрения научно-инновационного потенциала и возможностей для сотрудничества с Великобританией; участвует в координации совместных проектов и грантовых программ; поддерживает работу двусторонних научных комиссий и другие дипломатические инициативы; взаимодействует с представительствами британских организаций в этих государствах (например, с Британским советом, объединениями бизнеса и др.). Так, в Бразилии реализуются программы в рамках трех приоритетных направлений: расширение диалога с правительством страны на всех уровнях и с местными партнерами; улучшение имиджа Соединенного Королевства с опорой на достижения в научно-инновационной сфере; привлечение инвестиций со стороны бразильского бизнеса и поддержка деловых партнерств в данной области³⁶⁵.

Кроме того, в нескольких странах существует пост атташе по науке, а в столице Великобритании проводятся встречи Лондонского дипломатического научного клуба, объединяющего научных атташе ряда зарубежных дипломатических представительств. Клуб организует встречи и семинары по различным вопросам. Например, в 2016 г. совместно с Имперским колледжем Лондона он провел встречу по вопросам изменения климата в преддверии конференции ООН по данному вопросу³⁶⁶.

В 2009 г. учреждена должность главного научного советника Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании. Она предполагает частичную занятость, и ученый, который занимает эту позицию, может продолжать академическую деятельность. Советник консультирует министра иностранных дел, других министров и официальных лиц по вопросам науки и инноваций во внешней политике в соответствии с приоритетами работы МИД. Одна из функций главного научного советника – способствовать формированию внешней политики на основе современных научных данных (например, по вопросам изменения климата, противодействия распространению ядерных вооружений или освоения арктических регионов). В его задачи также входят содействие международному научному сотрудничеству и использование его для улучшения отношений между странами.

Подобные должности стали появляться и в других странах. В 2016 г. по результатам встречи научных советников США, Великобритании, Новой Зеландии и Японии, а также представителей дипломатических ведомств еще нескольких государств была создана международная Сеть советников по науке и технологиям министерств иностранных дел³⁶⁷.

³⁶³ The Royal Society – written evidence to the House of Lords select committee on soft power and the UK's influence // The Royal Society. Available at: <https://royalsociety.org/~media/policy/Publications/2013/rs-submission-to-soft-power-consultation-18092013.pdf> (accessed: 25.06.2018).

³⁶⁴ См. полный список на официальной странице сети: UK Science and Innovation Network // UK Government. Available at: <https://www.gov.uk/world/organisations/uk-science-and-innovation-network> (accessed: 25.06.2018).

³⁶⁵ UK Science & Innovation Network country snapshot: Brazil // UK Science & Innovation Network. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/470775/Brazil_Snaps_hot.pdf (accessed: 15.06.2018).

³⁶⁶ Franklin-Cheung A. International diplomats confer with imperial experts ahead of UN climate summit // Imperial College London. 04.11.2016. Available at: <https://www.imperial.ac.uk/news/175738/international-diplomats-confer-with-imperial-experts> (accessed: 15.06.2018).

³⁶⁷ Foreign Ministries S&T Advisors Network (FMSTAN) // INGSA. Available at: <http://www.ingsa.org/chapters/fmstan> (accessed: 25.06.2018).

Такие инициативы позволяют сформировать дополнительные дипломатические каналы коммуникации между странами. Ученым, занимающим должности советников по науке, часто проще найти общий язык и наладить более тесные контакты, чем официальным лицам.

В 2014 г. начал работу Фонд Ньютона, финансируемый государством в рамках официальной помощи развитию. Он призван способствовать экономическому и социальному благополучию стран-партнеров с помощью выделения средств на проекты в области науки и инноваций. Утвержденный бюджет фонда составлял 75 млн ф. ст. в год на пять лет, однако в 2015 г. был увеличен вдвое, до 150 млн. ф. ст. в год, а первоначальная программа финансирования продлена до 2021 года. Таким образом, общие инвестиции Великобритании через фонд к 2021 г. составят 735 млн. ф. ст.³⁶⁸ Средства распределяются через 15 партнерских организаций, среди которых семь специализированных исследовательских советов (например, Совет по медицинским исследованиям, Совет по исследованиям в области экономических и социальных наук и др.), а также инновационные и исследовательские агентства *Innovate UK* и *Research England*, вместе с советами составляющие объединенное Национальное научно-инновационное агентство *UK Research and Innovation*³⁶⁹. В настоящее время Фонд Ньютона представляет собой наиболее важный инструмент реализации проектов в области научно-технического сотрудничества и одновременно работает на научную дипломатию страны. Программы фонда реализуются в 17 государствах, в том числе в Китае, Турции, Индии, Бразилии и др.³⁷⁰ Например, в Китае с 2014 по 2017 г. фонд профинансировал более 450 проектов, в частности исследования по проблемам изменения климата, резистентности к противомикробным препаратам, влияния загрязнения атмосферы на здоровье людей, обучающие программы для молодых ученых³⁷¹. Работа фонда, таким образом, одновременно относится к трем основным пересекающимся сферам: содействие международному развитию, научно-техническое сотрудничество и научная дипломатия, каждая из которых играет роль в увеличении «мягкой силы» страны.

Помимо национальных институтов и механизмов существует также ряд международных программ и инициатив, которые способствуют британской научной дипломатии и работают на «мягкую силу» страны. В частности, Великобритания является участником Европейской организации по ядерным исследованиям (*Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire, CERN, ЦЕРН*) с момента ее основания в 1954 г., и британские представители неоднократно ее возглавляли. Кроме того, британские ученые подключены к работе в рамках формальных и неформальных международных объединений, в которых участвует Соединенное Королевство. Например, в 2013 г., когда Великобритания была председателем «Большой восьмерки», Королевское общество принимало у себя министров по науке и представителей национальных академий наук стран, входящих в эту группу³⁷². На встрече обсуждались глобальные вызовы и проблемы, в том числе устойчивость бактерий к антибиотикам и изменение климата. Речь шла о возможности выработки согласованной политики для противостояния общим угрозам. Таким образом, в рамках действующего международного клуба Лондон также использует элементы научной дипломатии, в данном случае в формате дипломатии «полуторного трека» с участием ученых. Одновременно Британия позиционируется как ответственный участник мирового сообщества, чей уровень

³⁶⁸ About // The Newton Fund. Available at: <http://www.newtonfund.ac.uk/about> (accessed: 25.06.2018).

³⁶⁹ См. подробнее: UK Research and Innovation. Available at: <https://www.ukri.org> (accessed: 25.06.2018).

³⁷⁰ About partnering countries // The Newton Fund. Available at: <http://www.newtonfund.ac.uk/about/about-partnering-countries> (accessed: 20.06.2018).

³⁷¹ UK Science & Innovation Network country snapshot: China // UK Science & Innovation Network. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/681355/China_Snaps_hot.pdf (accessed: 20.06.2018).

³⁷² G8 science ministers and national science academies meet at Royal Society // Royal Society. 12.06.2013. Available at: <https://royalsociety.org/news/2013/science-ministers-and-national-academies> (accessed: 25.06.2018).

научного развития позволяет играть значимую роль при поиске ответов на общемировые вызовы.

Опросы общественного мнения за рубежом и позиции Великобритании в рейтингах «мягкой силы» показывают, что усилия по позиционированию страны как одного из лидеров в научной и инновационной сфере приносят свои плоды. Так, в упомянутом выше «Индексе национальных брендов», ежегодно выпускаемом компанией GfK в 2017 г. Великобритания заняла 5-е место по показателю «вклад в инновации в науке и технологиях»³⁷³. Социологический опрос, проведенный по заказу Британского совета в странах «Большой двадцатки» в 2017 г., показал, что около 70% респондентов воспринимают Великобританию как одного из мировых лидеров в сфере высшего образования и академических исследований³⁷⁴.

Однако привлекательность страны для ученых может пострадать в связи с решением о выходе из ЕС. Так, опрос, проведенный в Испании, показал, что для 71,6% ученых в этой стране привлекательность Британии как места для проведения исследований снизилась после референдума 2016 г.³⁷⁵ Такие результаты не удивительны, ведь неопределенность по поводу будущего академической мобильности и статуса исследователей из ЕС сохраняется. Более того, наиболее значимые для страны международные научные проекты реализуются Европейским союзом, и сейчас, после решения о выходе Великобритании из ЕС, принятого на референдуме в июне 2016 г., будущее многих подобных инициатив остается неясным. Правительство Т. Мэй достигло договоренностей с Брюсселем о том, что британские ученые по-прежнему смогут получать финансирование в рамках крупнейшей программы Евросоюза по развитию научных исследований и технологий «Горизонт 2020», рассчитанной до 2020 года³⁷⁶. Вместе с тем под вопросом остаются другие общеевропейские исследовательские инициативы, а также возможность ученых из стран ЕС продолжить работу в британских научных организациях, а для граждан Великобритании – в государствах-членах Евросоюза.

Кроме того, усилия по продвижению британской науки зачастую по-разному интерпретируются в СМИ и социальных сетях в Соединенном Королевстве и в других странах. Некоторые исследования показывают, что негативная и недостоверная информация передается в несколько раз быстрее, чем позитивная и правдивая³⁷⁷. Любопытным и в какой-то степени курьезным примером служит распространение в российском медиа-пространстве ироничного выражения «британские ученые установили», предваряющего заведомо абсурдные или бессмысленные утверждения. То, что британские ученые стали фольклорным персонажем в нашей стране может оказаться одним из косвенных результатов продвижения национальной науки за рубежом, а также выявлять недостатки существующей в Великобритании системы организации и финансирования научных исследований.

Наука и инновации остаются важнейшими драйверами экономического развития Великобритании. По данным правительства, оборот одного только о сектора естественных

³⁷³ How the world views Britain – 2017. Foresight – issue 158 // VisitBritain. November 2017. Available at: https://www.visitbritain.org/sites/default/files/vb-corporate/Documents-Library/documents/foresight_158_-_how_the_world_views_britain_2017.pdf (accessed: 20.06.2018).

³⁷⁴ Lotten M. From the outside in // British Council. June 2017. Available at: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/from_the_outside_in.pdf (accessed: 20.06.2018).

³⁷⁵ Time for Science and Innovation to remain at the heart of the Brexit process. // SRUK/CERU/. 29.03.2018. Available at: <https://sruk.org.uk/time-for-science-and-innovation-to-remain-at-the-heart-of-the-brexit-process>.

³⁷⁶ UK participation in Horizon 2020 // UK Government. Department for Business, Energy and Industrial Strategy. 23.06.2018. Available at:

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/686810/Horizon_2020_Core_lines.pdf (accessed: 25.06.2018).

³⁷⁷ Vosoughi B.S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online. // Science. 2018. – V. 359. – I. 6380. – P. 1146-1151.

наук в 2017 г. составлял более 70 млрд. ф. ст. и данный сектор обеспечивал 241 тыс. рабочих мест³⁷⁸. Деятельность в области «мягкой силы» по продвижению Британии как лидера в научной сфере позволяет доносить до зарубежных аудиторий информацию о британских научных достижениях, привлекать талантливых исследователей из других стран, способствует росту инвестиций в научный сектор страны. Таким образом, как и в случае с образованием, продвижение британской науки за рубежом направлено на увеличение благосостояния страны.

Культура

Одним из ключевых для «мягкой силы» не только Великобритании, но и любой другой страны, направлением государственной политики является деятельность в области культуры и искусства.

Понятие «культура» очень широкое и всеобъемлющее. Толковый словарь Ушакова определяет культуру как «совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе», а также «то или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-либо эпоху, у какого-либо народа, класса»³⁷⁹, а Толковый словарь Ефремовой – как 1) совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений; совокупность таких достижений в определенную эпоху, у определенного народа; уровень развития каждой из областей – интеллектуальной, общественной и производственной – жизни; конкретные результаты такого развития; и 2) совокупность памятников литературы, искусства, архитектуры и т.п., относящихся к одному времени, определенной территории.

Роль культуры в международных отношениях можно изучать в разных (хотя и пересекающихся) контекстах. С одной стороны, культура непосредственно связана с процессами глобализации: появляется «глобальная культура», а глобализация оказывает влияние на локальные культуры. Англоязычные страны, в том числе, Великобритания, оказались в центре этих процессов и смогли воспользоваться связанными с культурной глобализацией преимуществами, сохраняя и продвигая во вне собственную уникальную идентичности (идентичности).

Другой широкий круг вопросов касается концепции «культурной дипломатии»: этой теме посвящено множество работ как зарубежных, так и отечественных специалистов. Особое внимание исследователи уделяют культурной дипломатии США и СССР в период «холодной войны»³⁸⁰. Дж. Най называет культурную дипломатию важным инструментом «мягкой силы»³⁸¹.

Наконец, еще одна сфера, которая постоянно упоминается в британских стратегических документах и обсуждениях относительно культуры и «мягкой силы» – экономическая. Если в России культура и образование, как правило, воспринимаются как «статьи расходов» в

³⁷⁸ UK life sciences sector brings record growth as new Life Sciences Council meets for first time. // UK Government. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/uk-life-sciences-sector-brings-record-growth-as-new-life-sciences-council-meets-for-first-time>.

³⁷⁹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

³⁸⁰ См., напр.: Cultural Diplomacy Institute [Electronic resource]. Available at: <http://www.culturaldiplomacy.org>; Bound K, Briggs R, Holden J, Jones S. Cultural Diplomacy. – London: Demos, 2007. Available at: www.demos.co.uk/publications/culturaldiplomacy; Cultural Diplomacy: does it work? // Ditchley Foundation, 2012. [Electronic resource]. Available at: www.ditchley.co.uk/conferences/past-programme/2010-2019/2012/cultural-diplomacy и др.

³⁸¹ Nye J. Soft Power and Cultural Diplomacy. // Public Diplomacy Magazine, 01.2010. Available at: <http://publicdiplomacymagazine.com/soft-power-and-cultural-diplomacy>.

государственном бюджете, то в британском властном политическом дискурсе постановка вопроса принципиально другая. Как и образование, культура воспринимается не только как источник «мягкой силы» государства, но и как важный ресурс современной экономики.

В рамках настоящей работы не представляется возможным глубоко рассмотреть комплекс вопросов, связанный с взаимовлиянием различных культур и отражением этих процессов в международных отношениях. Как и в предыдущих параграфах, автор ставит перед собой более скромную задачу: описать те институты и механизмы, которые Великобритания использует для увеличения «мягкой силы» в области культуры и искусства. Тем не менее нельзя не упомянуть огромное значение культуры с точки зрения роли Британии и британского влияния в мире: как в исторической перспективе, так и в настоящий момент. Речь идет о культуре в самом широком смысле: значении английского языка, политической культуры, традиций, культуры поведения и этикета и, безусловно, литературы, музыки, изобразительного искусства, театра и кино, музеев, британского культурного наследия и архитектуры, моды и дизайна и так далее.

Политика Соединенного Королевства в данном отношении представляется весьма прагматичной и неизменно связанной с текущей экономической и внешнеполитической стратегией. Как и в случае с образованием, зарубежная деятельность Великобритании в области культуры связана не только с желанием распространить «мягкую силу», но и с избранной экономической стратегией.

Важную роль в формировании современного политического дискурса сыграла идея «креативных» (или «творческих») индустрий. Возникновение этого направления и термина связывают с инициативой правительства Т. Блэра. В 1997 г. оно учредило Рабочую группу по креативным индустриям в рамках созданного в этом же году Министерства культуры, СМИ и спорта³⁸². В 1998 г. министерство опубликовало документ, в котором креативные индустрии позиционировались в качестве крупного и постоянно растущего компонента британской экономики³⁸³. К креативным индустриям авторы документа отнесли архитектуру, рынок искусства и антиквариата, ремесла, дизайн, моду, фильмы и видео, рекламу, создание компьютерных программ и игр, издательскую деятельность, телевидение и радио, музыку, сценическое искусство.

Интерес государства к продвижению креативных индустрий за рубежом отразился на деятельности ключевых институтов «мягкой силы»³⁸⁴. В то же время, как следует из большинства стратегических документов на эту тему, правительственным структурам отводится вспомогательная роль. Ориентация на экономическую составляющую и добавленную стоимость, производимую в секторе креативных индустрий, означает, что основной движущей силой для продвижения британской культуры за рубежом становятся коммерческие компании и учреждения культуры, привлекающие в том числе частные финансовые средства.

Так, в публикации Британского совета о роли культуры для «мягкой силы» страны под названием «Влияние и привлекательность» многократно повторяются рекомендации правительству опираться на бизнес и неправительственные организации. Исходящие напрямую от правительства инициативы, по словам авторов публикации, «воспринимаются с настороженностью и враждебностью». В то же время прямое взаимодействие между людьми в рамках культурных обменов, инициативы коммерческих и некоммерческих компаний

³⁸² Flew, T. *The Creative Industries, Culture and Policy*. – London: Sage Publications, 2012. – P. 9.

³⁸³ *Creative Industries Mapping Document*. / Department for Culture, Media and Sport. – London, 1998.

³⁸⁴ См. подр. выше.

создают доверие, способствуют инновациям и снижают зависимость от бюджетных средств³⁸⁵.

Авторы работы определяют три крупных, связанных между собой, направления в сфере культуры:

1) Финансируемые государством или спонсорами (филантропами) традиционные направления, такие как театр, балет, культурное наследие, изобразительное искусство и так далее. Это направление играет большую роль в международных отношениях. Так, 57% туристов в Великобританию отмечают, что культурное наследие и искусство повлияли на их выбор направления для путешествий. По оценкам экспертов, доходы от туризма, связанные с культурой и наследием составляют около 4,5 млрд. ф. ст. в год³⁸⁶. Однако авторы доклада «Влияние и привлекательность» отмечают, что помимо экономических показателей, речь также идет и о «мягком» влиянии: по возвращении домой туристы делятся впечатлениями о Великобритании, достопримечательностях и учреждениях культуры. Таким образом, культура играет значительную роль для создания благоприятного имиджа страны за рубежом.

2). Коммерческая деятельность в сфере культуры. Влияние массовой культуры на образ страны за рубежом и ее привлекательность – это очевидная реальность. Так, многие говорят о том, что представления о США во многом формируются Голливудом. Позиции Великобритании в сфере массовой культуры достаточно сильны, что проявляется и в экономике: только доходы от музыкальной индустрии оцениваются в 2 млрд. ф.ст. в год.

3) Наконец, еще одна сфера, на которую обращают внимание авторы доклада – это культурные инициативы частных лиц (например, собственноручно выполненные изделия, собственная музыка, пение в хоре). Благодаря современным средствам коммуникации и социальным сетям такие инициативы за последнее время приобрели гораздо большее значение с точки зрения взаимодействия культур и влияния на образ страны за рубежом.

Несмотря на то, что все британские эксперты, и автор термина Дж. Най постоянно напоминают о второстепенной роли государства³⁸⁷ в области культуры, те же эксперты одновременно говорят о необходимости увеличения государственного финансирования, выделяемого на культурные инициативы за рубежом, а также о важности согласованных действий. Так, например, аналитический центр Демос в публикации 2007 г., посвященной культурной дипломатии и «мягкой силе», сетует на то, что важность культуры для экономики и влияния на международной арене «не всегда понимается в правительстве», и призывает к усилению координации и реализации согласованной политики перед лицом возрастающей конкуренции в этой сфере³⁸⁸. Комитет по «мягкой силе» Палаты лордов также отметил необходимость согласованной деятельности и рекомендовал правительству пересмотреть решения об уменьшении бюджетных расходов на ряд направлений, а также рассмотреть возможности налоговых льгот и других путей стимулирования частных вложений в сферу культуры³⁸⁹.

³⁸⁵ Influence and Attraction: Culture and the race for soft power in the 21st century./ British Council. – London: British Council, 2013. – P. 4. Available at: www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/influence-and-attraction-report.pdf.

³⁸⁶ VisitBritain. Culture and Heritage Topic Profile Statistics. 2010 [Electronic resource]. Available at: www.visitbritain.org/Images/Culture%20&%20Heritage%20Topic%20Profile%20Full_tcm29-14711.pdf, P. 5-6; Association of Leading Visitor Attractions Visitor Statistics [Electronic resource]. Available at: <http://alva.org.uk/details.cfm?p=423>.

³⁸⁷ См., напр.: Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power. // Foreign Policy. 29.04.2013. Available at: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>.

³⁸⁸ Bound K., Briggs R., Holden J. Jones S. Cultural Diplomacy. – London: Demos. 2007. – 113 p. Available at: http://www.demos.co.uk/files/Cultural_diplomacy_-_web.pdf.

³⁸⁹ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. – P. 117-118.

Британский совет играет важную роль с точки зрения продвижения национальной культуры за рубежом и определяет свою работу как «культурные отношения» (*cultural relations*). В ежегодном отчете Совета деятельность в области культуры и искусства «встроена» в другие направления: так, отчитываясь о количестве посетителей различных выставок и мероприятий, организация объединяет в один раздел выставки британского образования, фестивали кино и театральные представления³⁹⁰. Как было отмечено в начале данного параграфа, понятие «культура» может быть истолковано весьма широко и включать уже рассмотренные выше образование и английский язык. Однако в обзоре работы организации за трехлетний период, проведенном в 2014 г., министерство иностранных дел приводит мнения экспертов, считающих, что программы в области культуры и искусства оказались «в тени» образования и английского языка и рекомендует усилить культурную составляющую³⁹¹.

Действительно, стратегия Британского совета в области культуры и искусства вызывает больше вопросов у правящих элит, чем деятельность в других областях. Приоритеты работы регулярно пересматриваются и обновляются, однако споры о том, что именно организация должна продвигать в качестве британской культуры за рубежом, сохраняются. Безусловно, эти споры связаны не только со стратегией «мягкой силы», но и в целом с продолжающимися дискуссиями о том, что такое британская культура сегодня, поисками национальной идентичности, попытками найти баланс между традиционной и современной культурой (более подробно эта тема затронута выше), местом мультикультурализма и трансформациями британского общества, соотношением английской, шотландской и британской идентичностей.

В соответствии с общей тенденцией³⁹² в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Британский совет сосредоточился на современных направлениях в искусстве и представлял за рубежом британский дизайн, современных британских художников, кино и мультипликацию и так далее. В то же время происходило сокращение бюджетных расходов, направляемых на тематическое направление «искусство», а количество мероприятий в этой области уменьшалось. Если в 2003-2004 гг. совет провел более 2 тыс. мероприятий, то в 2007-2008 гг. – всего лишь 750³⁹³. Это вызвало критику со стороны представителей сферы искусства и в 2008 г. стратегия была пересмотрена. Высшие должностные лица Британского совета декларировали, что «искусство остается центральным во всем, что мы делаем», и анонсировали увеличение финансирования на это направление до 30 млн. ф. ст. ежегодно. Однако в рамках регулярного трехлетнего обзора деятельности организации в 2014 г. министерство иностранных дел вновь выразило беспокойство относительно стратегии Британского совета в сфере искусства и того, что организация фокусируется на меньшем количестве крупных программ и мероприятий в приоритетных странах.

Еще одно замечание в рамках трехлетнего обзора касалось чрезмерного упора на «взаимность» – то есть стремление организации представить не только британскую культуру, но и культуру стран присутствия (например, в рамках Перекрестного года

³⁹⁰ British Council Annual report 2014-2015. – London, 2015. – 106 p.

³⁹¹ Foreign and Commonwealth Office. Triennial Review of the British Council. – London, 2014. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/335494/140722_PDF_of_British_Council_Triennial_Review_with_Annexes_FINAL.pdf.

³⁹² см. выше.

³⁹³ Devlin G. Arts Content In Future British Council Programmes. Summary Report. 2008 [Electronic resource]. Available at: https://web.archive.org/web/20130924131520/http://www.britishcouncil.org/summary_report_by_graham_devlin.doc.

культуры с Россией в 2014 г.). Представители британского политического истеблишмента считают, что в центре работы организации все же должна быть национальная культура³⁹⁴.

Программы Британского совета в области культуры и искусства в 2014-2015 гг. структурировались следующим образом:

1. *Представление (showcasing) британской культуры.* В рамках этого направления проводятся перекрестные годы культуры (например, 2015 г. с Мексикой и с Китаем); выставки британских художников и дизайнеров; организуются гастроли театральных и танцевальных коллективов и так далее. По данным организации, в 2014-2015 гг. выставки, фестивали и театральные представления посетило 10,5 млн. чел., а аудитория трансляций и публикаций составила 152 млн. чел.

2. *Направление «культура и общество»* пересекается с тематикой содействия развитию. В 2014-2015 гг. в рамках этого направления организация поддерживала художников и фотографов из стран, переживающих кризис (в том числе из Сирии); организовывала социально-культурные проекты и проекты, направленные на развитие креативной экономики в странах присутствия (например, в Эфиопии, Кении, Танзании, Уганде).

3. *Поддержка британских художников и профессионалов в сфере искусства.* В частности, в рамках семилетней программы с бюджетом 1,46 млрд. евро, Британский совет совместно с Британским институтом кино, советами и ведомствами по культуре Уэльса, Северной Ирландии и Шотландии финансируют зарубежную работу национальных культурных организаций и СМИ. Также в рамках этого направления предоставляются гранты для расширения международного опыта для молодых британских художников.

4. Наконец, еще одно направление работы – *работа по развитию знаний и навыков.* Эта деятельность пересекается с тематикой образования и позиционирует Великобританию как центр знаний и экспертизы в области креативных индустрий, культурного менеджмента и близких направлений. Организация проводит тренинги для профессионалов в сфере культуры из разных стран, способствует обмену знаниями и опытом.

Помимо Британского совета, значительную роль в государственной политике «мягкой силы» и продвижении культуры за рубежом играет Министерство культуры, СМИ и спорта. Однако эксперты указывают на то, что распределение полномочий между министерством и Британским советом недостаточно четко прописано и рекомендуют руководству этих ведомств более стратегически подойти к планированию своей работы и определению сфер ответственности³⁹⁵. В целом же министерство в большей степени нацелено на поддержку зарубежной деятельности представителей британских креативных индустрий.

Международное развитие

Деятельность, направленная на содействие развитию, является одним из значимых инструментов повышения «мягкой силы» Великобритании: она не только способствует формированию позитивного имиджа и увеличению привлекательности страны, но и позволяет внедрять британские (и в более широком смысле, западные) ценности, нормы и модели поведения в странах-реципиентах. С этой точки зрения программы международного

³⁹⁴ Foreign and Commonwealth Office. Triennial Review of the British Council. – London, 2014. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/335494/140722_PDF_of_British_Council_Triennial_Review_with_Annexes_FINAL.pdf.

³⁹⁵ Foreign and Commonwealth Office. Triennial Review of the British Council. – London, 2014. – P. 112. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/335494/140722_PDF_of_British_Council_Triennial_Review_with_Annexes_FINAL.pdf.

развития используются для достижения интеллектуального, идеологического, экономического и политического лидерства Великобритании. Усилия, направленные на улучшение координации между департаментом международного развития, министерством обороны и МИДом также укладываются в концепцию «умной силы», совмещающей «мягкий» и «жесткий» подходы для достижения наилучших результатов. Можно рассматривать такую работу и как часть формирования властного политического дискурса (как в самой Великобритании, так и за рубежом). Например, некоторые британские авторы рассуждают о возможностях Великобритании выступать и позиционировать себя в качестве некоей «силы добра», по сути дела развивая идею постимперского мессианства Англии³⁹⁶.

Комитет Палаты лордов по «мягкой силе» и влиянию Великобритании считает, что распространение помощи позволяет строить связи с рядовыми гражданами и с национальными правительствами, которым оказывается содействие, а также в целом с зарубежными аудиториями, и вносит вклад в создание позитивного образа щедрой и приносящей пользу страны. В докладе комитета приводятся мнения должностных лиц и экспертов о том, что деятельность по содействию развитию увеличивает британскую «мягкую силу» как напрямую, так и косвенным путем (например, повышая авторитет страны в этой области на международном уровне). При этом речь идет не только об увеличении влияния в странах-реципиентах помощи, но и в целом о восприятии Британии в мире. В документе отмечается, что программы содействия развитию помогают продвигать британские ценности и культуру за рубежом, однако должны учитывать также ценности и культуру других стран и по возможности, сочетаться с ними. Кроме того, эксперты считают, что взаимодействие с Великобританией в рамках программ помощи позволяет развивать торговые связи, продвигать образ страны как надежного партнера. Особо отмечена работа национального бизнеса за рубежом и необходимость учитывать влияние, которое подобная деятельность оказывает на местные сообщества и ситуацию в зарубежных странах. Также выделена конкуренция в области содействия развитию со стороны Китая, в первую очередь, в Африке и говорится о необходимости усилить работу на этом направлении³⁹⁷.

Представители традиционных британских партий (консерваторы, лейбористы и либеральные демократы) уделяют теме международного развития заметное место в своих предвыборных программах и подчеркивают роль, которую на глобальном уровне играет в этой сфере Великобритания. Хотя они по-разному формулируют свои взгляды относительно содействия развитию и его места во внешней политике государства, а также критикуют своих политических конкурентов за низкую эффективность, тем не менее в целом не подвергают сомнению приоритетное значение данного направления для своей страны. Иное мнение по данному вопросу высказывают лидеры Партии независимости Соединённого Королевства (*United Kingdom Independence Party, UKIP*). В своем предвыборном манифесте 2015 г.³⁹⁸ партия предлагала вообще упразднить Департамент международного развития и таким образом снизить соответствующую статью расходов более чем в три раза, приведя к уровню в 0,2% национального дохода³⁹⁹. Одновременно в манифесте предлагается существенное увеличение финансирования расходов на оборону. Хотя по результатам всеобщих парламентских выборов 2015 г. данная партия завоевала всего одно место в национальном парламенте, за нее проголосовало 12,6% избирателей (на 9,5% больше, чем на

³⁹⁶ Gilmore J. Still a 'Force for Good'? Good International Citizenship in British Foreign and Security Policy // *The British Journal of Politics & International Relations*. – 2015. – Vol. 17. No 1. – P. 106–129.

³⁹⁷ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords Paper 150 Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. – P. 72-74.

³⁹⁸ The UKIP Manifesto 2015 [Electronic resource]. Available at: <http://www.ukip.org/manifesto2015>.

³⁹⁹ Весной 2015 г. в стране был принят акт, законодательно закрепляющий уровень расходов на помощь развитию в размере 0,7% валового национального дохода в соответствии с рекомендациями Организации Объединенных Наций. См.: International Development (Official Development Assistance Target) Act 2015. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/12/pdfs/ukpga_20150012_en.pdf.

предыдущих выборах). Более того, партия независимости Соединённого Королевства последовательно выступала за выход Великобритании из ЕС, и на референдуме в июне 2016 г. это решение поддержало большинство британских граждан. Позиция партии относительно расходов на содействие развитию также выражает настроения определенной части британского общества. О таких настроениях можно судить, хотя и со значительными оговорками, и по комментариям на сайтах британских СМИ. Так, например, на страницах таблоида *Daily Mail* наиболее популярные (то есть получившие одобрение других читателей) комментарии к статьям о британской помощи другим странам критикуют решение об увеличении финансирования таких программ⁴⁰⁰.

Вместе с тем, если деятельность по продвижению английского языка, образования и культуры в первую очередь связывается с повышением национального благосостояния, то программы содействия развитию рассматриваются не только в связи с социально-экономическим развитием (на глобальном, региональном и национальном уровнях) но и как средство для обеспечения национальной безопасности.

Соотношение программ содействия международному развитию и обеспечения национальной безопасности – это вопрос, который сегодня широко обсуждается в глобальном научном сообществе, в том числе и среди российских специалистов-международников. Более того, эксперты даже говорят о феномене «секьюритизации» программ помощи⁴⁰¹. С одной стороны, речь идет о том, что устойчивое развитие в странах-реципиентах помощи должно способствовать повышению безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях. С другой, – поднимается вопрос об обеспечении безопасности и предотвращении конфликтов как о необходимых условиях для социального и экономического развития, снижения бедности и защиты прав человека.

Как справедливо отмечает российский исследователь В.И. Бартенев, программы содействия международному развитию западных стран всегда были так или иначе связаны с вопросами национальной безопасности⁴⁰². Таким образом, усиление внимания к взаимосвязи национальной безопасности и содействия развитию ближе к концу XX в. можно считать, по выражению В.И. Бартенева, скорее «ресекьюритизацией» развития, чем принципиально новым явлением.

Однако усиливающаяся глобализация, появление новых глобальных угроз, таких как международный терроризм, киберпреступность и другие, повлияли и на риторику западных лидеров и экспертов относительно программ содействия развитию, и на их значение для национальной безопасности. В Великобритании такая риторика сегодня является общепринятой: например, ведущие британские университеты предлагают магистерские программы по специальности «Конфликты, безопасность и международное развитие»⁴⁰³.

⁴⁰⁰ См., напр. комментарии к статьям: Martin, D. Target to spend 0,7% of national income on foreign aid becomes law despite row raging over cuts to defence. // The Daily Mail, 9.03.2015. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2986343/Target-spend-0-7-national-income-foreign-aid-law-tonight-despite-row-raging-cuts-defence.html#comments>; Cohen, T. Why Britain's bill for foreign aid 'is set to rise by £1bn. // The Daily Mail, 4.12.2014, Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2861527/Why-Britain-s-bill-foreign-aid-set-rise-1bn-Cost-taxpayers-set-national-income-risen.html#comments> и др.

⁴⁰¹ См. напр.: Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2011. – № 3. – С. 37-50.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ См., напр., программы Университета Лестера: Available at: http://www2.le.ac.uk/departments/criminology/dl/courses/pgdl/courses/msc_security_conflict_international_development; Королевского колледжа в Лондоне: Available at: <http://www.kcl.ac.uk/prospectus/graduate/conflict,-security-and-development>; Университета Бристоля Available at: <http://www.bristol.ac.uk/study/postgraduate/2015/ssl/msc-development-security>; Эксетерского Университета Available at: <http://www.exeter.ac.uk/postgraduate/taught/politics/conflict-security-development> и др.

Вопросы соотношения между обеспечением национальной безопасности и приоритетами помощи зарубежным странам регулярно поднимаются не только в политических дебатах и в экспертном сообществе, но и на страницах прессы. Так, в 2013 г. группа влиятельных британских военных, в прошлом занимавших высокие должности в правительстве, опубликовала открытое письмо в газете *The Observer*, в котором говорилось о важности расходов на помощь зарубежным странам для обеспечения безопасности Соединенного Королевства⁴⁰⁴.

При этом, как отмечают исследователи авторитетного британского «Института международного развития», еще в начале 1990-х гг. специалисты в этой области, скорее наоборот, старались дистанцироваться от проблематики безопасности и избегали работы в нестабильных и затронутых конфликтом государствах. Долгосрочная деятельность по содействию развитию в таких странах представлялась рискованной и неэффективной, и эти страны неизбежно оказывались «сиротами с точки зрения международной помощи» (*aid orphans*). Только ближе к концу указанного десятилетия, после того как события в Руанде и Югославии заставили пересмотреть используемые подходы, помощь нестабильным государствам и предотвращение конфликтов стали рассматриваться в качестве приоритетных направлений содействия развитию⁴⁰⁵.

С приходом к власти правительства «новых лейбористов» во главе с Т. Блэром в 1997 г. британская внешняя политика была во многом пересмотрена и обновлена. Изменения коснулись, в частности, сферы содействия развитию и уже упомянутого выше выделения в отдельное министерство Департамента по международному развитию⁴⁰⁶. Новые тенденции были не только организационными: в их основе лежали идеи, которые были призваны сделать британскую внешнюю политику отвечающей вызовам современного мира⁴⁰⁷.

В первом стратегическом документе вновь созданного Департамента международного развития – так называемой «Белой бумаге», посвященной борьбе с бедностью и выпущенной в 1997 г., подчеркивается, что в конечном итоге такая работа направлена на «устойчивое развитие и безопасное будущее планеты». В публикации также говорится о необходимости согласованности политики в области развития с другими направлениями деятельности, в том числе в сфере обороны и безопасности⁴⁰⁸. Продвижение мира и стабильности на глобальном уровне объявляется ключевым элементом британской внешней политики, а политическая стабильность как внутри государств, так и в отношениях между ними рассматривается как необходимое условие борьбы с бедностью. Соответственно, предотвращение конфликтов рассматривается в качестве основополагающего направления деятельности по содействию развитию и требует слаженной работы всех ведомств, в первую очередь, военного и дипломатического.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и последовавшие за ними военные операции в Ираке и Афганистане, в которых Великобритания приняла активное участие, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие риторики, связывающей программы содействия развитию и международную безопасность. В 2005 г. в очередном стратегическом документе Департамента международного развития темы борьбы с бедностью и

⁴⁰⁴ Why we must spend on both defence and development. // *The Observer*, 23.06.2013. Available at: <http://www.theguardian.com/theobserver/2013/jun/23/letters-military-cuts>.

⁴⁰⁵ Wild, L., Elhawary S. The UK's approach to linking development and security: assessing policy and practice. / Overseas Development Institute, Working Paper 347. – London, 2012.

⁴⁰⁶ Hall, I. 'Building the Global Network?' The Reform of the Foreign and Commonwealth Office under New Labour. // *The British Journal of Politics & International Relations*. – 2013. – Vol. 15. – P. 228–245.

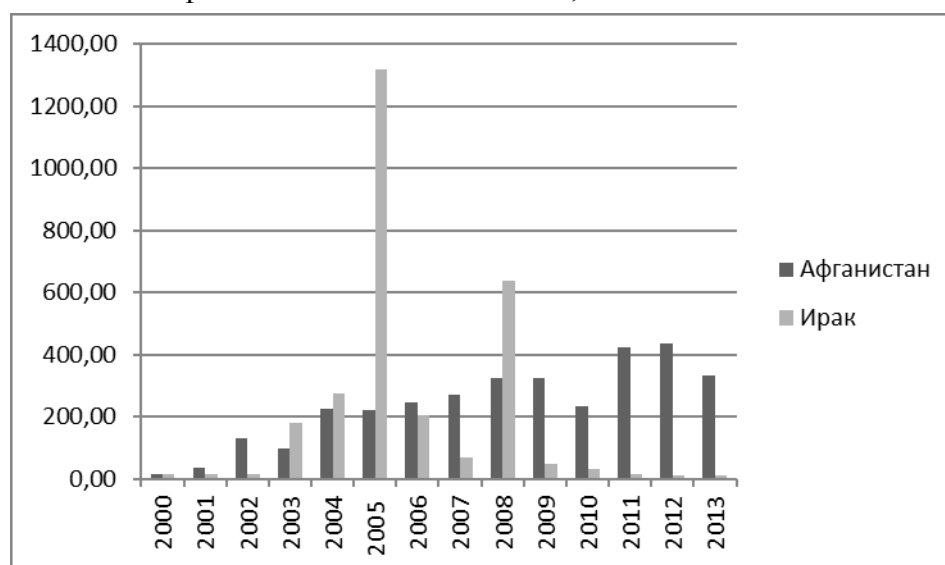
⁴⁰⁷ Ibid.

⁴⁰⁸ Eliminating World Poverty: A Challenge for the 21st Century White Paper on International Development. / DFID, 1997. Available at: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20050404190659/http://www.dfid.gov.uk/Pubs/files/whitepaper1997.pdf>.

соотношения программ развития и безопасности прозвучали еще более отчетливо: уже в заголовке говорится о взаимосвязи этих двух направлений⁴⁰⁹. В этом же году Ирак и Афганистан вошли в пятерку крупнейших получателей британской помощи развитию, потеснив страны Африки – традиционных получателей такого рода финансирования (см. Схему 9).

В дальнейшем курс на усиление взаимодействия между военными и невоенными ведомствами и позиционирование помощи развитию в качестве средства для стабилизации в странах и регионах, предотвращения конфликтов и обеспечения безопасности, продолжился. Была создана упомянутая выше программа *Conflict Pool*⁴¹⁰, направленная на урегулирование и предотвращение конфликтов и реализуемая совместно Министерством иностранных дел и по делам Содружества, Министерством обороны и Департаментом международного развития. В 2010-2011 гг. после того, как на смену лейбористам пришло коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов Д. Кэмерона – Н. Клегга, был принят ряд важных стратегических документов, в которых взаимодействию военных и невоенных ведомств уделялось значительное внимание.

Схема 9. Официальная помощь развитию (ODA) Великобритании, направленная в Ирак и Афганистан с 2000 по 2013 гг., млн. долл. США

Источник: база данных Организации экономического сотрудничества и развития⁴¹¹.

Так, в 2010 г. был проведен «Стратегический обзор в сфере обороны и безопасности» (*The Strategic Defence and Security Review*) и сформулирована «Национальная стратегия безопасности» (*The National Security Strategy*) под общим заголовком «Сильная Британия в век неопределенности» (*Securing Britain in an Age of Uncertainty*). В 2011 г. была принята «Стратегия построения стабильности за рубежом» (*Building Stability Overseas Strategy, BSOS*) – совместный проект министерства иностранных дел и по делам Содружества, Департамента международного развития и министерства обороны Великобритании. Во всех этих документах объединение усилий военных и невоенных ведомств обозначено в качестве

⁴⁰⁹ Fighting poverty to build to build a safer world: a strategy for development and security. / DFID. – London, 2005.

⁴¹⁰ См. подр.: Кулькова О.С. Участие Великобритании в урегулировании африканских конфликтов: эволюция подходов. // Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике. Мировое развитие. – Т. 10., Москва, ИМЭМО РАН. – С. 35-45.

⁴¹¹ База данных Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stats.oecd.org>.

приоритета. К примеру, в «Национальной стратегии безопасности» подчеркивается необходимость использовать «все компоненты национальной мощи» для предотвращения угроз в нестабильных государствах, совместной работы специалистов в области содействия развитию, а также дипломатов, разведывательных служб и военных с опорой на опыт, полученный в Боснии, Косово, Сьерра-Леоне, Ираке и Афганистане⁴¹².

Однако, несмотря на то, что риторика политиков, говорящих о влиянии программ содействия развитию на обеспечение безопасности на глобальном уровне, а также о необходимости предотвращения конфликтов в мире, кажется вполне логичной, в действительности ситуация оказывается значительно сложнее. Так, например, кризис, связанный с резким увеличением количества беженцев и нелегальных иммигрантов из зон военных конфликтов, показывает, насколько теоретические построения могут быть далеки от реальности. В свою очередь, британские избиратели, которые до сих пор выражали поддержку государственным программам содействия зарубежному развитию⁴¹³, а также активно участвовали лично в работе многочисленных негосударственных организаций в этой сфере, могут также начать сомневаться в эффективности указанных подходов.

Можно отметить несколько основных тем, регулярно поднимаемых в политических дебатах и в СМИ и касающихся соотношения помощи развитию и национальной безопасности.

В первую очередь, в центре внимания политиков и общественности находится вопрос финансирования соответствующих направлений деятельности. Хотя бюджет министерства обороны Великобритании в несколько раз превышает средства, выделяемые на содействие международному развитию, критики зачастую сравнивают динамику соответствующих расходов. Так, в 2013 г. наблюдатели подсчитали, что при сохранении существующих тенденций к 2030 г. расходы на помощь развитию превысят оборонный бюджет⁴¹⁴. В 2015 г. в преддверии очередного «Стратегического обзора в сфере безопасности» в нижней палате парламента высказывались предложения относительно законодательного закрепления уровня финансирования обороны страны в размере 2% ВВП аналогично тому, как это сделано для содействия развитию⁴¹⁵. При общем курсе на сокращение бюджетных расходов критики регулярно обращают внимание на растущие обязательства страны в сфере международной помощи.

Кроме того, раздаются предложения о финансировании определенной деятельности Министерства обороны из средств Департамента по международному развитию⁴¹⁶. С одной стороны, это иллюстрирует тенденцию на «секьюритизацию» помощи развитию, когда грань между военным и невоенным вмешательством становится все менее различимой. С другой стороны, такие предложения связаны с сомнениями в способности институтов развития справиться с эффективным вложением направляемых на эти цели средств, в то время как военные сталкиваются с сокращениями финансирования.

Еще один вопрос, поднимаемый в связи с размерами финансирования программ содействия развитию и непосредственно связанный с вопросами безопасности – это военные

⁴¹² A strong Britain in an age of uncertainty: the National security strategy. / UK Government. 2010. – P. 5. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61936/national-security-strategy.pdf.

⁴¹³ См.: The European year for development – citizens' views on development, cooperation and aid. Special Eurobarometer 421. Report. European Union, 2014. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_421_en.pdf.

⁴¹⁴ Wheeler, C. UK set to spend MORE on foreign aid than on Armed Forces. // The Daily Express, 01.03.2013. Available at: www.express.co.uk/news/politics/561107/UK-spend-more-foreign-aid-than-Armed-Forces-defence-budget.

⁴¹⁵ Can the UK afford to defend itself?: Key issues for the 2015 Parliament. Available at: <http://www.parliament.uk/business/publications/research/key-issues-parliament-2015/defence-and-security/uk-defence>.

⁴¹⁶ См. напр.: Aid money could go to defence - David Cameron. // BBC, 21.02.2013. Available at: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-21528464>.

расходы стран-реципиентов помощи. В 2015 г. в Палате общин был представлен отчет, согласно данным которого некоторые государства, получающие значительные средства от Великобритании, одновременно смогли увеличить свои военные бюджеты. Так, например, в 2014 г. Пакистан получил более 2 млрд. ф. ст. британской помощи, при этом его военные расходы составили более 6 млрд. долларов. Учитывая, что военный бюджет самого Соединенного Королевства несколько лет сокращался, некоторые парламентарии назвали данную ситуацию неприемлемой⁴¹⁷.

Вторая широкая группа вопросов касается содержания программ помощи, их эффективности и влияния на национальную безопасность. Правительственные структуры и, прежде всего, сам Департамент международного развития уделяют вопросу эффективности существующих программ значительное внимание, постоянно отчитываясь о предпринятых мерах, направленных на достижение максимальных результатов⁴¹⁸. При этом используются цифры и данные, свидетельствующие, с одной стороны, о важности предоставляемой помощи, но также используемые в качестве аргументов в пользу увеличения финансирования текущих программ. Так, например, в сентябре 2015 г. в связи с огромным вниманием СМИ и общества к проблеме беженцев с Ближнего Востока Департамент международного развития поспешил опубликовать на своих официальных страницах в социальных сетях статистику, свидетельствующую о помощи, оказываемой Сирии, и о масштабе имеющихся проблем⁴¹⁹.

Однако помимо количественных показателей и понимания, что средства, которыми располагает Великобритания, в любом случае не могут обеспечить все потребности стран-реципиентов, существуют и сомнения относительно эффективности используемых моделей, в частности для предотвращения конфликтов. Так, кризис, вызванный увеличением потока беженцев и мигрантов в Европу показал, насколько далеки от исполнения надежды на стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Представления о том, что предоставление помощи в странах, охваченных конфликтами, должно способствовать обеспечению лояльности населения, уменьшать влияние радикальных групп и препятствовать террористам, а в конечном итоге приводить к становлению демократии в государствах-реципиентах, также подвергаются сомнению как в Великобритании, так и в других развитых странах-донорах.

Предположения, лежащие в основе реализуемых сегодня программ, вызывают и другие вопросы. Одни эксперты высказывают сомнения в том, что помощь развитию способствует становлению демократии и не находят подтверждающих эту теорию фактов⁴²⁰. Другие обращают внимание на то, что предоставление помощи может способствовать не прекращению, а напротив, затягиванию конфликтов⁴²¹. Еще один спорный момент связан с потенциальной эффективностью помощи развитию с точки зрения противодействия международному терроризму. Так, некоторые исследователи отмечают, что активная

⁴¹⁷ Sherman J. British aid 'paying for foreign armies'. // The Times, 06.06.2015. Available at: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/politics/article4462323.ece>.

⁴¹⁸ См. напр.: Речь Секретаря по международному развитию Джастин Грининг на конференции Института международного развития в Лондоне в июле 2015 г. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/changing-world-changing-aid-where-international-development-needs-to-go-next>.

⁴¹⁹ См.: Официальная страница Департамента международного развития Великобритании в Facebook: Available at: <http://www.facebook.com/ukdfid/photos/a.214243090599.173689.41230335599/10153513963780600/?type=1&theater>.

⁴²⁰ Knack, S. Does Foreign Aid Promote Democracy? // International Studies Quarterly. – 2004. – Vol. 48. – No 1. – P. 251-266.

⁴²¹ Narang, N. Assisting Uncertainty: How Post-Cold War Humanitarian Aid Inadvertently Prolongs Civil Wars. // International Studies Quarterly. – 2015. – Vol. 59. – № 1. – P. 184-195.

внешняя политика увеличивает риск террористической атаки на демократическое государство⁴²².

Сомнения вызывает и помощь, направляемая в страны с авторитарными режимами. Критики отмечают, что вместо содействия демократизации таких стран, средства программ содействия развитию, напротив, помогают законсервировать текущую ситуацию и способствуют большей устойчивости таких режимов^{423, 424}.

На протяжении многих месяцев в центре внимания СМИ и общественности находятся проблемы, связанные с резким увеличением числа беженцев и нелегальных иммигрантов с Ближнего Востока и из Северной Африки, приезжающих в Европу. Результаты референдума относительно выхода Великобритании из ЕС также во многом связывают с влиянием иммиграционного кризиса.

Великобритания напрямую столкнулась с очередными волнами данного кризиса⁴²⁵. Комментируя обострение ситуации, министр обороны Великобритании отметил, что для борьбы с кризисом необходимо направить международную помощь на стабилизацию обстановки в странах происхождения иммигрантов⁴²⁶. Подобные предложения высказывались и бывшим премьер-министром страны Д. Кэмероном⁴²⁷. Программы содействия развитию по идее британских политических деятелей должны способствовать устранению первопричин существующих проблем в отличие от мер, направленных на борьбу с последствиями критической ситуации. В очередной раз такие программы были представлены в качестве средства для повышения безопасности самой Великобритании и других европейских стран.

Кризис, связанный с беженцами и иммигрантами, перешел в новую фазу в сентябре 2015 г. после того как все мировые СМИ обошла фотография трагически погибшего сирийского мальчика, семья которого пыталась пересечь Средиземное море, чтобы добраться до Европы. Риторика британских политических лидеров существенно изменилась. Если до этого речь шла, прежде всего, о вопросах пограничного контроля и наведения порядка, то в связи с общественным резонансом, вызванным этой и другими трагедиями, политики заговорили о мерах помощи беженцам. Граждане Великобритании стали активно подписывать петиции с требованиями принять в стране людей, бегущих из зон конфликта и увеличить предоставляемую им поддержку⁴²⁸. 7 сентября 2015 г. премьер-министр Дэвид Кэмерон выступил в парламенте с заявлением о том, что страна примет до 20 тыс. беженцев из Сирии⁴²⁹. Речь премьер-министра была посвящена двум основным вопросам: проблемам

⁴²² Savun, B., Phillips B.J. Democracy, Foreign Policy, and Terrorism. // The Journal of Conflict Resolution. – 2009. – Vol. 53, – № 6. – P. 878-904.

⁴²³ См., напр.: Bader, J., Jörg F. Foreign Aid, Democratization, and Autocratic Survival. // International Studies Review. – 2014. – Vol. 16. – № 4. – P. 575-595.

⁴²⁴ Kono D. Y., Montinola G.R. The Uses and Abuses of Foreign Aid: Development Aid and Military Spending. // Political Research Quarterly. – 2012. – V. 66. – № 3. – P. 615-629.

⁴²⁵ См., напр.: Mulholland, R., Walton, G. Calais crisis: Migrant situation reaches fever pitch. // The Telegraph, 30.07.2015. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11774514/Calais-crisis-Migrant-situation-reaches-fever-pitch.html>.

⁴²⁶ UK aid can help deter Mediterranean migrants, says Fallon. // BBC, 21.07.2015. Available at: <http://www.bbc.com/news/uk-33215266>.

⁴²⁷ Wright, O. Mediterranean migrant crisis: Millions of pounds of UK aid funding could be diverted to stop flow of people from Libya. // The Independent. 08.06.2015. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/mediterranean-migrant-crisis-millions-of-pounds-of-uk-aid-funding-could-be-diverted-to-stop-flow-of-people-from-libya-10303501.html>.

⁴²⁸ Petition. Accept more asylum seekers and increase support for refugee migrants in the UK. / UK Government and Parliament Petitions [Electronic resource]. Available at: <https://petition.parliament.uk/petitions/105991>.

⁴²⁹ Cameron, D. Oral statement to Parliament. Syria: refugees and counter-terrorism - Prime Minister's statement. 07.09.2015. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/syria-refugees-and-counter-terrorism-prime-ministers-statement>.

беженцев и иммигрантов и противодействию международному терроризму. Д. Кэмерон напомнил о том, что предоставляемая Великобританией помощь превосходит по объему аналогичные программы других европейских государств, а также в очередной раз подчеркнул, что эта помощь направлена на стабилизацию обстановки в странах происхождения беженцев. Он сообщил о готовности принять дополнительные меры по размещению людей из зон конфликта в Соединенном Королевстве.

Незадолго до выступления премьера действовавший на тот момент министр финансов консерватор Джордж Осборн сообщил о том, что часть средств, предназначенных для помощи зарубежным странам, будет перенаправлена на помощь беженцам, оказавшимся в Великобритании⁴³⁰. Таким образом, несмотря на то, что риторика, касающаяся предотвращения конфликтов и реализации программ содействия развитию в нестабильных странах, по-прежнему актуальна, британские политики вынуждены признать реальное положение дел. Вместо того, чтобы помогать государствам, находящимся далеко от Великобритании, и предотвращать кризисы, стране приходится пересматривать программы помощи и решать проблемы уже у себя дома. Д. Осборн также заявил о необходимости «фундаментального пересмотра» расходов на программы помощи другим странам⁴³¹.

Можно констатировать, что Великобритания по-прежнему стремится продолжать текущую стратегию, сочетающую помощь развитию с военными и дипломатическими усилиями, и позиционирует ее не только как свой вклад в достижение стабильности и устойчивого развития в мире, но и как средство обеспечения собственной безопасности. Однако, хотя на бумаге такая стратегия выглядит логичной, в реальности правительству приходится реагировать на кризисные ситуации и пересматривать приоритеты такой работы. Недоверие общества и экспертов, а также неудовлетворительные и даже катастрофические результаты политики на Ближнем Востоке оказывают давление на британских лидеров. Очевидно, что решение принять беженцев из Сирии и направить часть средств из бюджета Департамента международного развития на их размещение не приведет к искоренению причин кризиса, а является лишь вынужденной мерой, и, в свою очередь, способно породить новые проблемы. Использование программ содействия развитию для повышения стабильности в действительности сопряжено с целым рядом ограничений. Маловероятно, что британские политики и чиновники откажутся от такой стратегии в обозримом будущем, однако им неизбежно придется пересмотреть используемые подходы и модели, а также реагировать на критику со стороны экспертного сообщества, СМИ и оппозиционных партий.

Анализ выбранных в качестве примера направлений реализации государственной политики «мягкой силы» Великобритании (английский язык, образование, наука и инновации, культура и искусство, содействие международному развитию), позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, очевидно ключевое значение Британского совета в работе, направленной на продвижение британского образования, науки, культуры и искусства, английского языка). Однако ему отводится роль *фасилитатора* (того, кто обеспечивает групповую коммуникацию) и *проводника*, представляющего британский бизнес, учреждения культуры и

⁴³⁰ Withnall, A. Refugee crisis: UK foreign aid budget to be spent 'in the national interest' to house people in Britain, George Osborne says. // The Independent, 06.09.2015. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/refugee-crisis-uk-foreign-aid-budget-to-be-spent-housing-people-in-britain-george-osborne-says-10488561.html>.

⁴³¹ Withnall, A. Refugee crisis: UK foreign aid budget to be spent 'in the national interest' to house people in Britain, George Osborne says. // The Independent, 06.09.2015. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/refugee-crisis-uk-foreign-aid-budget-to-be-spent-housing-people-in-britain-george-osborne-says-10488561.html>.

искусства, школы и университеты на зарубежных рынках. В случае с английским языком Британский совет берет на себя также и роль провайдера соответствующих услуг, что вызывает критику со стороны конкурирующих британских компаний.

Во-вторых, деятельность в рамках британской «мягкой силы» сознательно позиционируется как независимая от государства, хотя де-факто правительство и законодательные органы власти имеют решающий голос в этом отношении. Британские эксперты и мозговые центры особо подчеркивают, что государственные инициативы воспринимаются с недоверием, в то время как деятельность бизнеса, образовательных учреждений, деятелей искусства и так далее не вызывает негативной реакции.

В-третьих, осознавая важность работы по всем направлениям для увеличения «мягкой силы» страны, британские институты апеллируют в первую очередь к экономическим выгодам реализуемых программ. Это позволяет обосновать финансирование такой деятельности и привлечь значительные объемы внебюджетных средств. Кроме того, если измерение и оценка оказанного влияния в рамках политики «мягкой силы» – весьма сложная задача, то оценить экономический эффект и, тем самым, подтвердить значимость реализуемой работы значительно проще.

Наконец, *в-четвертых*, политика «мягкой силы» опирается не только на государственные структуры, но в первую очередь на деятельность многочисленных негосударственных акторов, заинтересованных в работе за рубежом и привлечении зарубежных аудиторий: малого, среднего и крупного бизнеса, учреждений культуры и искусства, образовательных институтов и учреждений и других. По мнению автора, именно вовлечение в работу по увеличению «мягкой силы» страны негосударственных организаций, институтов и частных лиц позволяет Великобритании добиваться значительных успехов, подтверждаемых разнообразными рейтингами «мягкой силы».

Все эти особенности имеют ключевое значение с точки зрения государственной политики «мягкой силы» и принципиально меняют и властный, и общественный политический дискурс. Как можно увидеть, в период с 1997 г. по настоящее время, еще начиная с упомянутой публикации аналитического центра Демос⁴³², вопросы, связанные с имиджем Великобритании в мире, «мягкой силой», зарубежной работой государственных институтов и финансируемых государством и гражданами институтов (таких, как Британский совет или Би-би-си) неизменно увязывались в публичных выступлениях с темой повышения благосостояния страны. Можно отметить, что ни на слушаниях Палаты лордов, ни в СМИ практически не встречается критика по поводу нецелесообразности траты средств налогоплательщиков на долгосрочные программы в сфере продвижения английского языка, образования, науки и культуры. Гораздо чаще критикуются разовые крупные мероприятия и проекты. В частности, высказывались опасения, что Олимпийские игры в Лондоне в 2012 г. – это напрасная трата средств налогоплательщиков. Однако и здесь правительство стремилось сместить фокус внимания на экономические выгоды и долгосрочный эффект для бизнеса, что хорошо демонстрирует публичная коммуникация относительно программы *GREAT*⁴³³. Такое же отношение можно наблюдать со стороны ведомств, отвечающих за финансовый контроль (например, Казначейства и Национального офиса аудита). Программы и инициативы, направленные на увеличение «мягкой силы» воспринимаются не как исключительно имиджевые, а как экономически оправданные и целесообразные.

При этом активное участие и экономическая заинтересованность негосударственных акторов в программах по продвижению английского языка, британского образования, науки

⁴³² Leonard M. BritainTM Renewing our identity. – London, DEMOS 1997. <http://www.demos.co.uk/files/britaintm.pdf>.

⁴³³ См., напр.: de Castella E. London 2012: 10 reasons some people will dread the Olympics. // BBC News Magazine 28 March 2012. Available at: <http://www.bbc.com/news/magazine-17525402>.

и культуры за рубежом обеспечивает поддержку таким инициативам в обществе. Вовлеченность данных акторов в реализацию программ значительно расширяет их охват и повышает их эффективность.

В то же время программы, реализация которых не увязана напрямую с экономическими выгодами, а направлена исключительно на повышение влияния страны или укрепление национальной безопасности, вызывают значительно больше критики – как со стороны оппозиции, так и в СМИ, и в обществе (что фиксируется опросами общественного мнения). Например, правительство регулярно упрекают в неоправданно высоких расходах на программы содействия развитию. Что касается укрепления национальной безопасности, то доверие к «мягким» способам воздействия (например, все тем же программам по содействию развитию и демократизации или инициативам министерства обороны) значительно ниже, чем к «жестким».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происходящая сегодня трансформация миропорядка в сторону полицентризма, который очевидно имеет иерархичный характер, заставляет национальные правительства пересматривать внешнюю политику государства и искать новые формы и инструменты внешнеполитической деятельности, а ученых и экспертов – разрабатывать концепции и научные категории для описания и объяснения новых явлений мировой политики, а также для прогнозирования путей развития системы международных отношений. Усиление взаимозависимости и одновременно конкуренции между отдельными странами и макрорегионами приводит к тому, что все большее значение приобретают сложные для осмысления и концептуализации явления, в том числе, образ и имидж страны или группы стран, привлекательность, способность формировать политический дискурс на глобальном уровне. Новая экономическая и политическая реальность означают, что государства, не готовые влиять на мировую повестку дня и обеспечивать благоприятную для себя внешнюю среду, проигрывают в глобальной конкуренции и вынуждены следовать за лидерами.

Изменились подходы к пониманию силы в международных отношениях: если в прошлом под силой понималась, прежде всего, военная и экономическая мощь страны, то сегодня все большую популярность приобретает концепция «мягкой силы». Под «мягкой силой» автор термина, американский политолог Джозеф Най подразумевает силу, основанную на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики и способности добиваться того, чтобы «другие хотели того же, чего хочешь ты»⁴³⁴. Данная концепция оказалась востребованной в мире: о необходимости работать над увеличением «мягкой силы» говорят политические лидеры ведущих стран мира, в том числе, США, Великобритании, России, Китая, Индии.

На протяжении XX в. и в начале XXI в. можно отметить растущий интерес к изучению и использованию того, что Дж. Най назвал «мягкой силой». в международных отношениях. В рассуждениях о природе национальной мощи/силы, власти, влияния ученые стремились выделить ту нематериальную ее составляющую, которая дает возможность лидировать в международных отношениях, определять международную повестку дня, привлекать на свою сторону представителей элит и рядовых граждан других государств, обеспечивать преимущество в политике и экономике.

Концепция «мягкой силы» часто критикуется или даже полностью отвергается некоторыми представителями научно-экспертного сообщества. Это связано и со сложностями концептуализации самого понятия «сила» в науке о международных отношениях, и с тем, что термин «мягкая сила» применяется для описания чрезвычайно широкого круга явлений. Ученые рассматривали силу в международных отношениях как обладание определенным потенциалом или как оказанное воздействие; или же как отношение между субъектом и объектом, позволяющее добиться от субъекта определенных действий, исключать нежелательные действия и определять повестку дня. Возможность целенаправленно увеличивать и применять «мягкую силу», оценить ее реальное воздействие и эффективность обоснованно подвергается сомнению. Однако сама по себе популярность термина показывает, что практические политики и исследователи уделяют все больше внимания нематериальным факторам силы и влияния, даже если имеющиеся определения и концепции не полностью удовлетворяют критиков.

Рост внимания к «мягкой силе» также связан с тем, что в постиндустриальном мире усиливается значение нематериальных активов, в том числе, с экономической точки зрения. Если в прошлом решающее значение имел контроль над физическими территориями и

⁴³⁴ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: New York Public Affairs. – 2004. – 191 p.

ресурсами, то в современной экономике доходы, связанные с образованием, культурой, наукой и инновациями и так далее играют все более существенную роль. Вопросы привлечения талантливых научных кадров, репутации национального образования, экспорта культурной и информационной продукции и услуг, развития туризма оказываются важнейшими для увеличения благосостояния страны. Причем, в отличие от контроля над физическими территориями и ресурсами (например, богатыми источниками сырья) с помощью «жесткой силы», преимущество в сфере «мягкой силы» достигается другими средствами. Это не означает, что значение «жесткой» силы снижается. Однако государства, обладающие существенным военным и экономическим потенциалом, стремятся максимально эффективно применять в том числе и «мягкую силу». Великобритания при использовании «мягкой силы» уделяет большое внимание экономической составляющей и повышению национального благосостояния.

Теоретическое осмысление новой реальности с помощью категории политического пространства позволяет рассмотреть «мягкую силу» как способ освоения и расширения транснациональных политических пространств, позволяющий выигрывать конкурентную борьбу в области идей, информации, образования, культуры, науки и инноваций.

Опыт Великобритании по использованию «мягкой силы» в этом контексте оказывается интересным по целому ряду причин. В прошлом одна из крупнейших мировых империй, она обладает уникальным историческим наследием, которое стремится использовать для увеличения своего влияния, благосостояния и безопасности. Хотя страна частично утратила свое лидерство с точки зрения «жесткой силы», ее элиты продолжают последовательно и настойчиво отстаивать позиции Великобритании в мире, придавая большое значение инструменту «мягкой силы». Если физическая территория современной Великобритании уменьшилась во много раз в сравнении с территорией Британской империи второй половины XIX – первой половины XX вв., то символическое, культурное (в том числе, объединенное английским языком как средством межнационального общения), образовательное и политико-психологическое пространство сегодня продолжает оставаться огромным. Теоретические подходы к осмыслению роли «мягкой силы» в международных отношениях на примере Великобритании наполняются конкретным содержанием.

Концепция «мягкой силы» описывает современные международные отношения с позиций государств-лидеров, задает определенные рамки для других участников международных отношений и в известной степени ранжирует их. Это проявляется в выборе критериев, используемых различными рейтингами «мягкой силы» и брендов стран. В последнее время (начиная с 2010 г.) появилось несколько таких международных рейтинговых исследований. Их результаты публикуются регулярно и сопоставляют государства между собой, оценивая потенциал «мягкой силы», используемые государствами инструменты и механизмы для ее увеличения либо конечный результат ее применения.

Великобритания занимает в таких рейтингах высокие позиции благодаря ряду факторов. С одной стороны, используемые критерии благоприятны для страны, так как сами рейтинги разрабатываются в основном европейскими и американскими аналитическими центрами и во многом ориентированы на близкие западным странам, в том числе, Великобритании, ценности и достижения. Таким образом, рейтинги, в свою очередь, можно также рассматривать и в качестве проявления «мягкой силы», а именно попытки определять критерии успешности внешнеполитической деятельности одних государств и формировать тем самым ориентиры для других. С другой стороны, Великобритания обладает рядом несомненных преимуществ в области «мягкой силы». Во-первых, это накопленные на протяжении длительного периода времени ресурсы или активы «мягкой силы», в том числе распространение английского языка, репутация британского образования и науки, культурное влияние и авторитет. Во-вторых, страна последовательно развивает инструменты и механизмы, позволяющие распространить «мягкую силу» и воздействовать на целевые

аудитории в приоритетных странах. При этом конкретное содержание деятельности на различных географических направлениях зависит от уровня экономического и социального развития, а также культурной, идеологической и политической близости страны, на которую направлена «мягкая сила», и приоритетов национальной безопасности.

В качестве целевых аудиторий для распространения британской «мягкой силы» выделяются:

1) высокопоставленные лица, принимающие решения и лидеры, то есть люди, занимающие ключевые посты и обладающие влиянием, включая министров правительства, ведущих спортивных и культурных деятелей, национальных религиозных лидеров и других;

2) важнейшие агенты влияния: действующие или потенциальные лидеры организаций, групп и сетей, разрабатывающие и реализующие определенную политику или имеющие значительное влияние на жизнь и мнение других людей, они также могут быть своего рода проводниками, могущими обеспечить доступ к контактам из первой группы.

3) люди, обладающие потенциалом, вероятные будущие лидеры: в первую очередь, молодые люди до 35 лет, включая изучающих английский язык, а также тех, кто планирует обучение за рубежом; работе с этой аудиторией уделяется все больше внимания, а развитие информационных и коммуникационных технологий позволяет взаимодействовать с представителями данной группы напрямую.

В распространении «мягкой силы» Великобритании участвуют различные министерства и ведомства, а также подотчетные им организации и структуры, обе палаты британского парламента и члены королевской семьи. Большое внимание уделяется улучшению координации между ведомствами и объединению усилий для создания узнаваемого единого образа страны, снижения и оптимизации расходов, уменьшения дублирования функций. Межведомственная программа *GREAT Britain*, рассмотренная в монографии, – это яркий пример деятельности, в которой участвуют не только государственные структуры, но и британский бизнес, неправительственные организации и известные люди.

«Мягкая сила» государства может быть осмыслена на двух уровнях:

- как государственная политика или, в более широком контексте, как деятельность различных акторов, в том числе, негосударственных. Такая деятельность позволяет достичь измеряемых результатов, экономических и внешнеполитических целей. В рамках такой политики Великобритания финансирует многочисленные программы и проекты государственных и негосударственных организаций, создает коммуникационные кампании, привлекает к работе по продвижению государства за рубежом известных людей, поддерживает инициативы в области образования, туризма, спорта, общественной дипломатии, культуры, информационной и коммуникационной деятельности и т.п.

- как долгосрочная стратегическая «рамка», охватывающая широкий спектр вопросов, включающих в себя представления о миссии Великобритании в мире и ценностях, которые она продвигает, весь спектр символов, идей и смыслов, связанных с понятием «британскость» и «британский» (как внутри страны, так и за рубежом), определенный образ жизни и т.п. – то есть то, что отличает Соединенное Королевство от других участников международных отношений и что далеко не всегда может быть четко описано, оценено и измерено, но что является определяющей средой для формирования соответствующей политики.

Именно второй уровень является ключевым для британской «мягкой силы», направленной на обеспечение постоянных национальных интересов, обеспечивает преемственность такой политики, несмотря на изменения международной политической обстановки, проход к власти новых правительств, развитие информационных и

коммуникационных технологий. Такая долгосрочная стратегическая «рамка» создает возможности для того, чтобы деятельность многочисленных государственных и негосударственных акторов: университетов, курсов английского языка, музеев, неправительственных организаций, бизнеса и многих других также вносила вклад в увеличение британской «мягкой силы» в мире, без специального контроля и руководства правительства.

По мнению автора, Великобритания достигла значительных успехов в применении «мягкой силы». По данным государственных статистических служб, а также согласно данным международных организаций, Великобритания – это одно из наиболее привлекательных направлений для получения образования, иммиграции и туризма. Соединенное Королевство сохраняет свои позиции и влияние в международных организациях, обладает авторитетом в области науки, культуры и искусства, является одним из крупнейших доноров программ содействия развитию. Столица Великобритании – это крупнейший финансовый и деловой центр мира. Британская королевская семья, деятели культуры и искусства привлекают огромное внимание СМИ по всему миру. Все это позволяет Великобритании активно распространять идеи и ценности, влиять на глобальную внешнеполитическую повестку дня, задавать стандарты в области международного развития, создает широкие возможности для деятельности британских компаний за рубежом, повышает привлекательность производимых в Великобритании или под маркой Великобритании товаров и услуг, и, в конечном счете, сказывается на экономике и благосостоянии британских граждан.

В качестве приоритетных направлений реализации политики «мягкой силы» британские политические элиты рассматривают английский язык, культуру и искусство, спорт, образование, науку, средства массовой информации, международное развитие, внешнюю политику и оборону. В монографии рассмотрены пять из этих направлений (английский язык, образование, наука, культура и искусство, международное развитие) и сделаны выводы о факторах успешности политики «мягкой силы» на этих ключевых направлениях. К таким факторам можно отнести следующие особенности и характеристики британской политики «мягкой силы»:

1. Наследие Британской империи, в том числе, культурные и исторические связи со странами Содружества наций; распространение английского языка; схожесть с британскими образовательных систем и административных институтов в бывших колониях; а также созданные в первой половине XX в. институты и механизмы (в первую очередь, Британский совет) и накопленный опыт по взаимодействию с различными народами и культурами. Однако необходимо отметить, что наследие империи может быть связано и с негативным восприятием бывшей метрополии и, напротив, в ряде случаев может затруднять взаимодействие и реализацию политики «мягкой силы». Кроме того, само по себе обладание определенными ресурсами и опытом не трансформируется автоматически в увеличение «мягкой силы», а лишь создает возможности, которые могут быть реализованы с помощью определенных инструментов и механизмов.

2. Вовлечение в политику «мягкой силы» широкого круга негосударственных акторов, в том числе коммерческих компаний, неправительственных организаций, известных лиц и других. При этом правительство Великобритании намеренно стремится дистанцироваться от реализации такой политики, справедливо полагая, что государственные инициативы часто воспринимаются с недоверием. Государственные и финансируемые государством институты стремятся создать возможности для зарубежной деятельности британского бизнеса, учреждений образования и культуры, осуществляют маркетинговую и консультационную поддержку, становясь своего рода каналом или проводником для распространения «мягкой силы». Такой подход характерен и для оценки эффективности «мягкой силы»: при рассмотрении вопросов о целесообразности использования бюджетных финансовых средств,

правительственные структуры оперируют показателями, характеризующими прибыль британского бизнеса за рубежом и доходы, связанные с преподаванием английского языка, привлечением иностранных студентов, туризмом, экспортом культурной продукции и услуг и т.п. В увеличении британской «мягкой силы» заинтересованы независимые друг от друга и от государства организации и частные лица, что способствует успешности такой политики.

3. Стратегический подход к реализации соответствующей политики и заинтересованность британских элит в увеличении «мягкой силы» своей страны. Представители британских правящих кругов осознают, что деятельность по увеличению «мягкой силы» требует длительного времени. При этом британский истеблишмент стремится найти баланс между представлением за рубежом традиционных достижений страны и продвижением более современного образа Соединенного Королевства.

В то же время, существует также ряд ограничений и рисков, как связанных с распространением «мягкой силы», так и в целом для внешней политики Великобритании. Попытки существенно изменить имидж страны, подчеркивая ее современность, динамичность и мультикультурализм, предпринятые на рубеже тысячелетий премьер-министром Т. Блэром вызвали негативную реакцию прессы и общественности. Результаты программ содействия развитию и деятельности по распространению демократии на Ближнем Востоке, последовавшие за военными кампаниями, оказались неудовлетворительными. Возможности увеличения национальной безопасности с помощью «мягкой силы», в частности, противодействия терроризму и экстремизму, также подвергаются сомнению. Сегодня после исторического решения о выходе Великобритании из Европейского Союза, несущего потенциальную угрозу целостности Соединенного Королевства, а также в условиях крупнейшего глобального гуманитарного кризиса, огромного потока беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, перед британским руководством стоят серьезные задачи, и возможности «мягкой силы» оказываются во многом ограниченными. Недоверие граждан к политическому истеблишменту в Великобритании и в других западных странах, рост популярности правых партий и политиков, серьезная критика расходов на программы содействия международному развитию также могут сыграть негативную роль для «мягкой силы». Тем не менее британские элиты, безусловно, будут продолжать политику, направленную на распространение языка и культуры, продвижение образования, британских ценностей и идей за рубежом.

Изучение особенностей использования «мягкой силы» Великобритании, применяемых инструментов и механизмов, помогает взглянуть на положение страны в мире и ее внешнеполитическую стратегию с нового ракурса. Исследователь может учесть не только военную или экономическую мощь, но и возможности страны влиять на других участников международных отношений с помощью привлекательности национальной культуры, ценностей и моделей поведения. С другой стороны, рассмотрение внешнеполитической деятельности государства через призму «мягкой силы» позволяет лучше понять мотивы и действия британских экспертов и политиков, взявших данную концепцию на вооружение.

Опыт Великобритании по практическому применению сложной с теоретической и прикладной точки зрения концепции «мягкой силы» во внешней политике, безусловно, представляет интерес и должен учитываться как при планировании российской политики на британском направлении, так и при организации работы институтов и механизмов, нацеленных на увеличение «мягкой силы» нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российские публикации

1. Ананьева Е.В. Британия в зоне турбулентности // Международная жизнь. – 2010. – № 6. – С. 52 – 63.
2. Ананьева Е.В. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму». Доклады Института Европы РАН. №. 293. – М : Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, 2013. – 142 с.
3. Ананьева Е.В. Расстановка политических сил в Британии в преддверии выборов 2015 года. // Международная жизнь. – 2015. – № 4. – С. 62-75.
4. Андреева Т.Н. Великобритания и европейские интеграционные процессы после еврокризиса. // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 11. – С. 40-47.
5. Андреева Т.Н. Европейская политика кабинета Д. Кэмерона - Н. Клегга (май 2010 – июль 2013 гг.). Отв. ред.: Н.К. Арбатова, К.П. Зуева. – М.: ИМЭМО РАН, 2014 – 190 с.
6. Арбатов А.Г. Угрозы реальные и мнимые // Россия в глобальной политике. – Т. 11. – 2013. – № 1. – С. 22-39.
7. Барановский В.Г. Система международных отношений: формирование новых реалий. – В кн.: Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014.. – С. 299-341.
8. Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2011. – № 3. – С. 37-50.
9. Барановский В.Г. Система международных отношений: формирование новых реалий. – В кн.: Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова .И. – М.: Весь мир, 2014.. – С. 299-341.
10. Барановский В.Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. // «Международные процессы». – 2010. – Т. 8. – С. 4.
11. Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 616 с.
12. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. – Москва: РОССПЭН, 2005. – 367 с.
13. Баталов, Э.Я. Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. – 2003. – №6. – С. 25-37.
14. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке»: Образы современной России в работах американских авторов. 1992-2007 гг. – М.: РОССПЭН, 2008. – 384 с.
15. Баталов Э.Я. О философии международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 128 с.;
16. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 384 с.
17. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. – Т.4. – N. 3(12). Режим доступа: <http://intertrends.ru/twelfth/001.htm>.
18. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Т. 3. – М.: Изд-во НОФМО, 2004. – 2087 с.
19. Братерский М.В. «Жесткая» сила как «мягкий» инструмент внешней политики России в Евразии. // Россия и современный мир. – 2016. – № 2. – С. 39-48.

20. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США. // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т.9. – N 2. – С. 130-144.
21. Братерский М.В. Миротворчество и развитие в контексте демократизации современного мира: уточнение существующей парадигмы //Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 3. – С. 93-106.
22. Братерский М.В. Экономическая мощь в мире «жесткой» и «мягкой» силы. // Актуальные проблемы Европы, – 2014. – № 3. – С. 59-96.
23. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
24. Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 106-123.
25. Быков О.Н. Образ России как субъекта формирования современного мироустройства. К методологии исследования. – М., ИМЭМО РАН, 2007. – 58 с.
26. Великобритания: эпоха реформ. / Под ред. Ал.А. Громыко. – М.: «Весь Мир». 2007. – 536 с.
27. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годы. – М.: Крафт+, 2007. – 464 с.
28. Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики. // Международные процессы, 2006. – Т. 4. – № 2 (11). – С. 100-111.
29. Глобальная перестройка / отв. ред.: Дынкин А.А., Иванова Н.И. – М.: Весь мир, 2014. – 528 с.
30. Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2 т. / редкол.: Семененко И.С. (отв. ред.), Загладин Н.В., Лапкин В.В., Пантин В.И.. – Т. 1. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 312 с.
31. Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. В 2 т. / редкол.: И.С. Семененко (отв. ред.), Н.В. Загладин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин. – Т. 2. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 336 с.
32. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М: Мысль, 2001.
33. Годованюк К.А. Механизм принятия внешнеполитических решений Великобритании. // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2012. – № 2 (265). – С. 81-91.
34. Годованюк К.А. Общая внешняя политика ЕС и дилеммы британской дипломатии. // Современная Европа. – 2012. – № 2 (50). – С. 71-81.
35. Годованюк К.А. Россия во внешнеполитической стратегии Великобритании на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М: Институт Европы РАН, 2015. – 258 с.
36. Год планеты: ежегодник. Вып. 2015 г.: экономика, политика, безопасность. / Гл. ред. В.Г. Барановский. – Москва: Идея-Пресс, 2015. – 480 с.
37. Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради. (Quaderni del Carcere). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/G/GRAMSHI_Antonio/_Gramshi_A..html.
38. Громыко Ал. А., Ананьева Е. В. Российско-британские отношения на современном этапе: рабочая тетрадь / гл. ред. И. С. Иванов. – №19/2014. – М.: Спец-книга, 2014. – 32 с.
39. Громыко Ал. А. Великобритания — модернизация на фоне традиций // Вестник Европы. – 2007. – №19-20. – С. 193.

40. Громыко Ал. А. Внешняя политика Великобритании: от империи к «осевой» державе» // Космополис. – 2005. – № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gromyko.ru/Russian/Brit/brit13.htm>.
41. Громыко Ал. А. Изменяющаяся геометрия полицентричности // Сравнительная политика. – 2012. – № 2. – С. 59-63.
42. Громыко Ал. А. Образы России в Великобритании: реальность и предрассудки. М.: Русский сувенир, 2008. 96 с.
43. Громыко Ал. А. Проект общеевропейской безопасности: трудный путь становления. Безопасность Европы / под. ред. В. В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011.
44. Громыко Ал. А. Тони Блэр: десять лет во главе Британии // Современная Европа. – 2007. – №2.
45. Дилеммы Британии: поиск путей развития / Под. ред. Ал. А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. – М.: Весь мир, 2014. – 480 с.
46. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 1. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm>.
47. Дегтерев Д.А. Основные подходы к оказанию содействия международному развитию// Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 4 (19). – С. 99-100.
48. Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО университета. – 2012. – № 2– С. 47-57.
49. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: учебное пособие. – М.: Наука, 1996. – 304 с.
50. Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. – Том 9. – № 1 (25). – С. 63-73.
51. Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук, М: МГИМО (У) МИД РФ, 2011. – 24 с.
52. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 352 с.
53. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. – М: Знак, 2006. – 488 с.
54. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 89–122.
55. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа. // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 111-134.
56. Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. // Семиотический анализ. Очерки текущей политики. Выпуск 2. – М: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2006.
57. Ильин М. В., Мельвиль А. Ю. Власть. // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 146-163.
58. Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза в США. // Сравнительная политика. 2015. – Т. 6. – № 1(18). – С. 111-127.
59. Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды. // Международные процессы. – 2012. – № 10-3. – с. 58–72.
60. Истомин И.А. Научное обеспечение внешней политики США. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2012. – 27 с.

61. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. – М.: Международные отношения, 2016. – 840 с.
62. Капитонова Н.К. Приоритеты внешней политики Великобритании (1990-1997 гг.). / Российская политическая энциклопедия. – М.: Росспэн, 1999. – 144 с.
63. Кеохейн Р.О. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С. 438-452.
64. Королев В. А., Владимирова А. В., Трунина А. А. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы». // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. – № 2. – С. 209-228.
65. КОРТУНОВ А.В. Семь шагов за горизонт кризиса. / Российский совет по международным делам. 2.02.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5177 (дата обращения: 04.02.2015).
66. Косолапов Н.А. От территории к пространствам: политико-исторический экскурс.// Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2011. – С. 15-33.
67. Косолапов Н.А. Политические пространства глобального мира: становление, функции, эволюция. // Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2011. – С. 51-73.
68. Косолапов Н.А. Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. – 2007. – № 3. – С. 57-65.
69. Косолапов Н.А. Тема 7. Субъекты мировой политики и международных отношений: явления, критерии, основы типологии // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 12. – С. 123-134.
70. Косолапов Н.А. Тема 2. Теоретические исследования международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – №2. – С. 67-79.
71. Косолапов Н.А. Тема 4. Явление международных отношений: историческая эволюция объекта анализа (Введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – №4. – с. 59-70.
72. Косолапов Н.А. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 5. – С. 98–108.
73. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты). / Отв. ред. Арбатова Н.К., Кокеев А.М.. – М., ИМЭМО РАН, 2013. – 204 с.
74. Кулькова О.С. Использование инструментария «мягкой силы» в процессах сетевого взаимодействия в современном мире: британский опыт и потребности РФ. // Россия: тенденции и перспективы развития ежегодник: материалы XV международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». Отв. ред. Пивоваров Ю.С.. М: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. – С. 328-331.
75. Кулькова О. С. Политика Великобритании в странах Африки при лейбористском правительстве Т. Блэра (1997 – 2007 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Учреждение Российской академии наук Институт Африки РАН, 2011.
76. Кулькова О. С. Политика Лондона в Африке: от Блэра к Брауну // Азия и Африка сегодня. – Сентябрь 2009. – №9. – С. 35 – 40.
77. Кулькова О. С. Проблематика мягкой силы и культурной дипломатии в политическом дискурсе современной Великобритании: поиск ориентиров в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 1. – С. 101-138.

78. Кулькова О.С. Участие Великобритании в урегулировании африканских конфликтов: эволюция подходов. // Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике. / Мировое развитие. – 2013. – № 10. – М.: ИМЭМО РАН. – С. 35-45.
79. Лабеецкая Е.О. Трансарктический контекст стратегических приоритетов РФ // Пути к миру и безопасности. – 2014. – № 2 (47). – С. 81-88.
80. Лазутина И.В., Нагорнов В. А., Шелепов А. В., Рахмангулов М. Р., Сахаров А.Г. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. – № 2. – С. 229-245.
81. Лапкин В.В., Семененко И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 64-81.
82. Ларионова М.В. «Мягкая сила» – ресурс внешней политики. Презентация к докладу на совещании руководителей представительств и представителей Россотрудничества за рубежом, Москва, 7 июля 2014. – С. 4. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2014/07/08/1311908969/Презентация_мягкая_сила_итог.pdf (дата обращения 24.10.14).
83. Лебедева М.М. Мировая политика. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с.
84. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов / Международные процессы. – 2015. – Том 13. - № 4 (43). – С. 45-56.
85. Лебедева М.М. ресурсы влияния в мировой политике // Полис (Политические исследования). – 2014. – № 1. – С. 99–108.
86. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве. // Вестник МГИМО. 2014. – №2 (35).
87. Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 С.
88. Ледяев В.Г. Формы власти: типологический анализ. // Полис. – 2000. – №2. – с.6-18.
89. Лукьянов Ф.А. Парадоксы российский «мягкой силы» / *Revue internationale et stratégique*. Вызовы перед Россией. (Специальный выпуск журнала) Париж, 2014. Режим доступа: http://obsfr.ru/fileadmin/templates/html/images/140128_Loukianov.pdf (дата обращения 03.03.2015).
90. Майкл Б., Хартвелл К., Нуреев Б. «Мягкая сила» – палка о двух концах? // BRICS Business Magazine. – № 5.
91. Макиавелли Н. Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1982.
92. Маклэйн Д. Внешняя политика Англии после Суэца / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1972. – 459 с.
93. Неймарк М.А. Дилеммы «мягкой» и «жесткой» силы: к урокам украинского кризиса. // Проблемы постсоветского пространства. – 2016. – № 1. – С. 5-37.
94. Новая философская энциклопедия: в 4 т. // Гл. ред. В.С. Степин / Ин-т философии РАН; 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. Интернет-версия издания: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.
95. Остапенко Г. С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II: концепция управления и личности суверена. – М. : Наука, 2006. – 303 с.
96. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г.Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: 2005. – 204 с.
97. Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. – М: МГИМО(У) МИД России, 2012.
98. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2013. – 40 с. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm.

99. Перегудов С.П. Великобритания после выборов 1997 года: обычная смена власти или прорыв в XXI век. // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 3. – С. 74-84.
100. Перегудов С.П. Стратегические новации британского истеблишмента в конце XX – начале XXI веков. // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2787#top (accessed: 07.02.2015).
101. Поздняков Э.А. Системный подход к исследованиям международных отношений. – М.: Наука, 1976. – 198 с.
102. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. / отв. ред. Семенов И.С. – Том 1. Словарь терминов и понятий. – М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2011.
103. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. / отв. ред. Семенов И.С. – Том 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2012.
104. Прохоренко И.Л. Испания в Европейском союзе: взаимовлияние национального и транснационального политических пространств. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – М.: ИМЭМО, 2016. – 50 с.
105. Прохоренко И.Л. Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании. – М.: Паспорт-Графика, 1995. – 128 с.
106. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис. – 2012. – № 6. – С. 68-80.
107. Прохоренко И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 111 с.
108. Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. – М.: Эксмо, 2014. – 128 с.
109. Пчельников Л. России нужна мягкая сила. // Российская газета, 01.11.2012. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (дата обращения: 22.09.2014).
110. Работяжев Н.В. Идеино-политическая эволюция лейбористской партии Великобритании в конце XX - начале XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 8. – С. 29-42.
111. Роль образа России в формировании общеевропейского политического пространства./ Под ред. Н.К. Арбатовой. – М., ИМЭМО РАН, 2009. – 128 с.
112. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии / О. Ф. Русакова // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 10. – Екатеринбург, 2010. – С. 173-192.
113. Саворская Е.В. Сущность концепции «Нормативной силы» Европейского союза // Балтийский регион. – 2015. – №4. – С.90-104.
114. Самаркина И.В. Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: теоретико-методологические аспекты. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. – 320 с.
115. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 40-59.
116. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Образ России на Западе: диалектика представлений в контексте мирового развития (К постановке проблемы). // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 6. – С. 110-124.
117. Семенов И.С. Метаморфозы европейской идентичности // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 80–96.
118. Семенов И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 7–18.

119. Семененко И.С., Хесин Е.С., Перегудов С.П., Холодковский К.Г., Вайнштейн Г.И., Ананьева Е.В. Мир. вызовы глобального кризиса. Великобритания. // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 6. – С. 75-89.
120. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / отв. ред. В.И. Гантман. – М.: Наука, 1984. – 422 с.
121. Степанова Е.А. Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа — М.: «Права человека», 2001 — 272 с.
122. Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Том I (520 с.), том II (247 с.). Москва: Московский рабочий, 2000. Том III (720 с.), том IV (600 с.).
123. Современные политические процессы и имидж России. / Отв. ред. – Э.Г.Соловьев. – М., ИМЭМО РАН, 2007. – 117 с.
124. Соловьев А.И.. Политология: Политическая теория. Политические технологии. Учебник для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект пресс, 2010. – 575 с.
125. Соловьев Э.Г., Смирнов А.Н. Международный имидж современной России: дефицит привлекательности или дефицит идей? // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 19–33.
126. Соловьев Э.Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского университета. Сер. 12. Полит. науки. — 2010. — № 4. — С. 72–77.
127. Стрежнева М.В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. – 2005. – Т.3. – №1(7). – С. 17–29.
128. Стрежнева М.В. Территориальный и функциональный типы организации политических пространств (в развитие интеграционной теории) // Политическая наука. – 2014. – № 2. – С. 26-43.
129. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. Дынкина А.А. – М.: Магистр, 2011. – 480.
130. Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М: МГУ им. Ломоносова, 2014. – 254 с.
131. Толстухина А.Ю. Современная внешняя политика Великобритании в отношении содружества наций (цели, задачи, основные направления). // Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2015. – 207 с.
132. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО – Университета. 2012. – № 4 (25). – С. 85-93.
133. Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / отв. ред. Стрежнева М.В. – М.: ИМЭМО РАН, 2010 – 266 с.
134. Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2011. – 376 с.
135. Фененко А.В. Реальность и мифы «мягкой силы». Сайт Российского совета по международным делам. 27.01.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167 (дата обращения 27.01.2016).
136. Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. – М.: Астрель, 2013. – 560 с.
137. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. – М.: РУДН, 2010. – 212 с.
138. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – М: Дипломатическая академия МИД РФ, 2013.

139. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ //Международные процессы. 2008. – Т. 6. – № 1. – С.76-85.
140. Фукидид. История. – М: Академический проект, 2012. – 557 с.
141. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
142. Хаксли О. О дивный новый мир. – СПб.: Амфора, 1999. – 541 с.
143. Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 22-29.
144. Харитоновна Е.М. Британская инициатива о создании «Фонда поддержки демократии в Восточной Европе и на Балканах». // Официальный сайт ИМЭМО РАН. Актуальный комментарий, 23.03.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1584 (дата обращения 16.05.2015).
145. Харитоновна Е.М. Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии (обзор). // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 224-235.
146. Харитоновна Е.М. Имиджевые кампании во внешней политике лейбористов и консерваторов в Великобритании в конце 1990–2010 гг. // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17. – № 4. – С. 83-97.
147. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик. // Сравнительная политика. – 2017. – 8(1). – С. 5-20
148. Харитоновна Е.М. Политика Великобритании по регулированию и предотвращению межэтнических конфликтов в третьих странах: инструменты и механизмы. // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – Т. 16. – №2. – С. 56-69. Available at: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2015_2/2015_2_Kharitonova.pdf.
149. Харитоновна Е.М. Программы содействия международному развитию и национальная безопасность: опыт Великобритании. // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2 (49). – С. 29-43.
150. Харитоновна Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки. // Мировая экономика и международные отношения, 2015. – № 6. – С. 48-58.
151. Хесин Е.С. Великобритания в преддверии выборов. // Год планеты: ежегодник. Вып. 2014 г: экономика, политика, безопасность / гл. ред. Барановский В.Г. М.: Идея-Пресс, 2014. – С. 266-277.
152. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. – М.: НОФМО, 2008. – 232 с.
153. Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002.
154. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде». // Международные процессы. – 2015. – Т.13. – № 3 (42). – С. 121-133.
155. Цыганков А. П. Всесильно, ибо верно? «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 6. – С. 26–36. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vsesilno-ibo-verno-16251>.
156. Чихарев И. А., Столетов О. В. К вопросу разумного использования мягкой силы во внешней политике России // Геополитический журнал. – 2014. – № 4. – С. 55–71.
157. Швыдко В.Г. «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве безопасности и сотрудничества. // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 9. – С. 5-15.
158. Шелепов А.В. Зарубежный опыт применения «мягкой силы»: Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9. – № 2. – С.10-25.
159. Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США. – М., Наука, 1984. – 351 с.

160. Шелюбская Н.В. Государственное стимулирование интеллектуальной мобильности в Великобритании // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2015. – № 1 (31). – С. 115–130.
161. Юдин Н.А. Системное прочтение феномена мягкой силы. // Международные процессы. 2015. – Т. 13. – № 2. – С. 96-105. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.7.
162. Юдин Н. В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. С. 134—163.

2. Зарубежные публикации

1. Anholt, S. Competitive Identity, the New Brand Management for Nations, Cities, and Regions. – New York: Palgrave Macmillan, 2007.
2. Arendt H. On Violence. – New York: Harcourt Brace & Co., 1970. – 120 p.
3. Arendt H. The Human Condition. – Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 325 p.
4. Aronczyk M. Branding the Nation: The Global Business of National Identity. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 244 p.
5. Bachrach P., Baratz M.S. Two Faces of Power. // The American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56. – No 4. – P. 947-952.
6. Bader, J., Jörg F. Foreign Aid, Democratization, and Autocratic Survival. // International Studies Review. – 2014. – Vol. 16. – № 4. – P. 575-595.
7. Baldwin D. Interdependence and power: a conceptual analysis. // International Organization. – 1980. – № 34, 4. – P. 471-506.
8. Baldwin D. Power analysis and world politics: New trends versus old tendencies // World Politics. – 1979. – Vol. 31. – № 2. – P. 161-194.
9. Baldwin D. Power and International Relations // Handbook of International Relations. / Eds.: Carlsnaes W., Risse T., Simmons B.A.. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2013. – P. 273-297.
10. Barder O. Reforming Development Assistance: Lessons from the UK Experience. The Center for Global Development, 2005. Available at: http://www.cgdev.org/files/4371_file_WP_70.pdf.
11. Barder O. Reforming Development Assistance: Lessons from the UK Experience. – London: The Center for Global Development, 2005. Available at: http://www.cgdev.org/files/4371_file_WP_70.pdf.
12. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics // International Organization. 2005. – Vol. 59. – No 01. – P. 39-40.
13. Beasant A. FCO and DFID. A case of Siamese twins or sibling rivalry? – London: Royal College Of Defence Studies, 2010.
14. Beech M. British Conservatism and Foreign Policy: Traditions and Ideas Shaping Cameron's Global View // The British Journal of Politics & International Relations. – 2011. – Vol. 13. – No 3. – P. 348–363.
15. Beloff M. The Projection of Britain Abroad. International Affairs. – 1965. – Vol. 41. – No. 3. – London: Royal Institute of International Affairs. – P. 478-489.
16. Berenskoetter F., Williams M.J. Power in World Politics. – New York: Routledge, 2007. – 442 p.
17. Bound K., Briggs R., Holden J. Jones S. Cultural Diplomacy. – London: Demos. 2007. – 113 p. Available at: http://www.demos.co.uk/files/Cultural_diplomacy_-_web.pdf.
18. British Aid-4. Technical Assistance. A factual survey of Britain's aid to overseas development through technical assistance. – London: The Overseas Development Institute, 1964. – 200 p.

19. Brown R. The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communications Research. Institute of Communication Studies. University of Leeds. – Leeds. UK. 2012.
20. Carr, E.H. Propaganda in International Politics. – Oxford: Clarendon Press, 1939.
21. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. – London: Macmillan, 1946.
22. Changhe S., Soft Power. // Oxford Handbook of Modern Diplomacy. / eds.: Cooper A.F., Heine J., Ramesh Thakur R. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 544-558.
23. Chong A. Foreign policy in global information space. Actualizing soft power. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 255 p.
24. Clements B. Examining public attitudes towards recent foreign policy issues: Britain's involvement in the Iraq and Afghanistan conflicts // Politics. – 2011. – Vol. 31. – No 2. – P. 63–71.
25. Cooke J. G., Downie R. Rethinking Engagement in Fragile States. / CSIS, 2015.
26. Crystal, D.. English as a global language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
27. Crystal D. Two thousand million? // English Today. 2008. – № 24. – P 3-6. doi:10.1017/S0266078408000023.
28. Corse E. A Battle for Neutral Europe: British Cultural Propaganda During the Second World War. – London: Bloomsbury. 2013. – 259 p.
29. Dahl R., Stinebrickner B. Modern Political Analysis. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 2003. – 184 p.
30. Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. – 1957. – No 2. – P. 201–215.
31. Davies, A. Ironising the myth of linguisticism. // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 1996. – 17 (6). – P. 485–496.
32. Dinnie K. Nation Branding: Concepts, Issues, Practice. – New York: Routledge, 2015. – 306 p.
33. Dowding K. Three-Dimensional Power: A Discussion of Steven Lukes' Power: A Radical View // Political Studies Review. – 2006. – Vol. 4. – No 2. – P. 136–145.
34. English as the international language of science. // Research Trends, 06.07.2008.
35. Etheridge E. How 'Soft Power' Got 'Smart'. // New York Times, 14.01.2009. [Electronic resource]. Available at: <http://opinionator.blogs.nytimes.com/2009/01/14/how-soft-power-got-smart> (accessed 27.01.2015).
36. Fan Y. Branding the nation: What is being branded? // Journal of Vacation Marketing. – 2006. – V. 12. – No 1. – P. 5–14. Available at: http://countrybrandingwiki.org/images/3/3e/country_branding_article.pdf
37. Fan Y. Soft power: power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. – 2008. – V. 4. – No 2. – P. 147-158.
38. Ferguson N. Power. // Foreign Policy. – 2003. – No 134. – P. 18-22, 24.
39. Flew, T. The Creative Industries, Culture and Policy. – London: Sage Publications, 2012.
40. Franzén J. Losing hearts and minds in Iraq: Britain, Cold War propaganda and the challenge of communism, 1945–58. Historical Research. – 2010. – Vol. 83. – No 222. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd. DOI: 10.1111/j.1468-2281.2009.00520.x.
41. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 1992. – 418 p.
42. Gaskarth J. Strategizing Britain's role in the world. // International Affairs. – 90: 3, 2014. – P. 549-581.
43. Gaskarth J. British Foreign Policy: Crises, Conflicts and Future Challenges. – NY: John Wiley & Sons, 2013. – 282 p.
44. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. // Annals of the American Academy of Political and Social Science, – V. 616, Public Diplomacy in a Changing World. 03.2008. – P. 55-77.

45. Giles K., Hanson P., Lyne R., Nixey J., Sherr J., Wood A., *The Russian Challenge*. Chatham House Report. – London. 2015. – P. 42. [Electronic resource]. Available at: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWood.pdf.
46. Gilmore, J. Still a 'Force for Good'? Good International Citizenship in British Foreign and Security Policy. // *British Journal of Politics and International Relations*. – 2015. – Vol 17. – P. 106–129. doi: 10.1111/1467-856X.12032.
47. Gilpin R. *War and Change in World Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
48. Griffith P., Leonard M. *Reclaiming Britishness: Living Together After 11 September and the Rise of the Right*. – London: Foreign Policy Centre, 2002. – 108 p.
49. Habermas J., McCarthy T. Hannah Arendt's Communications Concept of Power. // *Social Research*. – Vol. 44, No 1. – 1977. – P. 3-24.
50. Hack K. *Selling Empire: The Empire Marketing Board*. OpenLearn. The Open University. <http://www.open.edu/openlearn/history-the-arts/history/world-history/selling-empire-the-empire-marketing-board>.
51. Hall I. 'Building the Global Network?' The Reform of the Foreign and Commonwealth Office under New Labour. // *British journal of politics and international relations*. – 2013. – Vol. 15. – P. 228–245. doi: 10.1111/j.1467-856X.2012.00533.x.
52. Hart J. Three Approaches to the Measurement of Power in International Relations.// *International Organization*. – 1976. – Vol. 30. – No 2. – P. 289-305.
53. Harvey M. *Perspectives on the UK's Place in the World*. – London: Chatam House, 2011. – 18 p.
54. Hodgson G. Politics, democracy and social affairs. Book review. // *International Affairs*. – 2004. – Vol. 80. – No 5. – P. 999-1000.
55. Hopper P. *Understanding Development*. – : Polity, 2012. – 345 p.
56. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York: Simon and Schuster. 2007. – 368 p.
57. Ilieva J. TNE and the future of student mobility. 09.12.2014. [Electronic resource]. Available at: <http://heglobal.international.ac.uk/join-the-debate/comments/tne-and-the-future-of-student-mobility.aspx>.
58. *Influencing tomorrow. Future challenges for British Foreign Policy* / ed. by A. Douglas, I. Kearns. – Guardian book, 2013. – 342 p.
59. Kachru B. B. *The Other Tongue: English Across Cultures*. English in the global context. – Champaign: University of Illinois Press, 1992. – 384 p.
60. Kaldor M. Missing the Point on Hard and Soft Power? // *The Political Quarterly*, 2014. – V. 85. – No 3. – P. 372-377.
61. Kennedy G., Tuck C. *British Propaganda and Wars of Empire: Influencing Friend and Foe 1900–2010*. – Farnham: Ashgate Publishing, 2014. – 289 p.
62. Keohane R.O., Nye J.S. Jr. Power and interdependence in the information age. // *Foreign Affairs*. – 1998. – Vol. 77. – No 5. – P. 81-94.
63. Keohane R.O., Nye J.S. Jr. *Power & Interdependence* (4th Edition). – Pearson, 2011. – 368 p.
64. Kiseleva Y.L. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power. // *Politics*, 2015. – Vol. 35. – No 3-4. – P. 316-329. doi: 10.1111/1467-9256.12100.
65. Knack, S. Does Foreign Aid Promote Democracy? // *International Studies Quarterly*. – 2004. – Vol. 48. – No 1. – P. 251-266.
66. Knorr K. *The Power of Nations*. – New York, 1975.
67. Knorr K. *Power and Wealth: Political Economy of International Power*. – NY: Basic Books, 1973. – 210 p.
68. Kono D. Y., Montinola G.R. The Uses and Abuses of Foreign Aid: Development Aid and Military Spending. // *Political Research Quarterly*. – 2012. – V. 66. – № 3. – P. 615-629.

69. Kotler P. Haider D.H., Rein I. Marketing Places. – New York: Free Press, 1993.
70. Lancaster C. Foreign aid in the twenty-first century, what purposes? // Foreign aid and foreign policy. Lessons for the next half-century. / eds. Picard L., Groelsema R., Buss T.
71. Lasswell H.D., Kaplan A.K. Power and Society. – New Haven: Yale University Press, 1950.
72. Leonard M. BritainTM. Renewing our identity. – London, DEMOS, 1997. – 84 p. Available at: <http://www.demos.co.uk/files/britaintm.pdf>.
73. Leonard M. British Public Diplomacy in the Age of Schisms. – London: Foreign Policy Centre, 2005.
74. Leonard M., Stead C, Smewing C. Public Diplomacy. – London: The Foreign Policy Centre, 2002. –183 p.
75. Lock, E. Soft Power and Strategy: Developing a 'Strategic' Concept of Power. / Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. – London: Routledge, 2010. – P. 32-50.
76. Lukes S. Power: A Radical View. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004. – 200 p.
77. Mahboob A. English: The industry. // Journal of Postcolonial Cultures and Societies. – 2011. – V 2. – No 4. – P. 46-61.
78. Mangold P. Success and Failure in British Foreign Policy: Evaluating the Record, 1900-2000. – London: Palgrave Macmillan, 2001. – 254 p.
79. Marr A. The Day Britain Died. – London: Profile Books, 2000. – 272 p.
80. McCarthy T. Hannah Arendt's Communications Concept of Power. Social Research. – 1977. – V. 44. – No 1. – P. 3-24.
81. McCourt D.M. Rethinking Britain's Role in the World for a New Decade: The Limits of Discursive Therapy and the Promise of Field Theory // The British Journal of Politics & International Relations. 2011. – V. 13. – № 2. – P. 145–164.
82. Merriam C.E. Political Power. Its Composition and Incidence. – New York and London: McGraw-Hill, 1939.
83. Moloney K. Rethinking Public Relations: PR Propaganda and Democracy. – New York: Routledge, 2006. – p. 61.
84. Morgenthau H.J. A Political Theory of Foreign Aid. // American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56. – No 2. – P. 301–309.
85. Morgentau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York: Knopf, 1985. – 688 p.
86. Morris J. How Great is Britain? Power, Responsibility and Britain's Future Global Role // The British Journal of Politics & International Relations. 2011. – V. 13. – № 3. – P. 326–347.
87. Nairn T. After Britain: New Labour and the Return of Scotland. – London: Granta Books, 2000. – 324 p.
88. Narang, N. Assisting Uncertainty: How Post-Cold War Humanitarian Aid Inadvertently Prolongs Civil Wars. // International Studies Quarterly. – 2015. – Vol. 59. – № 1. – P. 184-195.
89. New frontiers in science diplomacy. – London, Royal Society, 2010. Available at: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf.
90. Niblett R. Choosing between America and Europe: A New Context for British Foreign Policy. // International Affairs. – 2007. – Vol. 83.– No 4. – P. 627-641.
91. Niblett R. Playing to its Strengths: Rethinking the UK's Role in a Changing World. – London: Chatam House, 2011. – 20 p.
92. Nye J. A Smarter Superpower. // Foreign Policy, 18.04.2007.
93. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1990. – 336 p.

94. Nye J. Culture, Soft Power, and 'Americanization'/Cultural Politics in a Global Age; Uncertainly, Solidarity and Innovation. / eds. Held D., Moore H. – London: Oneworld Publications, 2007.
95. Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs, 07.08.2009. Available at: <http://www.foreignaffairs.com/articles/65163/joseph-s-nye-jr/get-smart> (accessed 03.03.2015).
96. Nye J. Notes for a Soft Power Research Agenda / Power in World Politics. / eds. Berenskoetter F., Williams M. J. – London: Routledge, 2007.
97. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 2008. – Vol. 616. Public Diplomacy in a Changing World. – P. 94-109. Available at: <http://www.jstor.org/stable/25097996> (Accessed: 06.07.2015).
98. Nye J. Smart power. // New Perspectives Quarterly, 2009. – V. 26. – No 2. – P. 7-9.
99. Nye J. Smart Power and the 'War on Terror' // Asia-Pacific Review. – V. 15. – No 1. – P. 1-8, 05.2008.
100. Nye J. Smart Power: In Search of the Balance between Hard and Soft Power. // Democracy: A Journal of Ideas. – No 2, 2006.
101. Nye, J. Soft Power.// Foreign Policy. – 1990. – No 80. – P. 153-171.
102. Nye J. Soft Power and American Foreign Policy. // Political Science Quarterly, 2004. – Vol. 119. – No 2. – P. 255-270.
103. Nye J. Soft Power and Cultural Diplomacy. // Public Diplomacy Magazine, 01.2010. Available at: <http://publicdiplomacymagazine.com/soft-power-and-cultural-diplomacy>.
104. Nye J. Soft Power and Higher Education. // EDUCAUSE, 2004. – P. 11-14. Available at: <https://library.educause.edu/~media/files/library/2005/1/ffp0502s-pdf.pdf>.
105. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: New York Public Affairs. – 2004. – 191 p.
106. Nye J. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2010.
107. Nye J. The Information Revolution and American Soft Power // Asia Pacific Review. Spring, 2002.
108. Nye J. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone. – New York: Oxford University Press, 2002.
109. Nye J. The Place of Soft Power in State-Based Conflict Management // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. / eds.: Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. – Washington. – P. 389-400.
110. Nye J. The Velvet Hegemon. // Foreign Policy. 05.2003. – P. 74-75.
111. Nye J. The War on Soft Power. // Foreign Policy, 12.04.2011.
112. Nye J. Think again: soft power. // Foreign policy 23.02.2006. Available at: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power>.
113. Nye J. What China and Russia Don't Get About Soft Power. // Foreign Policy, 29.04.2013. Available at: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>.
114. Nye J. When Hard Power Undermines Soft Power. // New Perspectives Quarterly. – 2004. – Vol. 21 – No 3. – P. 13–15.
115. Olins W. Trading Identities: Why Countries and Companies are Taking on Each Others' Roles. – London: Foreign Policy Centre, 2000. – 57 p.
116. Pacquement F. How Development Assistance from France and the United Kingdom Has Evolved: Fifty Years on from Decolonisation. // International Development Policy. / Revue internationale de politique de développement. – 2010. – No 1. URL : <http://poldev.revues.org/137>. DOI : 10.4000/poldev.137.
117. Pamment J. 'Putting the GREAT Back into Britain': National Identity, Public-Private Collaboration & Transfers of Brand Equity in 2012's Global Promotional Campaign // The British Journal of Politics & International Relations. 2014.

118. Pamment J. *British Public Diplomacy and Soft Power*. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 247 p.
119. Parsons T. *Power and the Social System* // *Power* / ed.: Lukes S. – Oxford: Blackwell, 1986. – P. 96–143.
120. Phillipson, R. *Linguistic Imperialism*. – Oxford: Oxford University Press, 1992. *Post-imperial English: Status Change in Former British and American Colonies 1940–1990*. / eds.: Fishman, J.A., Conrad A.W. and Rubal-Lopez, A. – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 1996.
121. *Power in World Politics* / eds.: Berenskoetter F., Williams M.J. – New York: Routledge, 2007.
122. Reynolds D. *Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century*. – New York: Routledge, 2013. – 392 p.
123. Rose R. *Language, soft power and asymmetrical Internet communication*. / Oxford Internet Institute, Research Report No 7, April 2005. Available at: www.oii.ox.ac.uk/research/publications/RR7.pdf.
124. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. / N. Snow, P. M. Taylor (eds). – New York: Routledge, 2009. – 404 p.
125. Sanders D. *Losing an Empire, Finding a Role: British Foreign Policy since 1945*. 1990.
126. Savun B., Phillips B.J. *Democracy, Foreign Policy, and Terrorism*. // *The Journal of Conflict Resolution*. – 2009. – Vol. 53, – № 6. – P. 878-904.
127. Skutnabb-Kangas T., Phillipson, R. *Linguicide and linguisticism*. // *Kontaktlinguistik/Contact Linguistics/Linguistique de contact: An international handbook of contemporary research*. – Berlin & New York: de Gruyter, 1996. – P. 667–674.
128. Snow N. *Rethinking Public Diplomacy* // *Routledge handbook of public diplomacy*. / eds: Snow N, Taylor P. – New York: Routledge, 2009. – P. 7-8.
129. Stewart A. *Monarchy and Soft Power: The triumph of Britain without empire?* // *Darrow*. 01.05.2014. Available at: <http://darrow.org.uk/2014/05/01/monarchy-and-soft-power-the-triumph-of-britain-without-empire>.
130. Tardy C. *The role of English in scientific communication: lingua franca or Tyrannosaurus rex?* // *Journal of English for Academic Purposes*. – 2004. – Vol. 3. – No 3. – P. 247–269.
131. Taylor P.M. *British Propaganda in the Twentieth Century: Selling Democracy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. – 288 p.
132. Taylor Ph. *The Projection of Britain: British Overseas Publicity and Propaganda, 1919-1939*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 363 p.
133. Tugendhat Ch., Wallace W. *Options for British foreign policy in the 1990s*. – London, New York: Royal Institute of International Affairs, 1988. – 125 p.
134. *The new public diplomacy. Soft Power in International Relations*. / Ed. J. Melissen. – New York: Palgrave Macmillan. 2005. – 221 p.
135. Veen A.M. van der. *Ideas, Interests and Foreign Aid*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 311 p.
136. Wallace W. *Foreign Policy and National Identity in the United Kingdom*. // *International Affairs*. – 1991. – Vol. 67. – No 1. – P. 65-80.
137. Wallace W. *The Collapse of British Foreign Policy* // *International Affairs*. – 2005. – Vol. 81, No 1. – P. 53-68.
138. Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1470 p.
139. Wild, L., Elhawary S. *The UK's approach to linking development and security: assessing policy and practice*. / Overseas Development Institute, Working Paper 347. – London, 2012.

140. Wilkinson, C. A Necessary Evil? Propaganda, Censorship, and Class in Britain's Ministry of Information, 1939-1941, *Liberated Arts: a journal for undergraduate research*. – 2015. – Vol. 1. – No. 1, Article 13. Available at: <http://ir.lib.uwo.ca/lajur/vol1/iss1/13>.
141. Williams P. *British foreign policy under New Labour, 1997–2005*. – Basingstoke: Macmillan, 2005. – 280 p.
142. Williams P. Who's making UK foreign policy? // *International Affairs*. – 2004. – Vol. 80. – № 5. – P. 909–929.
143. Webb A., Smith A., Macfarlane J., Martin N. *The British Council and the political economy of cultural value in historical context*. Open University, 2014. – 12 p.
144. Womack B. Dancing Alone: A Hard Look at Soft Power. // *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*. – 2005. – Vol. 3 – No 11. – P. 3. Available at: <http://japanfocus.org/-Brantly-Womack/1975/article.pdf> (Accessed 21.01.2016).
145. Young J.W. *Britain and the World in the Twentieth Century*. – New York: Arnold, 1997. – 250 p.

Научное издание

Харитонова Елена Марковна

«МЯГКАЯ СИЛА» ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Монография

ISBN 978-5-9535-0542-0

Подписано в печать 19.09.2018
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 17.5 п.л., 11.9 а.л. Тираж 150 экз. Заказ № 31/2018

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23